

ЧАЙКА ДМИТРИЙ

КУПЕЦ ИЗ
БУДУЩЕГО

Наш современник вполне освоился в Раннем Средневековье.

Знания, полученные в прошлой жизни, позволили ему стать самым крупным торговцем в своих землях, нанять дружину и создать небольшое княжество. Он понимает, что если он будет богат и слаб, то хищные соседи сомнут его в мгновение ока. А потому крутиться приходится, как белке в колесе. На Западе в сторону богатого соседа начинает недобро смотреть король франков Хлотарь. А на Востоке — абсолютный гегемон Центральной Европы — Аварский Каганат. Нужно как-то выжить...

Дмитрий Чайка
Купец из будущего 2

Ратко лежал лицом вниз, придавленный мамкиным телом. Младший брат Никша лежал рядом и пытался заплакать, но ему было так страшно, что и это у него не вышло. Мамка двумя руками зажимала им рты и жарко шептала прямо в ухо:

— Только не шевелитесь. Ни звука, всеми богами заклинаю. Если обры услышат, конец нам.

Непоседливый Никша, которому едва четыре года минуло, все пытался поднять голову, но мамка придавила его сильнее и зло прошипела:

— Не смотри туда! Не вздумай голову поднять! Замри, как учили.

А вот Ратко, что был на год старше, намного разумнее оказался. Нелегкую науку выживания в этом мире он изучал на целый год больше, чем его маленький брат. Батю убили стрелой в грудь, он успел это увидеть, когда мамка тащила его в лес. А вот почему братец Само застыл, как деревянный истукан на капище, Ратко так и не понял. Ведь батя им много раз говорил, что только в лесу спастись можно при аварском набеge. Не любят авары лес, они в степи живут. А братца страшный всадник схватил и поперек седла бросил. Нет теперь с ними братца. Жалко его! И Ратко всплакнул тихонечко, так, чтобы мамка не слышала.

В резких гортанных криках не было злобы, как это ни казалось бы странным. В них чувствовалось какое-то бесшабашное веселье. Обры чему-то радовались, хотя родовичи рыдали в голос. Видно, не один батя погиб, защищая свои семьи. Раздалась резкая отрывистая команда, и затрещал камыш, которым были крыты дома словенского рода. Ратко не видел огня, но кожей чуял жар, который шел от того места, где еще недавно он жил со своей семьей. Их дома больше нет, и бати нет, и братца Само тоже... И старой жизни, когда они сидели у каменки, слушая мамкины песни в ожидании лепешки, что пеклась в золе, тоже никогда больше не будет.

Обры давно уже ушли, а они все лежали в густом подлеске, не шевелясь. Голых мальчишек стал пробирать вечерний холодок, и мамка, глядя на покрытые гусиной кожей тельца, прижала их к себе сильнее. Она аккуратно, стараясь не шевельнуть даже травинку, сняла с себя рубаху, и обернула мальчишек.

— Не шевелитесь, — шептала она. — Обры могли лазутчика оставить. Людоловы — народ коварный. До утра лежать будем.

— Мамка, я писать хочу, — прошептал Никша.

— Писай, какай, что хочешь делай, только замолчи, — еле слышно выдохнула мамка.

Так они пролежали до утра, стуча зубами от холода. Иногда они впадали в забытье, уткнувшись в теплую мамкину грудь, но настоящий сон не шел. А вот мамка и вовсе не сомкнула глаз, напряженно вглядываясь в жуткую безлунную темноту. Филин, заухавший на соседнем дереве, разбудил братьев. Мамка снова зажала им рты, а потом приложила палец к губам.

— Ни звука! — прошептала она.

Мальчишки понятливо моргнули глазами, и прижались к ней покрепче. Утренняя прохлада пробирала щуплые тела до костей, но встающее солнышко уже сушило выпавшую росу, освещая своими первыми лучами пепелище хорутанской деревни. Мамка аккуратно встала, острым взглядом пытаясь прорезать все вокруг, и ушла куда-то в сторону, через лес. Она не пошла в их деревушку.

— Лежите молча, пока не приду за вами. Ратко, присмотри за братом!

Ратко кивнул, и обнял чуть слышно хныкающего малыша. Они должны лежать без звука. Так, как учил батя. Он правильно их учил, потому они еще на воле, а не в аварском плену. Мамка пришла нескоро, а испуганным мальчишкам и вовсе показалось, что они ждали ее целую вечность. Но пока ее не было, они не посмели встать или заговорить. Они хорошо усвоили эту науку.

— Вставайте, — сказала мамка обычным голосом. — Обры ушли. И нам уходить нужно. Тут больше делать нечего, тут теперь Морана правит.

— А батя? — робко спросил Ратко.

— Я схоронила его, — с трудом сдерживая слезы, сказала мамка. — Пойдемте. Я нам собрала кое-что в дорогу.

Она смогла собрать не так уж и много, и главным сокровищем была та самая рыбина, которой побрезговал обрин. Мамка подобрала ее, обмыла в речушке, и порезала тонким ножиком, что носила на поясе для домашних надобностей. Душный запах тухлятины никого не смутил, и половину они прикончили тут же, оставив кусок на вечер. А еще мамка нашла немного зерна, десяток плодов репы и целый горшок. Все это она кое-как свалила на волокуши, сделанные из двух жердей и обрывков конопляной веревки, что осталась после ухода авар. Идти далеко, ведь мамка обошла соседние веси. Их тоже все разорили. Нужно идти теперь в другую вервь, а то и в другой род. Да кто примет-то одинокую бабу с двумя несмышленьшами? Пойти к родителям? А где они сейчас? Когда девок у словен замуж отдают в соседний род, то обряд проводят, который похороны напоминает. Потому что умерла та девка в одном роду, а родилась в другом. Чужая она теперь даже родной матери. Да, и как найти родное селище, если на том месте его и нет, скорее всего.

Мамка впряглась в волокуши и потащила их немудреный скарб на закат, туда, где обрыв быть не должно. Они же всегда с востока приходят, из Паннонских степей. А тут, в предгорьях Альп небезопасно становится. Они шли весь день, останавливаясь на привал каждый час-два. Ратко мог идти дальше, а вот брат хныкал, он ведь малец еще. Мамка развела костер, поставив греть воду в горшке. Тут же она на двух плоских камнях, что нашла у реки, растолкла пригоршню ячменя и забросила его в кипящую воду. Горшок прикрыла большим речным гольшом, обложила его углями и стала ждать, пока каша дойдет. Ратко смотрел на лениво булькающую воду с вожделением. Казалось, он еще никогда таким голодным не был. И вот каша, наконец, готова, и мамка начала мешать ее ложкой, остужая. Тяжелые липкие комки ворочались неохотно, не желая расставаться с накопленным от огня теплом. Мамка зачерпнула кашу и стала давать ее по очереди каждому сыну. И лишь когда глаза мальчишек осоловели от сытости, выскребла горшок дочиста и сама доела остатки.

Следующий день был похож на предыдущий, как две капли воды. Он не отличался даже тем, что и соседняя россыпь деревушек, которая называлась вервью, тоже была разорена. Трупы стариков и мужчин, что пытались сопротивляться аварам, так и остались на земле. Их пока не тронули лисы и вороны, а пепелище было еще теплым. Мамка, положив руку на горелое дерево, нахмурилась, а Ратко почувал острый и резкий запах ее страха. Хотя, на самом деле, никакого запаха не было. Просто мальчишке так показалось. А еще у него дыбом поднялись волосы на затылке, он тоже что-то такое почувствовал. Если бы он был постарше, то дрожь земли, что ощутили его босые пятки, все сказали бы ему без слов. Но он был слишком мал, а мамка замешкалась. Она искала еду в пепелище и не углядела, как пятерка всадников выскочила на опушку с лесной тропы.

— Мамка! — закричал Ратко изо всех сил, но было поздно.

Гогочущие всадники окружили их кольцом, насмешливо тыча пальцами в бабу, которая схватила маленький ножик из дрянного болотного железа и выставила его перед собой. Всадникам стало смешно, они просто надрывали свои животы. Впрочем, когда им надоело хохотать, один из них попросту указал мамке булавой на Ратко и его брата. Она все поняла, и ее руки бессильно опустились. Ратко птицей взлетел на коня, схваченный степняком, который вонял, как старый козел. Запах немытого тела перемешивался с острым запахом конского пота, и эта ядреная смесь чуть не выбила слезу из глаз мальчишки. Никшу тоже схватили и посадили на лошадь. А на мамку даже внимания обращать не стали, ударив пятками коней. Авары не ошиблись, и несчастная женщина побежала за всадниками, сбивая босые ноги о корневища, жирной змеей перечеркивающие узкую лесную тропу. Ее даже вязать не стали. А зачем? Куда она денется?

К аварскому лагерю они прискакали довольно быстро. Мамка, чье дыхание стало хриплым и частым, опустилась на землю без сил, прижав к себе сыновей трясущимися руками. Вокруг сидели десятки таких же баб, как и она, ставших в одночасье вдовами. Впрочем, мужики тут были тоже, и теперь они сидели понурые, с всклокоченными волосами, избитые в кровь. Спать они легли там же, где и сидели. Мужиков и баб связали, а детишек не стали, проведя мимо них десятков рослых псов с короткими мордами. Ратко поймал взгляд одного из них, и испуганно отвел глаза, увидев, как приподнялась губа, обнажились крепкие клыки, и раздался негромкий утробный рык. Бабы и ребятишки сбились в кучу, прижавшись боками. Ночи были довольно теплые, но к утру ноги сводило холодом. Вместе было куда теплее.

Их погнали на восток, туда, откуда и приходят эти страшные всадники. Ратко любопытно крутил головой по сторонам, его уже отпустил тот липкий страх, что сковал в лесу. Ведь то, чего он так боялся, уже случилось, а значит, бояться больше нечего. Всадники редкой цепочкой трусили вдоль нестройной толпы словен, загребающих босыми ногами пыль степи, в которую они вскоре вышли. Оказывается, не так-то далеко они и жили от того места, где обры пасли своих коней. Всего несколько дней пешего хода. А для обрина, который, казалось, сросся со своим конем, и того меньше.

Страх вернулся, когда один из мужиков, рослый и крепкий, молнией бросился на скачущего рядом воина и стащил его с коня. Видно, он долго готовился к этому, потому что рядом других авар не оказалось. Убаюкивающие голоса степи, состоящие из шелеста травы и стрекота цикад, навевали дрему. Вот и всадник начал клевать носом, пока не оказался на земле, видя, как ему в лицо летят связанные веревкой кулаки. Бородатый дядька в два удара превратил лицо молоденького обрина в кровавую маску, а потом выхватил у него нож из-за пояса, обхватил его голыми ступнями и начал пилить веревки. Времени у него было совсем мало.

Уже через десять ударов сердца он побежал в дубраву, что длинным языком вытянулась в степь. Тут частенько встречались урочища, особенно вдоль небольших речушек. Лес — единственное спасение от людоловов. Впрочем, он просчитался, и пятерка всадников с задорным гиканьем поскакала за ним, потянув из ножен длинные прямые мечи. Дядька не успел добежать до спасительного леса шагов пятьдесят, как один обрин с оттяжкой ударил его по шее. Яркой пульсирующей струей ударила кровь, а мужик упал на колени и уткнулся лицом в траву. Всадники же преспокойно вернулись к одуревшей от ужаса толпе рабов, которая со страхом и надеждой следила за этим побегом. Бабы всхлипнули и прижали к себе

Сарай, в который их затолкали, был просто огромен. Он стоял между девятым и восьмым кольцом главного хринга аварского кагана. Гигантская крепость раскинулась на десятки верст между Дунаем и Тисой. Девять колец земляных валов опоясывали главную ставку Величайшего, которая представляла собой деревянный частокол с крепкими воротами. Тут то и хранил аварский каган свои сокровища и дань, что собирал от других народов. Между кольцами валов стояли дереvушки словен, даков и гепидов, которые были слугами благородных всадников. Там были кочевья царственного рода уар, который не слишком доверял другим всадникам — кутригурам, утургурам, аланам, венграм и другим, кто прибился к орде, что катилась на запад из монгольских степей, вбирая в себя племена помельче.

Самое страшное началось примерно через неделю, когда в ставку кагана прибыли ромейские купцы. И вот ведь странность. С ромеями идет почти непрерывная война, а купцы, торгующие живым товаром, свободно приходят в логово врага, словно и не происходит ничего. Черноволосые, курчавые ромеи в длинных одеяниях, закрывающих щиколотки и в цветных повязках на головах, окинули перепуганных людей холодным змеиным взглядом. Их давно не трогали чужие слезы и мольбы. Ведь, если считать товар человеком, то ведь так недолго и с ума сойти, впустив в себя горе матери, у которой отняли детей. Старший из ромеев, полуседой мужик в цветастом платье, притягивавшем к себе любопытные взгляды неискушенных в имперской моде хоруган, ходил вдоль ряда пленников, прячущих от него глаза. Он тыкал короткой палочкой в какого-нибудь приглянувшегося ему мальчишку, а стражники вырывали его из рук бьющейся в истерике женщины. Очередь дошла и до Ратко, которого оттащили от воющей матери и увели в соседнее здание, где на соломе сидел еще десяток плачущих мальчишек его возраста.

— Ратко! Ратко! — слышал он истошный крик матери, но ничего сделать не мог. Его ухватили крепкие умелые руки и сжали тонкие запястья до синевы.

— Мамка! — заплакал мальчишка, понимая, что это уже ничему не поможет.

Ни мать, ни брата Ратко больше никогда не видел. Зато увидел трех здоровых мужиков с мертвыми глазами, одетых в кожаные фартуки. На затылке Ратко снова, как тогда встали дыбом волосы, и он попытался сбежать, прошмыгнув между ними.

— Что ж, этот самый прыткий, первым пойдет, — сказал бородатый мужик. Впрочем, Ратко не понял его слов. — Ставлю кувшин вина, что он выживет.

Его крепко взяли за руки и притащили в полутемную комнату, где висел густой, впитавшийся в стены запах крови. Ратко закричал от страха, но его повалили на стол и крепко прижали. В углу тлела жаровня, он видел ее и железный прут, что раскалился в том огне докрасна. Ему грубо раздвинули ноги и перехватили веревкой яички. Он заорал от нахлынувшей боли, а потом заорал еще сильнее, когда почувствовал сталь ножа на своем теле и то, как потом прижгли рану раскаленным прутом.

— Чисто получилось, — с удовлетворением сказал кто-то. — Несите аккуратно, если веревка соскользнет, истечет кровью. Хотя, вроде крепкий, должен выдержать. Да, аккуратнее несите бараны! Тридцать золотых несете! Если он подохнет, я вам все зубы

выбью!

Впрочем, Ратко уже потерял сознание от боли и ничего не слышал. А, если бы и слышал, то ничего бы не понял. Этот язык он тогда не знал. Он и подумать не мог, что эта речь станет ему родной...

* * *

Нотарий Стефан, мелкий писец императорской канцелярии, снова проснулся от собственного крика. Больше десяти лет прошло, а снится ему один и тот же сон почти каждую неделю. И заканчивается он всегда одинаково. Прощальный крик матери, страх и боль. Маленькая каморка, в которой он жил, была обставлена убогой мебелью. Люди думают, что императорские евнухи золото гребут лопатой, да только это не совсем так. Вот постельничий императора, Великий Препозит священных покоев и, правда, богаче всех на свете. Его слова быстрее всех попадают в ухо Августа Ираклия. И допуск на аудиенцию к величайшему тоже через него проходит. Так что кое-кто из евнухов богат, но только не мелкий писец, которому еще и двадцати лет не исполнилось. Он получает грошовое жалование, за которое день и ночь разбирает прошения к императорским чиновникам и лично Августу, читает переписку с провинциальными властями и пишет им ответы, которые потом несет на утверждение к начальству.

Его жизнь плоха? Да нет, в общем то. Он вполне счастлив. Да, он лишился кое-каких радостей жизни, ну, так он их и не знал, а потому не может оценить всю тяжесть потери. Судя по личной жизни кое-кого из его знакомых, эта тяжесть не так уж и велика. Нет, Стефан своей жизнью доволен, как и сотни писцов в императорской канцелярии, которые были евнухами все до единого. Императоры опасались «бородатых» слуг, а потому большую часть придворных должностей занимали именно эти, навсегда потерявшие обычные радости, безбородые и бесполое существа. Их считали подобными ангелам, потому что они были лишены плотских страстей. Свое искалеченное тело они радовали дорогими одеждами и изысканными яствами, беспощадно обдирая просителей и вообще всех, до кого могли дотянуться их алчные руки. Ведь только золото могло согреть их холодные, лишенные любви сердца. Евнухи исполняли еще одну роль. Их, ненасытных грабителей и взяточников, императоры использовали, как свою личную копилку. Потому что императорские евнухи служили государству и Августу, и только он считался их наследником. Такая вот у них была судьба, у счастливых, которым удалось выжить...

— Это было немного неожиданно, владыка, — сказал Деметрий, когда хмель начал его отпускать. Пробуждение получилось очень странным. Еще ни разу за всю свою долгую жизнь он не просыпался со сломанной ногой, туго затянутой в деревянную шину.

Он лежал в собственном домике, где около печи — каменки сидела на корточках незнакомая худенькая девчонка лет пятнадцати, которая робко смотрела на хозяина и его высокого гостя. Она расположилась рядом с печью, подкладывая туда нарубленный валежник. Рядом стояла еще одна лежанка, и Деметрий совершенно точно знал, что вчера ее там не было. Его оружие висело рядом на стене, а вещи и доспех кто-то аккуратно сложил в деревянный сундук. Была осень, и по земляному полу тянуло стывшим сквозняком, отчего девчонка поджимала замерзшие пальцы ног и придвигалась поближе к очагу. У нее из вещей не было ничего, кроме рубахи до колен, ведь она совсем недавно пришла сюда из земель дулебов, где ее деревушку сожгли авары. Она тогда чудом в лес ускользнула.

— Я же тебе обещал, что ты до весны ходить будешь. Забыл? — глаза князя излучали невинность и обиду. — Да если бы я тебе рассказал все, что будет, ты бы не согласился.

— Да как же я так напился, что не почувствовал, как мне ногу сломали? — изумился Деметрий.

— Маковый отвар в мед добавили, — махнул рукой князь. — Тут неплохая ведунья живет, она помогла. Два месяца лежишь, и как новый будешь. Ладно, отдыхай! Збыху скажу, он будет заходить к тебе. В шахматы поиграете.

— С ним неинтересно играть, — ответил Деметрий. — Он же выигрывает всегда.

— Зато ему интересно, — парировал князь. — Ходил бы он к тебе, если бы ты всегда выигрывал?

— Да, за два месяца я тут от скуки с ума сойду, — задумчиво сказал Деметрий.

— А ты вот мне скажи, — резко повернулся к нему Самослав, который уже собрался уходить. — Вы же авар в бою били?

— Били, конечно, и не раз, — с недоумением посмотрел на него тагматарх. — Если людей хватает, то в этом никакой хитрости нет.

— А как?

— Легкие всадники связывают их боем, а потом удар наносят тяжелые катафрактари. У нас они даже получше, чем у авар будут. Хотя, честно сказать, их тяжелая конница очень хороша. Обычно это знатные воины из богатой семьи. Они, кроме упражнений с оружием, больше и не занимаются ничем, за них рабы трудятся. Очень опасные ребята.

— А если нашу пехоту против тяжелой конницы в чистом поле выставить, есть шансы? — заинтересованно спросил Само.

— Никаких, — покрутил головой Деметрий. — Растопчут.

— А если сделать длинные, очень длинные копьа с толстым древком. Длиной шагов в восемь-десять и выставить целый лес перед всадниками? — уточнил князь.

— Тогда да, наверное... — на лице военного была написана глубокая задумчивость. — Но так же еще никто не делал... Первая война, да? Да кто вы такой, все-таки?

— Первая, — кивнул Самослав. — И я тебе уже отвечал, кто я такой. Так что думаешь?

— Думаю, все равно не получится ничего, — откинулся на подушку, набитую пером, Деметрий. — Допустим, вы воюете с армией императора. Катафрактари на такие копьа

просто не пойдут, дураков нет. Они развернутся и уйдут в сторону, а потом это войско обработают камнями и стрелами псилы из пехотных тагм. Как только проредят строй, то в атаку пойдут skutarii, которые порубят мечами эти копьа, а тяжелая конница ударит во фланг или в тыл. Вне строя эти копьа бесполезны, и твою пехоту крошат на куски.

— А с аvarами как будет? — спросил нахмурившийся Самослав.

— А вот аvarы сначала лучников выпускают и таких же склавинов с дротиками. Через час боя у нас эти копьа держать будет некому. А потом тяжелая конница остатки наших людей конскими копытами в землю вобьет. Хотя насчет копий мысль интересная... Только если пехота вся в панцирях будет, и в железных шлемах. Да ну, глупость какая-то, откуда мы столько денег возьмем...

— Вот и думай, как нам без своей конницы аvar побеждать. У тебя два месяца, — поставил задачу князь. Вот тебе и битва при Куртре, товарищ подполковник, усмехнулся он про себя. Очень умным себя почувствовал, да?

— Да, — задумчиво сказал Деметрий. — А я еще боялся, что скучать придется. Чувствую я, не до шахмат мне будет.

— Любава! — обратился князь к девчужке, которая испуганно вскинула на него глаза. Бедняжка и не догадывалась, что владыка ее имя знает. — Ты все помнишь, что делать должна? — та изо всех сил закивала головой. А Само продолжил. — Ни на шаг влево, ни на шаг вправо не отступать от моих слов. Встать ему можно будет только через два месяца, и не раньше. Хоть силой его держи. По нужде — в горшок или под себя. Потом хозяйина вымоешь теплой водой. Следи за ногой. Если повязки ослабнут хоть немного, тут же зови ведунью. За одеждой и обувью к княгине подойдешь, она даст. Если все сделаешь, как сказал, и твой хозяин ходить будет, награжу тебя. Если захочешь замуж, найду тебе хорошего парня и приданое дам. Все поняла?

Девчонка снова закивала головой. Само за все время голоса ее и не слышал. Только видел застывшую боль в глазах. Боль, так знакомую мальчишке, оставшемуся сиротой в шесть лет. Боль, которой несчастной девчонке и поделиться было не с кем. Одна она на всем белом свете, и чужая для всех.

А Самослав уже вышел из дома бывшего тагматарха. У него было много дел, а за Деметрием и сиделка присмотрит. Она сирота, ей любая служба в радость, лишь бы поесть дали. Он пошел к себе в терем, где чмокнул в щеку жену, которая кормила новорожденного сына. Князь пока еще думал над именем, но склонялся к тому, чтобы назвать малыша Святославом. В честь знаменитого князя и в честь сына, который остался там, в прошлой жизни. Людмила, лежащая на боку, прижимала ребенка к себе, а тот, лениво теребя губами налитую молоком грудь, дремал. Мальчишка был довольно спокойным, только боли в животе, что обычны у детишек в этом возрасте, заставляли его частенько реветь и крутиться из стороны в сторону. А укропной воды тут не было. По причине отсутствия этого самого укропа.

— Я на юг поеду, в Соляной городок, — сказал жене Само, присев рядом на ложе. — Через месяц вернусь, может меньше. Нужно до холодов обернуться.

— Конечно, муж мой, — сказала Людмила, блеснув нечаянной слезой. — Мы будем тебя ждать. Я помню всю твою науку, и туго пеленать не стану.

Надо сказать, выживаемость младенцев тут была невысока. Видимо, потому, что условия для жизни были дрянь, одеть малыша было не во что, а подцепить простуду в доме, где под крышей проделана сквозная дыра на улицу, было легче легкого. Правда, те дети, что

все-таки умудрялись не умереть, за жизнь были приучены цепляться зубами с самого рождения. Самослав, пользуясь тем, что был верховным жрецом племени, продвигал в массы основы гигиены. Воля богов понемногу меняла сознание, и младенцев даже стали подмывать теплой водой, хотя раньше не подмывали никакой, обходясь пучком соломы. А еще он, совершенно растерявшийся от отсутствия памперсов и пеленок, вспомнил старый кавказский обычай, когда новорожденного заворачивали в овечью шкуру. Она и впитывала все выделения, и согревала, и даже иммунитет стимулировала. Просто меняй раз в день, и все. Так, по крайней мере, ему рассказывала жена там, в прошлой жизни... Что-то часто он про ту жизнь вспоминать начал. Пора в дорогу, дел еще много.

* * *

В Соляной городок пошли на веслах. Большая лодка, выдолбленная из огромного, в пять обхватов толщиной дуба, вмещала десяток человек и припасы. Обрато они пойдут на ней же, прихватив с собой груз соли. Надо сказать, Горазд оказался вполне неглуп, и поставил дело на поток. А, поскольку сам он рубить соль ленился, то все, кто случайно оказывался в окрестностях городка, работали теперь в пещере, позабыв, что такое солнечный свет. Сам владыка запретил селиться в тех местах. Не ближе, чем на день пути. Поначалу ослушников просто резали, но вот теперь Горазд нашел элегантный и прибыльный способ решения проблемы. Впрочем, тех, кто не хотел работать или пытался бежать, все равно резали. Секретность была превыше всего. Хотя, эта секретность доживала последние дни. Население городка росло, и ладьи с зерном ходили туда одна за другой, словно челнок. Скоро зима, а еды жителям должно хватить до весны. Те поля, что разбились там поселенцы, не закрывали и половины потребности.

Самослав с удивлением оглядывал берега реки, где как грибы после дождя выросли новые деревушки. Еще весной их не было, он знал это точно. А значит, налоговая служба в лице Люта недорабатывала. Люди бежали под его защиту даже с той стороны Альп, а он и не знал об этом. Нужно наводить порядок, и срочно, иначе деревни доползут до соляной пещеры, и тогда пиши пропало. Хотя, шила в мешке не утаишь, Самослав это прекрасно понимал. Но еще пару лет нужно продержаться все в секрете, а за этот срок, надрывая жилы, построить укрепления, которые для этого времени станут неприступной твердыней. Там, если что, и он с семьей сможет укрыться в тяжелые времена, и казну можно будет спрятать. Хоть и дорого, да стоит оно того.

Идти на веслах против течения было совсем непросто, а потому почти весь путь ладью тянули на канате, как бурлаки. И вроде бы сотня верст всего, а неделя на дорогу уходит. Спасибо, за последние два года деревенские хорошенько почистили берега от зарослей, иначе и вовсе не пройти было бы. Хотя, по непролазному лесу куда дольше пробираться. А уж плыть назад, вниз по течению — это же просто праздник какой-то. Сидишь себе на борту, да в воду поплеываешь. Знай, рулевым веслом шевели, чтобы на мель не сесть.

В ладье, вместе с воинами ехал каменщик с семьей. Его Приск из Бургундии переманил, обещая в Норике райскую жизнь. Мастер, которого только что надули на строительстве монастыря, был на мели. Сам епископ, брезгливо морща нос, смотрел на униженного просителя, но денег за работу отдал едва третью часть от того, что было обещано. За честь, мол, почитать должен, ведь во славу божью трудился. А где на епископа управу найти

можно? В королевском суде? Смешно! Сразу после этого мастер, получив аванс от почтенного купца Приска, собрал свои пожитки, посадил жену и детей на повозку, и отправился вместе с караваном в неведомые края, где никаких монастырей нет, и еще очень долго не будет. Всю дорогу мастер, которого звали Галл, спорил с князем до хрипоты, обсуждая необычный заказ.

— Ваша светлость, но так никто не делает, — горячился мастер. Самослав, который уже привык, что его величают то князем, то герцогом, то, на римский манер, дуксом, возражал ему:

— Да плевать, что не делают. Деревянную крепость сжечь можно, и сгниет она рано или поздно. А для нас это место очень важно. Там небольшая каменная крепость нужна, которая всю долину защитит. Известняк в тех местах есть, раствор будет из чего сделать.

— Но...

— Каменная башня, тридцать локтей высотой, — отмел все возражения Самослав. — С нее наблюдение будем вести. Там же сигнальный огонь зажжем, когда вражеское войско пойдет. Работать долго придется, но Горазд очень хорошо вопрос с рабочими решает, на удивление просто. Я там еще человек сто поселю, кормить-то нужно будет чем-то эту ораву... А потом, как закончите, еще одну башню стройте, нужно будет лет за пять полноценную крепость там поставить.

* * *

На место они прибыли через неделю, как и планировали. Заросшая лесом гора, где на лысом пятачке стоял небольшой острог из частокола, возвышалась над долиной. Узкая тропа, что вела наверх, делала это место и вовсе неприступным, но князь был непреклонен. Строить из камня, и точка! Речушка Зальцах, которую тут знали под именем Солянка, оказалась до того чиста, что форель, рыскающую в поисках жучков и паучков, упавших на поверхность воды, хотелось ловить голыми руками. Порывы ветра сбрасывали еду прямо с веток деревьев и, то тут, то там раздавался всплеск рыбины, тускло блеснувшей в лучах солнышка крапчатой чешуей.

Горазд, с ревом кинувшийся обнимать Само, которого не видел уже почти год, был остановлен наполовину придушенным князем.

— Да задавишь, медведь! Без подарков останешься тогда!

— Подарки! — с детской непосредственностью обрадовался этот на редкость сильный и свирепый мужик. — Где подарки? Давай!

— Стол накрывай, и будут тебе подарки! — пошутил князь, а Горазд даже побледнел. Совсем одичал в лесу, всякое вежество забыл. Впрочем, он исправил свое упущение, и бабы засустились, пчелками летая от погребов к печам.

Что нравилось князю в его соплеменниках, так это совершенно чистая и незамутненная вера. Они доверяли ему безоговорочно, не рассуждая, ведь то, что он говорил, рано или поздно сбывалось. Они были наивны, как дети, и жестоки, как бывают жестокими только малолетние хулиганы. Они не боялись смерти, ведь она шла рядом с ними с рождения. Они радовались малому, ведь и этого многие из них не имели. Они были просты, и весь мир делился для них на две половины — белое и черное. Они не размышляли, нужно ли делать то или это. Они просто делали, и не боялись последствий. Это было то, чего Николаю

Семеновичу так не хватало в прошлой жизни.

После того, как воины сдвинули первые чаши с медом, князь, поедаемый жадными глазами, встал и произнес:

— А помнишь, Горазд, мое обещание?

— А как же! — Вскинулся тот. — Меч, щит, шлем, корова и свинья. Я все запомнил.

— Меч! — хлопнул в ладоши Само, и глазам изумленной публики предстал франкский меч с богатым воинским поясом.

Горазд, который смотрел на это великолепие выпученными глазами, заревел от восторга и бросился обнимать владыку. Тот отстранился.

— Не спеши! Щит!

Продолговатый skutum, изрисованный молниями, перешел в его руки, вызвав удивленный ропот родовичей. Тут таких щитов не видели. Все больше круглые, германские в ходу были. А то и вовсе никаких.

— Шлем!

— Неужели и корову со свиньей подаришь? — севшим голосом спросил Горазд. Все, что происходило, ему могло только привидеться в самых смелых снах. Ведь тот, кто имеет такое оружие, сразу знатным человеком становится. Не может князь этого не знать. — Так ты же их не привез, я бы заметил.

— Я решил вместо коровы и свиньи тебе панцирь подарить, — лукаво усмехнулся князь. — Возьмешь?

— А? — Горазд сел, неприлично раскрыв рот. Кольчуга в этих местах даже не у всех владык была. А то, что тогда они их с мертвых баварцев сняли, просто удача неслыханная. Раз в жизни такое бывает, и то далеко не у всех.

— Ну, будем считать, что ты согласен, — усмехнулся Самослав, протягивая металлический сверток. — Ты же теперь жупан, тебе по должности положено.

И князь надел ему на шею серебряную цепь с кулоном в виде пятиконечной звезды.

* * *

Тьма в соляной пещере еле-еле пробивалась светом факелов, которые были тут тусклыми и бледными, словно умирающими. Здесь было душно, потому и факелы горели слабо, выжигая последний кислород. Люди, которые имели несчастье брести к лучшей жизни через эти места, или пасти здесь овец, или просто искали новый путь на юг, в Италию, рубили соль и складывали ее в корзины, что стояли стопкой тут же. Мертвенная бледность их лиц не могла укрыться от глаз Само даже в тусклом свете факелов. А еще он увидел в их глазах такую безнадежность и тоску, что защемило сердце. Ведь тут и дети были по пять-семь лет отроду. Они, напоминающие бледные, покрытые тонкой кожей скелетики, вызвали у князя ужас. Хорутане — охранники придерживали свирепых псов, рыкающих на пленников, а те испуганно отбегали в стороны, если пес аланской породы подходил слишком близко.

— Работу остановить, всех вывести на улицу, накормить, — коротко скомандовал он. Ничего не понимающий Горазд приказание выполнил беспрекословно, но на его лице застыло изумление. Что это с владыкой?

Люди, не видевшие света месяцами, выходили на улицу, зажмурившись. Даже закатное

солнце било им по глазам так, что с непривычки выступали слезы. Многие плакали, а их губы шевелились в молитве. Ведь для них солнце было богом, а не просто дневным светилом. И они были со своим богом разлучены навсегда. Ну, так они думали еще пять минут назад.

— Люди! — громко крикнул Самослав, а толпа мужчин и женщин с полуприкрытыми глазами на бледных лицах жадно внимала ему. — Вас накормят, вы отдохнете, а потом я скажу вам, что будет дальше. — И он прошептал в сторону Горазда:

— Где таких собак взял? Им же цены нет.

— Да, тут деревушку лангобардов пощупали, — замялся Горазд.

— Я же тебе строго-настрого запретил грабежом заниматься! — удивленно поднял бровь Само. — Зачем своевольничаешь?

— Так сам же сказал, чтобы на день пути никого не было, — глаза новоявленного жупана светились невинностью. — А они как в дне пути от нас и жили, вот мы их и под нож... Собак помоложе забрать получилось, а тех, что постарше убить пришлось. Опасные твари оказались.

— Собаки, это хорошо, — задумчиво сказал Само. — Щенков в Новгород пришли тогда, нам такие тоже пригодятся. И вот еще что, пока твои работники едят, следите, чтобы ни один не ушел.

— Так зачем мы тогда их из пещеры выпустили? — резонно заметил местный жупан. — Оттуда не сбежишь, собаки порвут. — Но ответа он не дождался. Ему и в голову не могло прийти, что его князю просто стало жаль этих людей. Такого просто не могло быть.

Самослав осмысливал еще кое-что из увиденного. Количество соли, что нарубили пять десятков рабов, закрывало потребности его торговли на полгода вперед. Ему просто не нужно было столько. Налицо была перспектива классического кризиса перепроизводства. Нужно было думать о расширении рынков сбыта, иначе излишки товара похоронят хрупкую экономику княжества. А идти-то особенно и некуда. На севере — полунищие словенские леса, с которыми и так торговля налажена. На востоке, верст на восемьдесят, земли его собственного княжества, потом земли тестя, а за ним — аварские степи, куда ему ходу нет. На западе — Бавария, с которой уже заключен контракт. На юге — запретные пока земли лангобардов. Не стоит туда соваться, чтобы не получить полноценную войну с сильным и умелым противником.

— У нас, Горазд, соли теперь слишком много, — сообщил он своему жупану после того, как провел инспекцию складов.

— Много соли — хорошо, — удовлетворено заявил знаток местной экономики с бицепсами толщиной в бедро нормального человека. — Чем больше добудем, тем мы богаче станем.

— Не станем, — отрезал князь. — Если мы все, что ты тут добыл, на рынок выбросим, цены пополам упадут. Я и так с баварским герцогом договорился, он много брать будет. Пока надо остановиться, иначе по миру пойдем. Будем корзину соли на летнюю белку менять. — Князь подключил логику, понятную аборигену.

— Да как же так..., — растерялся Горазд. — Мы тут, получается, зря стараемся? Так что, всех рабов резать теперь? Не кормить же их...

— Нет, — поморщился князь. — На землю посадим и будем им за труд платить.

— Да зачем им платить? — взорвался Горазд. — Они же даром работают.

— Ты скольких за последний год схоронил? — посмотрел ему в глаза Само.

— Да пару десятков померло, не больше, — пожал громала плечами. — Так мы еще наловили. Тут много бродяг ходит.

— А теперь представь, сколько бы они за этот год соли нам добыли, — терпеливо, как ребенку, объяснял Само. — Поверь, если человек за интерес трудится, то он работает и больше, и лучше. А раб только и думает, как бы сбежать, или хозяину нагадить. Ты забыл, кем я десять лет в Бургундии был?

— Ну, вообще да..., — почесал лохматую голову Горазд. — Я бы тоже все время думал, как стражнику половчее голову камнем проломить, да смыться. А чем они тогда тут заниматься будут?

— Крепость строить будете. Я вам мастера из самой Бургундии привез. Чтобы он тут у тебя как сыр в масле катался. Понял?

— Да понял, — почесал Горазд кудлатый затылок. — Там эти... поели, владыка, и твоего слова ждут.

Самослав вышел на всеобщее обозрение, а на него уставилась сотня глаз, в которых был написан немой вопрос, мольба и надежда.

— Люди! Вы оказались в рабстве, значит так вам отмерено богами. Но я, князь Самослав, отпускаю вас на волю. Вы свободны, можете идти на все четыре стороны.

Воцарилось изумленное молчание. Оно было настолько тяжелым, что, казалось, даже вздох было сделать сложно. В глазах у многих появилась тоска, у кого-то — отчаяние, у кого-то — надежда.

— Да куда мы пойдём-то? Чай не лето, — грустно хмыкнул всклокоченный мужик с мертвенно-бледным, как у всех здесь, лицом. — Ни еды, ни одежды теплой, ни семян, ни топора... Зима скоро. Подохнем мы от голода в этих лесах. Или волкам на зуб попадем.

Собрание поддержало его согласным гулом. Тут почти все были в схожей ситуации. А в глазах матерей, в подол которых вцепились малые дети, и вовсе читалась мольба. Весь немудреный скарб переселенцев сгинул, когда они попали в плен. Кроме лохмотьев, что на них были надеты, ни у кого ничего не было.

— Тогда оставайся здесь, — предложил мужику Само. — Иди под мою руку, построишь здесь дом. Будешь работать, и за свой труд получать зерно и соль. За соль купишь топор, одежду, свинью и кур. Пока на ноги не встанешь, жупан тебя от своего стола кормить будет.

— А так можно, что ли? — изумленно спросил мужик. — Так я согласен. Мне и бабе моей все равно идти некуда. Мы от аварских земель бредем за лучшей долей. Изгой мы.

— Можно, — милостиво разрешил князь. — Кто еще остаться хочет?

Остались все, кроме одного заплутавшего торговца из Баварии и пастуха-германца, которого дома ждала невеста. Они ушли на рассвете, а вслед за ними пошли воины из охраны князя с вполне конкретным приказом. Никто и никогда не должен найти тела этих людей.

Назад пришли на веслах, лишь слегка беспокоя ими студеную осеннюю волну. Все же, плыть по течению — это просто наслаждение, особенно когда вокруг тебя такая красота. Леса по обеим сторонам реки были зелеными, желтыми, красными... Листья всех оттенков шелестели на ветру, и сорванные ветром, кружились в своем последнем танце. Скоро, совсем скоро придет зима, самое страшное когда-то время для родовичей, которые уже и забыли, как старики уходили в лес, как умирали от бескормицы дети, и как единственная корова не могла стоять на ногах, и ее приходилось подвешивать за брюхо. А ведь так недавно все это было.

Нос ладьи с разгону въехал в песок пляжа, что был у крепости, и Само скорым шагом пошел домой. Соль и без него разгрузят. Он ворвался в терем, где Людмила бросилась ему на шею, прижавшись тугой, налитой молоком грудью. Она не сказала ничего, но все сказали ее глаза, а Само и не заметил, как оказался на супружеском ложе, душа жену в объятиях. Первый голод он утолил быстро, и вскоре они просто лежали, прижавшись друг к другу разгоряченными телами.

— Как наш сын? — спросил Самослав, хотя малыш на расстоянии руки от него посапывал в люльке, засунув в рот палец.

— Все хорошо, — сказала Людмила. — Я принесла богатые жертвы Мокоши. Она не оставит нас.

— Это ты молодец, — поморщился Само, но больше ничего не спросил. Ответ был исчерпывающим, и большего он от жены все равно не добился бы. — Ты Деметрия навещаешь?

— Конечно, каждый день захожу, и не по разу. Он в надежных руках. Любава за ним, как родная мать, смотрит. Ругает его, почему зря, он все порывается встать.

— Вот зараза ромейская! — Самослав вскочил с постели. — Пойду-ка я к нему, посмотрю, что там. Прибить его мало!

Он оделся и быстрым шагом пошел в дом Деметрия, благо он и был то в двадцати шагах. Зрелище, что увидел Само, когда зашел в комнату тагматраха, поразило его до глубины души. У постели больного, на чурбаке, выполнявшем роль стула, стояли шахматы, вырезанные из разных пород дерева. Рядом сидел Збых с отрешенным лицом, который обхватил голову двумя руками. На его лице была написана напряженная работа мысли. Деметрий, который поднял руку в приветствии, жестом пригласил садиться. Его нога была в деревянном лубке, на котором Любава перематывала полотняные бинты. Видно, ослабели они и плохо держали ногу. Она робко взглянула на князя, испуганно пряча глаза. Наконец, Збых сделал ход и победоносно посмотрел на противника. К величайшему удивлению князя, ответный ход сделала девчонка, после чего снова занялась ногой, а Збых опять начал лохматить волосы в глубоком раздумье.

— Как игра? — поинтересовался Само.

— Три-один, — не поворачиваясь к нему, ответил Збых. — Она выигрывает. Зверь, а не девка, с ума сойти можно!

— Зверь, говоришь, — задумчиво протянул Само и обратился к Деметрию. — Тогда вот задача тебе. Научишь ее счету. Если я в ней не ошибаюсь, тебе много времени не понадобится. И если еще узнаю, что ты порываешься встать, я около тебя стражу поставлю и

вело к ложу ремнями привязать.

Шесть изумленных глаз уставились на владыку. Любава тут же нырнула взглядом вниз и что-то такое промелькнуло в нем. Удовлетворение, радость, несмелая надежда... А вот испуга в них не было. Вот ни на мизинец. А девка-то с сюрпризом оказалась, не ожидал, подумал Самослав. В глазах же мужиков читалось недоумение. Учить считать сироту из глухой дулебской деревушки? Это было чересчур даже для отличающегося своими чудачествами князя.

А Самослав уже пошел за ворота, где заканчивали пробежку четыре сотни полуголых бойцов под руководством Горана. Все, кому не по нраву оказались новые порядки, уже покинули стройные ряды, и теперь расчищали земли под пашню или отправились в Соляной городок, куда эти самые новые порядки еще не добрались. Там пока было достаточно силы и отваги, как и везде в словенских землях. Но тут Самослав затеял что-то совершенно невообразимое, и давно забытое еще с римских времен. Пока что он делал то, что и сам проходил на первых курсах училища, где бесконечная пахота от рассвета до заката лепила за четыре года из мамких сыночков советских офицеров. А уж, что такое для лейтенанта-первогодка заступить в наряд в ночь с пятницы на понедельник, и вовсе не сможет понять тот, кто не служил. Так что ряды турников, кожаных груш, набитых песком и подобий штанг, сделанных из дерева и камней, радовали глаз, возвращая владыку в далекую молодость. Очень хотелось покинуть чугунную гирю, но нет. Тут чугун называли «свинским железом», он не стоил ничего и считался браком при плавке. А уж запороть ее было раз плюнуть, учитывая, что абсолютно все манипуляции и дозировки применялись на глазок. А плавить чугун тут пока не умели. Жаль...

Самослав и сам проходил с парнями весь комплекс упражнений, только отлучка была ему оправданием. В это время любой правитель был воином, а значит, должен был разделять все тяготы со своими людьми. Иначе не добиться настоящей преданности, и никакие деньги не помогут. Менталитет!

— Кузня! Как я забыл! — владыка скорым шагом пошел к длинному сараю, который вынесли далеко за стены. Оттуда доносились методичные удары молота и перебранка на латыни, обильно перемешанной со словенскими наименованиями половых органов и разнообразных способов их применения.

Кузнец, выписанный из Санса, могучий горбоносый мужик из римлян, носил до боли знакомое имя Максим, и в выражениях не стеснялся.

— Я бить маленький молот, а ты в это же самое место бить большой молот! В это место, не в другой! Понимать меня, упрямый осел, которого поймать во все дыры вонючий верблюд?

— Максим, ты чего так разошелся? — удивленно спросил Само, глядя на кузнеца и растерянного здоровенного парня из хорутан, который намеревался обидеться, но не мог, потому что не знал, что такое осел и верблюд. Он их никогда не видел.

— Сильный парень, но есть очень глупый, ваша светлость! — кузнец слегка поклонился. — Иди, поешь, мы пока закончить.

Молодой коваль поклонился и молча вышел. А Само вышел с кузнецом на воздух, у него был серьезный разговор, который он обдумывал не один день. Он перешел на латынь.

— Как работа, Максим? Как устроился? — участливо спросил он.

— Все хорошо, ваша светлость, — кивнул кузнец. — Работы много, по оплате нареканий тоже нет. Все, что договаривались, господин Лют мне отдает.

— Не хочешь ли расширить свою кузню? — спросил Самослав. — Нанять подмастерий человек пять-десять...

— Да зачем мне это? — удивленно пожал плечами кузнец. — Меня и так все устраивает. А наймешь подмастерий, они ремеслу научатся, и будут у моих детей хлеб отбивать.

— Тебя устраивает? — князь схватил кузнеца за ворот и пригнул его к себе, уставившись в лицо яростным взглядом. — А меня не устраивает! И знаешь почему?

— Почему? — бешенство, что сверкнуло в глазах герцога, напугало кузнеца не на шутку. Видно, знать, она везде одинаковая.

— Ты войны при короле Теодорихе помнишь? — спросил его Само.

— Помню, конечно, — кивнул тот. — Всё ждали, когда из Австразии алеманы с тюрингами придут. Страх такой был, что и не выговорить.

— Так если мы все, что замыслили, сделать не успеем, то тебе те алеманы и тюринги милосердными сестрами из монастыря святой Радегунды покажутся! Это ты понимаешь?

— Так вроде отбили набег баваров, ваша светлость, — несмело ответил Максим. У местных была особенность, которую попаданец из двадцать первого века понять не мог, и которая доводила его до белого каления. Они не способны были думать, что будет через год или два. Они жили сегодняшним днем. Правда, происходило так не из-за злого умысла, а потому что те два года еще прожить нужно было. Вот и получалось, что мысли у людей не шли дальше следующего урожая, потому что там, за ним, была такая несусветная даль времени, что и заморачиваться не стоило. Зиму протянул — уже хорошо.

— А про аварского кагана забыл? А про лангобардов? А про соседей — словен, которые нашему богатству завидуют? Ты кольчугу за сколько сделаешь?

— Полтора месяца точно потрачу, — задумался кузнец. — Если сильно спешить, управлюсь за месяц. Но это тяжело, ваша светлость, работа тонкая.

— А мне их нужно пять в месяц, чтобы вон тех парней одеть. Понял? — резко ответил ему Самослав, ткнув в воинах на турниках. — Я тебе за кольчугу сколько обещал?

— Два солида за работу, — ответил кузнец. — Ваша еда, жильё и железо.

— Значит, ты за год пятнадцать золотых заработать можешь, не больше. Так?

— Так, вроде бы, ваша светлость, но не смогу. Я же должен топоры, серпы и наконечники для сох ковать. Не сделаю я столько.

— А если ты наймешь пять подмастерий, то я тебе за каждую кольчугу буду по солиду платить. Чистыми! Еда и оплата помощников — отдельно.

— Так это меньше в два раза, — набычился кузнец. — Не договаривались мы так.

— Пять кольчуг в месяц, в год — шестьдесят солидов, сто восемьдесят тремиссов с мордой короля Хлотаря. Так понятнее?

— Сто восемьдесят франкских золотых, — благоговейно прошептал кузнец. — И вы мне все их заплатите? Без обмана?

— Пять лет платить буду, клянусь Перуном, Сварожичем и Яровитом. Чтоб меня молния убила, если соврал! Хочешь, еще святым Мартином поклянусь?

— Не надо, верю! — сказал ошеломленный кузнец. — А через пять лет что будет?

— Деньги бери и можешь домой ехать. Если останешься, я тебе за кольчугу буду полсолида платить. Это будет девяносто золотых в год.

— А если я еще подмастерий возьму и буду десять панцирей делать? Тогда что? — в запальчивости произнес кузнец.

— А тогда ты снова сто восемьдесят золотых получишь, — пообещал князь.

Кузнец сел на чурбак и вытер пот, обильно выступивший на лбу. На три золотых крестьянская семья могла питаться год. Около ста тремиссов стоила небольшая ферма. Хороший мастер, зарабатывавший за тот же год полсотни, считался весьма состоятельным человеком. Но сто восемьдесят? Такая цифра в голове Максима не укладывалась. О таких деньгах он и мечтать не мог. Жене, что ли, пойти рассказать, да не поверит...

— Думай! — жестко ответил Само. — Но недолго. Я все равно сюда еще кузнецов привезу. Думаю, они умнее тебя будут. А ты, если захочешь, можешь домой ехать.

— Нет! Не поеду я туда, ваша светлость, не гоните! У короля Хлотаря два сына подрастают!

— И что? — удивился князь.

— Как что? — непонимающе посмотрел на него кузнец. — Как помрет, непременно война начнется. Так же всегда было!

— У меня для тебя срочный заказ есть, — сказал Самослав и развернул лист папируса с неумелым рисунком. Ты мне кольчугу переделаешь и два ножа откуешь по моим размерам.

— Но так же никто не делает, ваша светлость, — начал горячиться кузнец. — А ножи так и вовсе дрянь! Им же даже мяса за столом не отрезать!

— Пять франкских золотых, если сделаешь за две недели, — оборвал его словоизлияния князь. — Остальные заказы помощнику отдашь.

— Вы все получите в срок, — ваша светлость, склонился в поклоне кузнец, который почему-то решил больше не спорить. — Но если с кольчугой все понятно, то про эти странные ножи я попрошу вас рассказать подробнее.

— Я тебе даже покажу, — усмехнулся Само.

* * *

— Как зовут? — Самослав приобнял тощего мальчишку лет восьми, который давился слезами за казармами, где жила сотня ребятишек-сирот.

— Добрята я, — всхлипнул пацан, который не обратил внимания, кто именно с ним разговаривает. Его глаза были затянuty слезами.

— А чего ревешь?

— Дядька Хотислав прогнать меня хочет, — всхлипнул мальчишка. — А куда я пойду? К тетке приживалой? Чтобы меня десять лет куском попрекали? У нее своих шестеро.

— С родителями что? — посуровел князь. — Самовольничает Хотислав, который был назначен воспитателем в детскую сотню. Бывший владыка, потерявший руку при защите крепости, от тоски удавиться хотел, да князь нашел ему дело.

— Мамка померла давно, а батю немцы убили, — всхлипнул мальчишка.

— А почему прогнать тебя хотят?

— Да биться на кулачках я слаб, — честно признался мальчишка, — боязно мне.

— Ты знаешь, — с серьезным лицом сказал ему Само, — а ведь есть воины, которым не нужно на кулаках биться. Лучники, например. Хочешь лучником быть?

— Очень хочу! — повернул к нему зареванное лицо мальчишка. — Ой, владыка! — И он неловко вскочил. — Прости, что жаловаться начал.

— Иди сюда, — притянул его к себе Само. — Я с дядькой Хотиславом поговорю, но ты

мне обещание дай, что самым лучшим лучником из всех станешь. Это наша с тобой тайна будет. Договорились?

— Договорились, владыка! — на князя смотрел не по годам взрослый, знающий горечь потери человек. В его глазах сквозь слезы пробился задорный огонек. — Яровитом клянусь, лучше всех стану! Лучше даже, чем дядька Стоян.

— Вот и славно, — кивнул князь. — Вытирай слезы, воин.

Он встал и пошел туда, где стояли длинные, по германскому обычаю, дома. Там и жила сотня мальчишек-сирот, которых князь взял на воспитание. Хотислав развернулся тут на славу. Княжеская дружина поставила дома чуть ли не за неделю, взяли в стряпухи пять одиноких теток, и дело пошло. Пока мальчишки занимались физкультурой и понемногу осваивали броски дротиков и кулачный бой. Но дальше у отставного подполковника были серьезные планы. За зиму он планировал написать программу обучения.

— Владыка, — склонил голову Хотислав. — Давно поговорить хотел.

— Говори, — кивнул головой Само.

— Позволь дела передать кому-нибудь, а я пойду и спокойно удавлюсь. А? — в глазах сурового мужика читалась тоска и робкая надежда. — Ну, не могу я так больше. Я же не баба, с детьми возиться.

— Рассказывай, — вздохнул князь и сел на чурбак. Разговор будет долгим, он уже это понял.

* * *

Старый римский город Диводурум был разрушен гуннами почти двести лет назад. Не так уж много от того города и осталось. Из каменных строений уцелели бани, в которых теперь была церковь святого Петра, да неработающий гигантский акведук, который поражал воображение всех, кто подходил к этому городу. За границами Диводурума остался огромный амфитеатр, один из крупнейших в Галлии. Его постигла судьба всех остальных ристалищ, он постепенно разбирался на камни. Римский город съезжился, втянувшись в границы новых стен и теперь назывался Мец, а на месте его старых кварталов крестьяне разбили поля и пасли скот. Тьма накрывала римский мир, разоренный непрерывными войнами с варварами, лютым холодом и непонятно откуда взявшейся чумой и черной оспой, которые пришли в эти земли с интервалом в тридцать лет. И непонятно, что было хуже, чума, от которой вымирали целые области или оспа, которая забирала множество маленьких детей и изуродовала десятки тысяч.

Его величество Хлотарь потерял от оспы брата, но его самого она не тронула. Он был на редкость красив, это даже отметили хронисты. Роскошные рыжеватые волосы были расчесаны на две стороны и заплетены в косы, которые спускались ниже пояса. Белозубая улыбка плавил сердца женщин и помогала втираться в доверие к мужчинам. Внешностью и умом король пошел в свою мать Фредегонду. Она была легендой. Красавица-служанка, в которую без памяти влюбился свирепый и крайне недалекий король Нейстрии Хильперик, была на редкость умна, хитра и беспощадна. Именно поэтому она и смогла выжить в той бесконечной мясорубке, когда один за другим гибли короли франков, потомки великого Хлодвига. Именно ее наука спасла самого Хлотаря, который поначалу правил ничтожным огрызком, оставшимся от королевства отца, но сумел перебить оставшихся родственников и

объединить страну, подарив ей мир. Ценой этого мира стали уступки могущественным аристократам. Вот и сейчас буйная знать Австразии, возглавляемая Пипином из Ландена и Арнульфом, епископом Меца, требовала себе отдельного короля. И прямо сейчас пятнадцатилетний Дагоберт, который станет последним великим правителем из рода Меровингов, получал прощальные наставления отца:

— Никому не верь, сын мой, ни единому человеку. Майордома Хуго смени. Он вор и взяточник, он один из тех, кто лишил нас дани от лангобардов. Придется поставить Пипина. Он тоже негодяй изрядный, но решит все вопросы со знатью. И я наблюдал за ним много лет, с оглядкой ему можно доверять. Все остальные герцоги Австразии — жадный, лживый и буйный сброд. Это первое!

— Теперь второе. Саксы! Держи их в узде. Они поклялись платить дань, и пусть они ее платят. Пятьсот коров в год, и ни коровой меньше! Если снова восстанут, утопи эту землю в крови. Не давай им поднять голову, иначе они нас сметут. Уж очень их много.

— Третье! Бавария. Этот хитрый лис Гарибальд притворяется нашим другом и подданным, но он ни одно, ни другое. Воевать с ним не слишком хочется, вроде бы и незачем лезть в его леса. Но меня не оставляет странное чувство. Мои чиновники из Бургундии докладывают, что в его земли уходит караван за караваном с оружием, железом и людьми. Тут что-то не так, сын мой. И последнее!

Король выложил на стол монету из соли.

— Здесь ровно римский фунт. Кто-то делает из соли деньги, и они уже ходят в наших землях. А ведь соль — это и есть деньги, и у кого-то их становится слишком много. А мне не нравится, когда кто-то богатеет без моего разрешения. Такие люди становятся очень опасны. Разберись со всем этим, сын. Я хочу знать об этом человеке все!

Новый год, который тут в январе никто не праздновал, перелистнул страничку несуществующего календаря. Год тридцать восьмой царствования короля Хлотаря, или шестьсот двадцать второй в нашем исчислении. Год, когда император Ираклий отбросит персов почти до Евфрата. Год, когда великий Пророк Мухаммед уведет своих последователей из Мекки в Медину. Год, который и стал первым годом Хиджры, открыв собой новую эпоху. Последний год безраздельного могущества аварского кагана на просторах Восточной Европы. Скрипучее колесо истории уже крутилось с надрывом, и должно было вот-вот развалиться от непомерного груза. Скоро, очень скоро все изменится... Два молодых, сильных и воинственных народа скоро выйдут из своих лесов и пустынь, чтобы сдавить империю клещами со всех сторон.

* * *

— А я все равно немного хромаю, владыка! — Деметрий ходил уже целый день, и не мог остановиться. Два месяца лежать — то еще испытание. — Нет, конечно, никакого сравнения с тем, что было. У меня словно крылья выросли.

— Ну-ка, ложись на спину! — Самослав, все медицинские познания которого были основаны на двух ранениях, после одного из которых ему ломали неправильно сросшуюся кость, и на рассказах жены, задумался. Секрет оказался прост. Левая нога после того, как сросся перелом, все равно оказалась чуть короче, буквально на сантиметр. — Вырежи кусок кожи и к подошве рыбьим клеем приделай. Хромать не будешь. И вообще, я не волшебник, я только учусь.

— Вы учитесь на волшебника, владыка? — глаза Деметрия приняли совершенно неприличный размер. Он, видимо, тоже плохо понимал идиомы.

— Забудь, — махнул рукой Само. — Любаву считать быстро научил?

— Быстро? — воскликнул Деметрий. — Да она через час уже считала. Я таких понятливых и не видел никогда.

— Будем из нее бухгалтера делать. Позови-ка мне Любаву, — сказал Самослав служанке. Так поклонилась и выбежала на двор.

Девчонка вошла, опустив глаза в пол. Она явно не знала, куда деть руки. Не красавица, подумал князь, и даже не слишком мила. Невысокая, щуплая, с широким курносом лицом, усыпанным веснушками, она стояла, сцепив добела пальцы, явно робея перед лицом высокого начальства. Тут-то ей и объяснил Самослав, что такое умножение, и даже зачитал таблицу от двух до пяти.

— Поняла что-нибудь? — участливо спросил князь, видя напряженную работу мысли на ее лице.

— Да, княже, — несмело сказала девчонка. У нее был приятный голос, не слишком вязавшийся с неказистой внешностью. — Поняла и запомнила.

— Запомнила? — удивился Самослав. — Ну-ка, повтори.

Любава оттарабанила таблицу умножения, сбившись пару раз. Но тут она поправилась сама и, сложив цифры, вышла на правильный ответ. После этого снова опустила глаза.

— О-хре-неть! — только и смог сказать Само. — Да ты уникам! Ключницей пойдешь? Та отчаянно замотала головой, отказываясь.

— Почему? — удивился Самослав.

— Не хочу холопкой быть, — в глазах девчонки блеснули слезы. Князь мало обращал внимания на такие мелочи, но по местным обычаям тот, кто соглашался на эту должность, считался рабом. Также, как и тот, кто брался работать без ряда, то есть договора. Работаешь бесплатно — значит раб.

— Хорошо, не будешь холопкой, — сказал князь. — Ряд заключим, жалование тебе положу. Согласна?

— Согласна! — блеснула мокрыми глазами Любава и упала ему в ноги, обняв их. — Спасибо, княже, век не забуду! Всех богов за вас молить буду!

— Латыни ее обучи, — сказал Деметрию Само. — Ей потом чтение и письмо нужно будет освоить.

— Да я уже начал, владыка, — признался тагматарх. — Я же за два месяца от скуки чуть с ума не сошел. А девчонка умная на редкость, все на лету схватывает.

— Кстати, Деметрий, а ты подумал над тем, что я тебя просил? Как нам пехотой аварскую конницу победить? — спросил Самослав.

— Подумал, владыка, — с готовностью кивнул тагматарх. — Все два месяца только об этом и думал.

— И как? — жадно вытянул шею в его сторону князь. — Ну, рассказывай, не томи!

— Никак! — торжественно сказал Деметрий. — Пока никак! Даже просто выжить в прямом бою очень тяжело будет. Нужно полевые укрепления строить, нужно пехоту работе в строю учить, чтобы самый обычный фулкон освоить. Нужно сначала сотников и десятников натаскать. И нам нужно очень много лучников иметь.

— Так у нас лучники куда хуже аварских, — поморщился Само.

— Так я не говорил, что они хорошие должны быть. Я сказал, что их должно быть очень много, — непонимающе посмотрел на него Деметрий. — Ливень стрел пустим, какая-нибудь стрела, да попадет. А против тяжелой конницы могут твои длинные копья сработать. Но только если лучников отгоним. Иначе нам конец.

— Значит, не победить? — задумчиво протянул Самослав.

— Без своей конницы никак, — покачал головой Деметрий. — Ты можешь их в засаду заманить, это склавины лучше всех умеют делать. В лесу можно конницу перебить, это тоже проще простого. Но в чистом поле пока шансов нет никаких. И это... Можно Любава так и будет у меня жить? Привык я к ней.

— Да? — удивленно посмотрел на него князь.

— Да! — уверенно ответил ему Деметрий. Возражений от Любавы, что характерно, не последовало.

— Тогда чего сидим? Там тебя тагма дожидается. Иди, учи воинов, как в правильном строю биться нужно. Фулкон этот твой непонятный чтобы у воинов от зубов отскакивал. Привык он, понимаешь...

* * *

Отправив Деметрия заниматься прямыми обязанностями, князь Самослав затеял игру на

постели с маленьким сыном, щекоча носом его пупок, отчего тот хохотал и отталкивал пухлыми ручонками отцовскую голову. Ненадолго, впрочем, он тут же показывал пальцем на живот, продолжай, мол. Жена сидела рядом, а на ее губах играла мечтательная улыбка, делая ее еще красивее. Хотя, по мнению мужа, куда еще то? И так непривычные люди вздрагивают, когда ее видят.

Зима — время отдыха и время планировать дела на следующий год, а тех дел Самослав задумал столько, что и впятером исполнить тяжело будет. Две сотни бойцов учились работать со щитом и мечом, учились держать строй в учебных схватках. Две сотни лучников били по мишеням день и ночь, понемногу, день за днем оттачивая воинское мастерство. Не авары, конечно, но уже далеко и не лесные охотники. Полная имперская тагма — огромная сила по местным меркам, и именно слухи о том, что новый владыка день и ночь тренирует воинов, удерживают соседей от глупых мыслей. И вот прямо сейчас появился один из них.

— Княже, владыка Младан приехал, — запыхавшаяся служанка оторвала хозяина от семейных радостей, и тот, передав ребенка жене, рывком встал с супружеского ложа.

— Зови! И на стол соберите! — девчонка понятиливо кивнула и побежала в направлении кухни. Дело привычное.

— Владыка!

— Владыка!

Мужчины обнялись и сели за стол, на который непонятно когда вышколенные женой молчаливые служанки выставляли меды, копченое мясо, порезанное толстыми ломтями, хлеб, вяленую рыбу, сало и грибы. Владыка Младан, живший жизнью куда более патриархальной, глазел на белую холстину, что покрывала стол, и сделал себе зарубку в уме. Вот оно как в приличных домах-то положено. И ведь заляпать не боится такую красоту богатей соседка. А на скатерти как по мановению руки появлялись все новые блюда и тарелки, затейливо резанные из клена, что и вовсе было неслыханно. Даже короли франков на голом столе ели, вместо тарелки кусок хлеба используя. Тот хлеб потом бедным отдавали. А кашу так и вовсе в углубление накладывали, что напротив каждого места в столешнице вырезано было. Но чтобы у каждого свое личное блюдо было, такого владыка Младан еще не встречал.

— Почему один приехал? — полюбопытствовал Само, дождавшись, когда гость, громким чавканьем оценивший местную стряпню, а особенно соленые грузди с лучком, с сытым видом откинулся на лавке.

— Сыновья со мной, — поморщился владыка. — Но тут им не след быть. Не для их ушей это. Рано еще.

— Людмила! — позвал Самослав жену. — Людей, кто с владыкой приехал, накормить нужно.

— Да, мой господин! — не поднимая глаз, ответила жена и вышла.

— А у тебя и в доме полный порядок, как я погляжу, — с неприкрытой завистью отметил Младан, провожая долгим взглядом Людмилу.

— Да... — протянул Само, подбирая ответ. Получилось уклончиво. — Жена тут всем ведает, я не лезу. Хозяйство, слуги, еда — это все на ней. У меня своих дел хватает.

— Я, собственно, дела и хотел обсудить, — владыка Младан влил в глотку чашу меда, и теперь вытирал сладкие капли, промочившие густую бороду. — Тут у нас возня начинается, владыка Самослав. Нехорошая возня, до большой крови дело может дойти.

— Значит, все-таки заело дулебских владык, что мы тут богатеем, да? — посмотрел он

прямо в глаза Младана. — Надеюсь, никто не знает, что ты у меня соль вполцены получаешь?

— Да боги с тобой, — замахал руками Младан. — Мне тогда конец! А так да, завидуют, жабы болотные. Хотят войной на тебя идти, пока ты силу не набрал. Все знают, что у тебя доспешная рать, как у баварского герцога. Боятся они тебя.

— И правильно делают, что боятся, — пожал плечами Само. — Пока у меня рать есть, я жить буду. А иначе мигом сомнут меня, даже пикнуть не успею.

— Так ты не боишься? — задумчиво спросил Младан, который готовился к совершенно другому разговору.

— Не боюсь, — ответил князь, с аппетитом обгрызая кабанью кость. — Я слух пустил, что троих дулебских владык сделаю жупанами, а остальных на кол посажу. Жупан у меня десятую часть подати будет получать и то место старшему сыну передаст. Или не старшему, не суть. А вот теперь жду, кто из них быстрее договариваться прибежит. Ты, собственно, не первый, владыка Младан.

— А какой же? — спросил бледный владыка, который мигом протрезвел. — И кто еще приезжал?

— Да вот, владыка Моимир и владыка Святоплук по первому снежку заезжали. Не вместе, порознь. Вот прямо как ты, с сыновьями.

— Так они же нас и подбивают на тебя войной идти! — воскликнул ошарашенный Младан. — Так это что, они нас под твои мечи сунуть хотят, а сами жупанами стать?

— А что тебя удивляет, друг мой? — совсем не юным взглядом посмотрел на него князь. — Люди таковы, каковы есть, и другими они не станут. Не стоит ждать от них слишком многого.

— Да что б меня! — владыка был ошарашен до крайности. — Вот ведь гады ползучие! Ну, а я-то? А я-то теперь как? Я же твой самый верный друг!

— Если клятву мне принесешь, то место жупана твое, — Самослав выложил на стол серебряную цепь с пятиконечной звездой. — Но за эту цепь придется службу сослужить.

— Какую? — горло владыки Младана пересохло, и он влил в себя еще одну чашу.

— Вас в дулебских землях четырнадцать родов, — князь Самослав смотрел на съезжившегося владыку тяжелым взглядом. — И владык четырнадцать. А останется три. Ты четырех своих соседей убьешь. Своей рукой! А Моимир и Святоплук убьют остальных. Впрочем, можешь отказаться, другие желающие найдутся. Я в помощь сотню оборотней Велемира пришлю, они с кем хочешь, справятся.

— Не надо оборотней, — прошептал Младан. — Клятву принесу и все сделаю по твоему слову, княже. Только меня в тех родах ненавидеть будут.

— Тем вернее мне служить будешь, — смерил его ледяным взглядом князь. — А что до народной любви, то плюнь на нее. Ты не фунт соли, чтобы всем нравиться. А про старые порядки уже через год все забудут. Как будешь готов, гонца пришли, я с войском подойду, уйму недовольных. Но владыки только на тебе, запомни. И если кто из знатных мужей народ возмущать будет, тоже убьешь. Договорились?

— Договорились, — прохрипел владыка Младан, который приехал поторговаться за свое неучастие в грядущей войне, но как-то незаметно для себя дал клятву верности князю и получил от него серебряную цепь. — Я домой прямо с утра поеду, княже. Дел много.

— Поезжай, владыка, поезжай, — ласково посмотрел на него князь. — Тебя проводят в гостевой дом. Переночуешь и поедешь с утра. И помни, гонца жду!

Владыка Младан с перекошенным от умственных усилий лицом вышел, а князь Самослав задумчиво барабанил пальцами по столу.

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели, лед тронулся! — говорил он что-то непонятное на том языке, на каком говорил с богами. По крайней мере, такие слухи разносили люди, перевирая услышанное от рассказчика к рассказчику. — Звана позовите ко мне! И, побыстрее!

* * *

Пир набирал обороты. Владыка Моимир принимал у себя в гостях знатного воина из Новгорода. Тот ехал по делам на север, и остановился в дулебском городище как гость. Войны с хорутанами пока не было, а потому гость был священен. Зима была суровой, и угощение подали незатейливое, хлеб да кашу. Но Зван и три молчаливых воина, что сопровождали его в дороге, ели да нахваливали. Торжественные речи лились рекой. Зван выпил за храбрость дулебов, за мудрость владыки Моимира, за домовитость его жены, за силу сыновей и за красоту его дочерей. В ответ владыка поднял чашу за гостя, за его князя, за племя хорутан и за удачную взаимную торговлю. То, что выставил на стол владыка, закончилось быстро. Но у гостя в санях совершенно случайно долбленный бочонок хмельного меда оказался, которого он не пожалел для хозяйского стола, отдарившись за теплый прием. Как и водится в таких случаях, через час с небольшим и гости, и хозяева не вязали лыка, и начались задушевные разговоры.

— Хороший ты мужик, владыка Моимир, дай я тебя поцелую, — потянулся слюнявым ртом к щеке хозяина Зван. — Такой хороший, эх... Жаль мне тебя!

— А чего меня жалеть? — пьяно мотал головой владыка, оглядывая похрапывающих на столе гостей. Вечер явно удался, и мед, привезенный хорутанами, был куда как заборист. — Дом полная чаша, коровы есть, свиньи есть. Меч вот из франкских земель прикупил, броня от отца осталась. Нет, мне жаловаться нечего, только богов гневить.

— Так вы поход на нас затеяли, — обнял его Зван, который тоже еле ворочал языком. — А зря. Беда тебя ждет, друг мой, беда неминуемая. Не жилец ты!

— Откуда про поход знаешь? — вскинулся Моимир. Он начал медленно трезветь.

— Так ваши владыки уже, почитай, что все, у моего князя в гостях побывали, — Зван упал на стол, засыпая. — Завтра расскажу... Что-то мне нехорошо. А, забыл я... нельзя же рассказывать, это тайна великая... Я посплю... Ты не буди меня...

— Да не спи ты! — тряс за ворот Звана владыка Моимир. — Зачем другие владыки приезжали? Скажи, не томи!

— Да тайна это, с меня же князь голову снимет, — умирающим голосом сказал Зван. — А, ладно, мы же друзья с тобой... Только ты могила, да? Они в поход на хорутан идти не хотят... И торговлю рушить не хотят... Я спать...

— Да не засыпай ты, ради всех богов, — владыка Моимир протрезвел окончательно. — Говори, ну же! Дальше-то что было?

— Жупанами хотят стать, а тебя предлагают на кол посадить. Чтобы, значит, угодить князю моему. Трое всего останется... Они жупанами станут, а остальных на кол..., — шептал Зван. — Я пойду сблую, что-то кружится все...

— Кого на кол? — побледнел владыка. — Меня на кол? Ах, змеи подколенные! За моей

спиной договориться решили! А владыка Святоплук был? — тряс он за грудки Звана, голова которого бессильно болталась из стороны в сторону.

— Он самый первый договариваться прибежал. Он-то тебя и предложил на кол посадить. Сказал, это ты дулебов на войну подбиваешь, — промычал тот и потерял сознание.

Владыка сидел за столом, на котором храпели гости, выводя носом затейливые рулады, и сжимал руками всклокоченную голову. Его глаза блуждали по углам дома, а в голове образовалась тягучая звенящая пустота, в которой не было ни одной дельной мысли. Впрочем, так продолжалось недолго, и владыка вскочил с места.

— Мирко! — крикнул он, выйдя из дома. — Завтра на рассвете коней готовь!

— Куда поедем, хозяин? — спросил пожилой раб.

— В Новгород поедем, — бросил ему владыка и завалился на лавку. — А теперь спать. На кол! Вот, сукины дети! Я вас сам на кол...

А Зван храпел с чувством хорошо выполненного долга. У него завтра снова будет тяжелый день. Ведь в санях лежит еще один бочонок с медом, который он должен распить с владыкой Святоплуком.

Вече хмуро смотрело, как владыка Жирослав, избитый до синевы, босой и в одной рубахе, держал ответ перед молодым хорутанским князем, который ради такого дела прибыл в дулебский род лично. И ладно бы лично, но с ним пришло четыре сотни воев, которые выстроились в ровные ряды, и, казалось, не дышали. Многие в тех рядах носили железный панцирь из сцепленных колец, а остальные были в доспехе из воловьей и лосиной кожи, который костяным дротиком не пробить. На поясах у воинов висели мечи или длинные ножи, а в правой руке они держали длинные германские копья — фрамеи. Тяжелые щиты стояли у ноги, показывая, что здесь никто никого не опасается. О мирных намерениях говорил и строй лучников, которые тетиву надели, но стрелы из колчанов доставать не стали, что как бы недвусмысленно намекало. Все внимание дулебов было приковано к чернявому носатому воину в чешуйчатом панцире, сверкающем на солнце, в ромейском шлеме-касионе с ярко-красным султаном из конского хвоста. Все родовичи знали, что такие хвосты рядовым воинам не положено носить было. Видно, не простой ромей молодому князю служит.

Вечевые старцы, самые уважаемые в роду люди, смотрели на все происходящее с болью в сердце, но поделаться ничего не могли. По древнему обычаю мужи на вече с оружием приходили, как и соседи — германцы. Да только воевать никто не рвался. Положить в напрасном бою половину мужиков — ума много не надо. А оставшаяся половина вместе с детьми и женами потом на рынок в Ратисбону пойдет. Там купцы уже заждались, потеряв надежду на поступление новой партии товара. Свободные мужи слушали, как пришлый князь их владыку судит, и чувствовали, как на шее тугая удавка затягивается. Не быть им после этого суда вольными людьми. Не могло быть такого, чтобы сильный к слабому просто на огонек заглянуть решил, да случайно войско с собой прихватил. В гости с целой армией не ходят. А ведь и за собой старцы вину чувствовали, знали они, за что молодой князь хочет с владыки спросить. Ведь тот суд, как и положено, Самослав у родового капища правил, откуда деревянные боги презрительно смотрели на униженных дулебов.

— Ты, владыка Жирослав, на меня хотел походом пойти, и других владык к тому подбивал. А ведь я тебе не враг, и мы с тобой вместе кровь проливали. Есть тебе, что в свое оправдание сказать?

— Не хотел я, — попробовал оправдаться владыка. — Лгут про меня!

— Тут мужи стоят из твоего рода. Пусть клятву перед лицом богов принесут, что этого не было, и я тебя отпущу. Эй, почтенные старцы, кто готов богами поклясться, что владыка правду говорит?

Ответом Самославу было тяжелое молчание. Толпа крепких мужиков стояла, затаив дыхание. Никто из них не станет лгать под суровым взором богов.

— Ну вот, — с удовлетворением сказал Само. — Твоя вина доказана. Ты против меня зло замыслил, и за это я тебя прощаю. Но ведь ты еще и перед лицом Яровита, Велеса и Перуна солгал! Приговор за богохульство — смерть! Ты умилоставишь богов, которых оскорбил своей ложью.

Двое рослых воинов сбили владыку с ног и волоком притащили его на капище, где поставили на колени. Владыка Младан, бледный, но решительный, достал из-за пояса нож и перехватил святотатцу горло. Кровью, что алой струей потекла на чистый свежий снежок,

Младан густо помазал истуканы, которые, видимо, против этого не возражали.

— Правосудие свершилось! — торжественно заявил Самослав. — Теперь, мужи, я вам даю выбор — либо мы воюем, потому что и ваша вина в этом есть, либо вы под мою руку идете. Владыкой рода и вашим жупаном будет Младан, который богам жертву принес.

— А если мы не хотим твоего владыку? — вышел вперед один из старцев. — Не наш он! Не люб он нам!

— Ты, старик, так и не понял ничего, — поморщился князь. — У вас выбор не велик. Вы либо мне подчиняетесь, либо со мной воюете. Вашим владыкам веры больше нет. Ты думаешь, я ждать буду, когда вы снова задумаете мне в спину ударить? Да мне спокойнее будет, если я весь ваш род в рабство продам, а эти земли хорутанами заселю.

Вече зашумело, и недобрый гул нарастал с каждой минутой. В толпе начались перебранки, а кое-кто и вовсе схватил друг друга за грудки. Князь незаметно кивнул стоявшему рядом Деметрию.

— Тагма! Слушай мою команду! Готовься! — покричал он.

Слитным движением щиты легли в руку, а копья были перехвачены поудобнее, чтобы по следующей команде опуститься и начать жалить толпу, что бесновалась перед строем. Лучники наложили стрелы на луки, и тоже ожидали команды, опустив наконечники вниз. Дадут команду, и через два удара сердца смертельный ливень выкосит половину тех, кто стоит на этом поле. Самые умные притихли, а глупые, потрясая оружием, разошлись не на шутку.

— Ваш ответ? — коротко спросил Само, и тем ответом ему был недовольный шум, который перешел в вопли и оскорбления. Серьезность момента дошла не до всех. Копья опустились, нацелив острия на крикунов. — Мое последнее слово! На колени! Кто стоять останется, когда я махну рукой, умрет!

Вече замерло, не веря происходящему. Князь поднял руку, а стрелки чуть потянули тетиву, ожидая сигнала. Что-то нехорошее повисло в воздухе, а в глазах воинов-хорутан увидели дулебы смерть. Один за другим начали они падать на колени, а владыка острым лезвием глаз прошел по толпе тех, кто еще недавно хотел принести войну на его землю.

— Цельсь! — прозвучала резкая команда, и над притихшим полем раздался оглушающе громкий скрип тетивы. — Пли! — рука князя упала, а полтора десятка самых упрямых, самых смелых и самых глупых, тех, кто остался стоять на ногах, упали на землю, получив по несколько стрел в грудь.

— Владыка Младан! — плетью хлестнул приказ князя. — Узнать, кто такие! Их добро — в казну, жен, детей и внуков — на торг! — И Самослав продолжил: — Я думаю, мы с вами найдем общий язык, почтенные мужи. Будем считать, что так я наказал вас за недобрые мысли. А сейчас вы принесете мне клятву верности перед лицом Яровита. И упаси вас боги эту клятву нарушить. Больше я таким добрым не буду, на торг пойдет весь род. Точнее, те, кто останется жив.

Он оглянулся в сторону Горана, который стоял чуть позади, и негромко сказал.

— Трое, что впереди стояли, самые крикливые. Они и на колени быстрее всех встали. Не нравятся они мне. Узнай все про них. Если будут людей мутить, убей, но осторожно. Пусть утонут, или волки их загрызут. Нам тут лишний шум не нужен.

Горан молча склонил голову. Он все понял.

Замирение дулебских земель закончилось лишь к концу зимы. Один род за другим принимал власть князя Самослава, склоняя непокорные шеи. Люди притихли в ожидании. А

что будет-то? А, на удивление, не было ничего. Кое-где странной смертью померли уважаемые люди, удивляя этим только своих соседей. Но, поскольку телевизора и газет тут не было, то и новости ходили плохо, сгинув со временем в глухих лесах.

А вот плюсов от той новой жизни куда больше оказалось, чем минусов. Прежде всего, новые жупаны объявили, что для своих подданных молодой князь скидку на соль делает, и даже в долг дать может, когда запасы на зиму нужно готовить. А к концу зимы за ту соль можно мехами расплатиться. Переплата плевая — всего треть от того, что взял. А еще зерно можно в долг взять, если не уродилось оно. По всему княжеству у жупанов запасы сделаны, и то зерно от одного рода в другой привезут, ежели где голод случится. А еще на топоры из собственной княжеской кузни цены снизили. А еще мальчишек-сирот князь к себе забирает и кормит от своего стола, чтобы дармоеды у родни на шее не висели. А еще девок князь повелел только в другое племя замуж отдавать, за Дунай, и невест брать оттуда же. Чтобы породниться двум племенам, значит... А еще... А еще... Кружились головы у родовичей от таких новостей и стала в них робкая мысль пробиваться — а может и ничего страшного, что старых владык на капище зарезали. Смотри, как боги-то благосклонны стали. Видно, по нраву им те жертвы были. Дулебы, конечно, захватчиков-хорутан ненавидели от всей души, да только пока сильно хуже не стало. А кое-где даже и лучше. Правда, люди так и не поняли, почему три жупана, что теперь дулебскими землями правят, так друг друга не любят, и чуть что, скачут в Новгород на своего соседа князю жаловаться. Удивительно даже, и чего людям не хватает?

* * *

Ледоход стремительно уносил зиму вниз по течению, лесные дороги превратились в липкую жидкую грязь, а родовичи сидели по своим весям, подъедая запасы и играя в шахматы и шашки, которые разлетелись по словенским лесам, как лесной пожар. Уж больно скучно ранней весной в крошечной деревушке. Только шашки и шахматы, больше и заняться нечем.

А в стольном Новгороде князь вызвал к себе самых ближних людей и последнее напутствие им давал. Неслыханное дело затеял князь, решил он богатый караван собрать и в земли франков торговать пойти. Никогда и никто из словенского рода такого не делал. Все походы тут были только по военной надобности, да когда совсем тесно становилось в лесах. Тогда целые роды и племена с места снимались и в чужие земли уходили. Иногда им те земли до того нравились, что старых хозяев словене заботливо резали, чтобы не мешались под ногами, значит. И вот теперь жупаны из земель хорутан, дулебов и лемузов сидели за столом, уставленным яствами, и своего князя внимательно слушали.

— У нас, почтенные мужи, один очень важный вопрос назрел. Нужно нам свой закон принять, чтобы как у франков и баваров было, — заявил Самослав, пристально глядя на самых влиятельных людей своего княжества. — Мы этот закон Уложением назовем.

— А чем обычаи наши плохи? — осторожно спросил владыка Святоплук. — Деда так жили и нам заповедали.

— Всем обычаи хороши, — ответил ему Самослав, — да только разные они у всех племен и многого из того, что уже за эти годы случилось, деда наши не видели. Я пока с малого начну, это работа большая. Итак:

— Не исполнивший приказание, увидит смерть. Тот, кто промедлит, будет смещен на самую низшую должность.

Горница взорвалась возмущенными голосами.

— Тихо! Тихо! — поднял руку князь. — А теперь представьте, что будет, если в бою один владыка не пойдет в бой и из-за него войско погибнет. Что с таким владыкой нужно сделать?

— Да на кол его! — заорало собрание.

— Ну, а я что только сказал? — удивленно посмотрел на них князь.

— А, ну тогда да! — в задумчивости почесали голову бояре. — Как бы правильно получается. Согласные мы!

— Тогда дальше идем, — кивнул Само. — За сон на посту — смерть. Есть возражения?

— Если в походе, то правильно, — ответил Велемир, — а когда мир — крутовато. Нас воины на копья поднимут. Давай, тот, кто на посту в мирное время уснет, то на месяц оружия лишается в наказание.

Бояре согласно загудели. Кара была серьезней некуда. Ходить без оружия — позор великий.

— Согласен, — кивнул князь. — За предательство — смерть! Есть возражения?

— Нет и быть не может, — отчеканил Горан, глядя тяжелым взглядом на съжившихся жупанов. — Нет у нас никаких возражений! Правда, уважаемые мужи? Тут же нет предателей?

Предателей в горнице не оказалось, и вопрос был закрыт.

— Злое колдовство — смерть!

— Нарушение приказа на войне — смерть!

— Если воин бросит строй и начнет грабить — смерть!

— Утаивание добычи — лишение оружия на год и лишение доли.

— Воровство — тройной штраф от цены похищенного. Две доли — тому, у кого украли, одна доля — в казну.

Собрание перешло в перепалку, но пара десятков пунктов нового кодекса была принята. На большее не хватило ни времени, ни сил. Ведь главным было совсем не это.

— Я, почтенные бояре, с торговым караваном в королевство франков пойду. Ты, Лют, на время моего отсутствия старшим будешь, — сказал Само, и обвел взглядом бородатых мужиков, что сидели за столом. Никто не сказал ни слова против. Даже Велемир, так и не снявший привычный плащ из волчьей шкуры, от которого в горнице стоял отчетливый запах псины.

— Ты, Деметрий, — продолжил он, — приведешь к покорности хорватов. Племя сильное, ты там надолго застрянешь, поэтому всей тагмой туда иди и мужей из нашего рода прихвати с собой.

— Ты, Збых, здесь останешься торг вести. Он слишком богатым не будет, мы почти весь мех с собой заберем. Поэтому постарайся дорогих гостей нагрузить солью. Цену скидывай, лишь бы в следующем году они сюда вернулись. Если они с этого похода заработать не смогут, то больше не приедут сюда.

— Прости, княже, — несмело спросил Збых. — А зачем ты уезжаешь? Ведь мы те меха и здесь продадим.

— Понимаешь, там цена куда выше будет, — ответил Самослав. — И у меня помимо торговли в королевстве франков еще кое-какие дела есть. Зимой, как лед станет, вернусь. А

теперь, выпьем, почтенные мужи!

Собрание довольно загудело! Выпить и закусить тут любили все. Владыка наклонился к Деметрию и Горану, которые сидели рядом: — Не налегайте на мед, разговор будет. И прекратите делать такие задумчивые лица, улыбайтесь!

* * *

За полгода до этого разговора.

За что Вышата любил свое дело, так это за то, что везде он был дорогим гостем. Как новый князь забрал под свою руку эти земли, как успокоилась вражда между племенами и родами, то целая свора мелких торговцев, что затаривались оптом на Большом Торге, юркими челноками начала шнырять от одной веси к другой. То, что для почтенного Збыслава, княжьего старшего купца, мышиной возней казалось, для мелкого торговца оказалось золотой жилой. Мехахой, если быть точной. Ну, или соляной...

Вышата взял у почтенного Збыслава, чтоб ему пусто было, товар на реализацию, погрузил в лодчонку, выдолбленную собственноручно, и поплыл вниз по течению, по мелким хорутанским деревушкам. А ведь вельможного купца еще недавно звали просто Збых, и был он самым обычным сопляком, да еще и слабосильным. Все девки от него нос воротили, а теперь локти кусают. Он себе жену красавицу взял, да еще и из знатного рода. Везет же людям! Вышата горестно вздохнул, представив, как бы он развернулся, если у него полтысячи тех соляных монет было. Э-эх! Мечты! И он макнул весло в воду, ускоряя лодку на ленивом течении. Он, Вышата, знал, куда плыть нужно. Ему в самый дальний род, туда, где тесть самого князя живет. Оттуда на торг редко ходят, уж больно далеко. А разная мелочь, что у Вышаты в лодке, так и вовсе для местных мужей неинтересна.

Купец вез иглы, ленты, гребни, медные браслеты и серебряную проволоку, из которой каждое племя делало свои, ни на что ни похожие височные кольца. У хорутан они были с загибом на конце в виде латинской буквы S. Впрочем, Вышата был неграмотен, и называл это просто загогулиной. Главное, что бабы, видя его товар, сходили с ума, и трясли мужей, чтобы те сняли с себя последние портки, но купили им немедленно то, что только что купила соседка Душана из соседней веси. А то что, она хуже той задаваки будет? Мужики вздыхали и доставали заветную белку, или фунт соли, что здесь уже научились пилить пополам. Впрочем, и хорошая затрещина частенько бывала последствием такого разговора, если вдруг упрямая женушка теряла берега и переходила ту незримую границу, которую спинным мозгом чует любая баба, прожившая в законном браке дольше трех недель.

А еще Вышата как гость, был интересен всем вдовушкам, которые были лишены мужской ласки. Им гулять в собственном городище людская молва не позволяет. Мужики ведь кобели все, как один. И язык ни у кого во рту не держится. Хуже нет, чем в своем роду блудливой козой прослыть. Могут мужние бабы и волосья повыдергать. Так что Вышата был просто нарасхват. И это было еще одной причиной, почему он любил свою работу. И вот прямо сейчас, отдыхая в домике одной вдовицы, аппетитной, как спелая репка, он лениво слушал бессмысленную бабскую болтовню.

— Ну, значит, я, как обычно, подслуш... э-э, проходила мимо и случайно услышала. Она ему и говорит: — Отомстить хочу! Представляешь?! За позор дочек моих! Вот ведь стерва! А ее дочки — уродины, прямо как она!

— И что она? — спросил Вышата, не особенно вникая в бессмысленный шум, который проносился мимо его ушей, не задев сознания. По его опыту, данная фраза была применима в девяти случаях из десяти, когда общаешься с женщиной, и должна была показать собеседнице, что ее внимательно слушают. Особенно, если это было совсем не так.

— А она ему и говорит: я брата своего послала, Глума, к бойникам. Чтобы значит, они городище княжеское обложили, а наш владыка с другими владыками на подмогу придет. И вот они то городище возьмут, князя нашего убьют, а новым князем вождь бойников станет. А в благодарность новый князь всех трех наших уродин за себя возьмет. Ну, ты представляешь? А еще пообещала, что ее внуки князьями станут, и тогда она всех, кто над ее дочками потешался, утопит! Вот сука, да? Да мы же все над ними смеялись! Вот я страху-то натерпелась! Хорошо, что наш князь того бойника победил. А то хоть в петлю лезь...

— Ты сейчас про кого рассказывала? — приподнялся на локте Вышата, которого внезапно пробил пот. — Ты про своего владыку, что ли?

— Ты меня совсем не слушаешь, что ли? — обиделась баба. — Про владыку, конечно. И про жену его стерву. Она ежедень Триглава молит, чтобы он на княгиню нашу злую лихоманку наслал. И дочери ее то же самое делают. Я сама сколько раз слышала! Вот!

— Ах, ты моя козочка! — промурлыкал Вышата. — У меня красивые бусы есть, и они сейчас твои будут. А ну, поцелуй-ка меня покрепче!

Рано утром, выйдя от оголодавшей вдовушки на подгибающихся ногах, Вышата присел, глядя на реку, подернутую стылым осенним туманом. Холод, пробравшийся ночным вором под теплый плащ, немного взбодрил купца. То, что он услышал, не требовало отлагательства. Нужно мчать в Новгород, и быстро. Он уже почти расторговался, а мех много места не занимает. Соль тоже на шкурки сменяет, слишком тяжела она. Лодку бросить придется, хоть и жалко ее до слез, и в Новгород бегом бежать, с одним заплечным мешком. Вверх по течению он с ней куда дальше добираться будет. Если по пути волки не сожрут, то дня через три на месте будет. Ему почтенный Збыслав по знакомству заветные слова прошептал, с которыми можно к самому вельможному Горану зайти в любое время, хоть ночью. И если ты важную весть принес, то тебя солью засыпят просто. А вот если слова твои враньем окажутся, то лучше сразу к аварам податься. Там, в рабстве, он замечательно до конца жизни и проживет, не встречаясь больше с человеком, который преданно служит богине Моране.

— Слово и дело! — шептал про себя Вышата заветные слова, отматывая скорым шагом версту за верстой. — Слово и дело!

— Прости, владыка, — повинился Горан, а Деметрий согласно качал головой. — Мы думали, ты все-таки умом тронулся. Забот много и все такое.

— Не верили? — усмехнулся Самослав. — Ну, и зря! Они должны были на это клюнуть, и они клюнули.

Новгород был взят в осаду. Сотня бойников, три сотни хорутан, столько же дулебов и лемузов. Всего около тысячи человек. Именно столько предателей и было. Остальные потихому доложили о поступившем предложении Горану, и были милостиво отпущены восвояси, получив подробные инструкции. Впрочем, двое владык не доложили, и решили посмотреть, чем все закончится, чтобы присоединиться к победителю. В городе остался Дражко с двумя сотнями мужей, и один приступ они уже отбили. Основное же войско, которое имитировало поход на хорватов, кружным путем вернулось назад и зашло в тыл осаждающим. Те пребывали в растерянности, ведь в городе должна была остаться только стража, а потому ливень стрел и кипятков, льющийся на головы, оказался для них полной неожиданностью. Сейчас лагерь спал, а по нему курсировали несколько патрулей, которые больше чесали языком, чем наблюдали. Ведь войско князя ушло в поход на хорватов, чего им опасаться? Мужиков из соседних деревень? Так они разбежались все. И бабы с детьми тоже разбежались, и скотину с собой увели. Странно это все, конечно...

Рассветное солнце робко выглянуло из-за леса, а лагерь осаждающих прорезал истошный вопль часового:

— Вороги напали! Вставайте! К оружию!

Вильцы, лемузы, дулебы и хорутане вскакивали, протирая глаза и хватая копья, что лежали рядом. В наступающей суматохе все искали своих, пытаясь построиться по племенам и родам. Засвистели стрелы, которые летели сотнями, раня и убивая мечущихся воинов. Жидкие ответные залпы из охотничьих луков большого вреда нападавшим не принесли, а для броска дротиками было далековато. Наконец, осаждающие сбились в подобие войска, где центр заняли одетые в волчьи шкуры бойники. Они не стали ждать, когда стрелы выкосят их ряды, и с ревом бросились на оцетинивший копьями ровный строй. Первый удар был страшен, и самые отчаянные повисли на копьях, которые застревали в их ребрах.

— Тяни назад! — орал Деметрий, срывая горло. — Строй не ломать! Щиты сомкнуть! Второй ряд — не спать!

Кое у кого копья в горячке боя были сломаны и изрублены топорами, а то и вовсе застряли в телах. В ход пошли мечи и саксы, которыми княжеские skutарии били из-за щитов.

— Мечом рази того, кто справа! — кричали десятники. — Подмышку бей!

Старая римская тактика давала свои плоды, и бойники, не ожидавшие подобной подлости, падали один за другим. А что оставалось делать, если ты делаешь замах топором, а тебе прилетает смертельный удар совсем не от того воина, с кем ты бьешься?

А из лесу выбегали все новые и новые отряды, которые забрасывали дротиками набегающую людскую волну. Дулебские и хорутанские владыки, которые обещали Велемиру свою поддержку, пришли вовремя. Только воевали они почему-то за другую сторону. Ворота города отворились, и из крепости вышли защитники, которые ударили во фланг, прижимая бунтовщиков к воде. Это был конец, и первым, кто это понял, был Велемир.

Громила, одетый в доспех, махал здоровенным мечом направо и налево. Он пробивался туда, где стоял княжеский стяг. У него был всего один шанс, и он был намерен им воспользоваться. В это странное время и у славян, и у германцев вождь служил оберегом для войска, его символом. Гибель вождя в глазах воинов означала утрату милости богов, и означала поражение. Велемир еще не знал, что дулебы владыки Младана ударили в спину предателям — хорутанам из рода Буриvoja и его лемузам.

— Где он? — напряженно спросил Самослав, который пытался в тучах пыли рассмотреть своего главного врага.

— Сюда идет, — спокойно ответил Деметрий. — Я велел для виду с ним биться и пропустить к стягу. Но ты, герцог, и впрямь отчаянный. Я же его в бою видел. Это же не человек, это полубог, вроде Геракла. Прости меня, господи, за богохульство, нечистого демона поминаю!

— А ты помнишь, как погиб Геракл? — хмыкнул Само. — Его сила ему не помогла.

— Я-то помню, мой герцог, — как-то странно посмотрел на своего князя Деметрий. — Но вот откуда ты это знаешь?

Этот вопрос остался без ответа, потому что Деметрий ринулся туда, где строй стал проминаться под ударами бунтовщиков.

— Самослав! — раздался рев Велемира совсем недалеко. — Сразись со мной, если ты не трус! Ну, где же ты? Или только торговать умеешь?

— Я тут! — закричал Само. — Пропустить его ко мне!

Людские волны неохотно расступились, а в центр образовавшегося круга прошел покрытый кровью Велемир. Его щит был изрублен, а из рассеченного уха сочилась кровь, на что он, впрочем, не обращал ни малейшего внимания. Бойник удивленно посмотрел на обломки щита и отбросил его в сторону.

— Готов? — спокойно спросил Самослав, когда поле для битвы было расчищено. — Бьемся насмерть или как тогда, попросишь чего-нибудь и ляжешь на спину, как последняя потаскуха? Ну, чего встал, продажная тварь? Или в портки навалил?

— Я? Я навалил? — Велемир с хохотом поднял меч и бросился на врага. Один удар — и наглый щенок упадет на землю, разрубленный до пояса. И даже чудной доспех, в котором на кольчугу зачем-то приклепали железные пластины, ему не поможет. Он так и не понял, почему его смех превратился в клокочущий хрип. Понимание пришло только тогда, когда рука нащупала торчащую из горла рукоять ножа. Странную такую рукоять, сделанную из железа и с какими-то дырками. Дурацкий нож, им даже мяса не порезать, удивленно подумал Велемир, закрыв глаза. С этой мыслью он и умер.

— Отрубить голову и поднять на копьё! — распорядился Самослав. Ножей было два, но метнуть второй у него навряд ли получилось бы. Уж слишком мало было времени. Хотя, промахнуться с пяти шагов... И он пробурчал про себя: — Нашел д, Артаньяна, придурок. Я совсем ненормальный, что ли, с такой тушей дуэли устраивать! Эх, как же не хватает пулемета! Ведь одним цинком всю эту шоблу разогнали бы! И почему я не умею на коленке булат ковать и арбалеты делать? И даже рецепт пороха не помню. А ведь сколько раз читал...

Битва понемногу затихала. Остатки бойников решили умереть, сражаясь, и теперь их прижали к берегу реки, методично расстреливая и забрасывая дротиками. Видя, что лучники на лодках бьют стрелами тех, кто пытается уйти вплавь, словене бросили оружие, запросив милости. Для них битва была закончена. На земле понуро сидело несколько сотен мужиков,

и еще десятки были убиты. Владыка Буриной тоже сидел в толпе людей, которых привел на верную смерть и теперь ловил их взгляды, которые не сулили ему ничего хорошего. Пленных еще вязали, стягивая шеи жердями, а со стороны торгового берега уже причаливали ладьи, из которых вышла целая делегация баварских купцов во главе с почтенным Хубертом. Девять его сыновей, крепких, как дубы, оглядывали поле битвы хозяйским взглядом. Сегодня будет хорошая торговля, они это чувствовали.

Вечер прошел бурно, а ночь быстро. Наспех сколоченная трибуна из сосновых бревен была поставлена за воротами города. Людское море волновалось вокруг, распространяя могучий запах перегара. Князь не поскупился на угощение, а победители утопили в меду и настойках весь пережитый страх боя. Боялись все, но никто в этом не признавался. Напротив, бахвальство лилось рекой, и с каждой минутой количество оборотней, убитый одним ударом копья, увеличивалось вдвое. Впрочем, достигнув определенного предела, вранье затухало, и начиналось заново, с весьма скромных величин. Хорутане, пролившие кровь вместе с дулебами, а потом немало выпившие вместе за общую победу, внезапно выяснили, что это нормальные мужики. Почесывая затылки, они осторожно интересовались, какого рожна они резались столько лет и не находили внятного ответа. Наконец, князь, которого войско после вчерашней победы буквально боготворило, поднялся на трибуну. Еще бы! Собственной рукой такого бойца сразил! Воины встретили его приветственным ревом. Князь поднял руку. Он был краток.

— Бунтовщики и предатели проиграли! Вы победили! А теперь награды! — в ответ он услышал рев, который усилился еще больше.

— Каждый, кто бился вчера на этом поле, получит по тридцать фунтов соли! И на год освобождение от податей! И если у кого займы есть, то все резы прощаются!

Войско забесновалось в восторге. Взрослые мужики подпрыгивали и обнимались друг с другом. Резами тут называли проценты, и эта незаметная треть, что шла в княжескую казну, оказалась не так уж и мала.

— А теперь храбрейшие из храбрых! Воины Мстиша, другой Мстиша, Дражко, Добран Божко, Бертахар, Заяц, Горан, Зван и Бранко! Подходи ко мне!

Из толпы, которая завистливо расступалась перед счастливыми, вышли воины, названные князем, и поднялись к нему на возвышение. Они смущенно переминались с ноги на ногу, не понимая, что сейчас будет. Бертахар, здоровенный детина из баварцев махал рукой своим родичам, которые восторженно приветствовали храбреца-германца, которого отметил сам князь.

— Люди! — прокричал князь, пытаясь перекрыть шум толпы. Получалось у него плоховато. — Это десять воинов, которые показали чудеса храбрости! Я награждаю их серебряной гривной на шею, чтобы все это видели и уважение свое им показали. Простой человек перед таким воином должен голову склонить и дорогу ему уступить. А перед домом этих людей будет почетный столб стоять с вырезанной звездой! И только они теперь могут белые плащи с красной полосой носить!

Войско завистливо взвыло, а счастливые гордо выпятили грудь. Белый плащ! С красной полосой! Почетный столб около дома! Вот это да!

Збых, отвечающий за финансы княжества, загадочно улыбался в жиденские усы. Когда владыка объяснил ему, что такое нематериальная мотивация персонала и квота для нацменьшинств, он подошел к делу творчески. Тем более, что добыча, полученная от продажи пленных, перекрыла выданные бонусы примерно вдвое. А услышав идею с

почетным столбом, даже князь посмотрел на него с немалым уважением. Он еще какие-то непонятные слова произнес про чью-то мать и какой-то райком комсомола, который по Збыху плачет. Зачем этот странный человек плачет по Збыху, парень так и не понял. Он же еще живой! Зачем по нему плакать?

— А теперь я совета вашего хочу спросить, воины! — крикнул князь. — Тут стоит владыка Буриной, изменник и бунтовщик. Что делать с ним будем?

Воины замолчали. Буриной был тестем князя, и никто не хотел быть тем, кто приговорит его к смерти. Но князь помог своим людям:

— Что говорит закон? Что полагается за измену, кто бы он там ни был?

— Смерть! — с облегчением заорали все. — На кол его!

— А что сделать с теми, кто о бунте знал, но на поле битвы не пришел?

— Смерть! — единодушно выдохнуло войско.

— Так тому и быть! — сказал Самослав, тяжелым взглядом посмотрев на тестя. Тот стоял бледный, поникший и даже как будто стал меньше ростом.

— И чего тебе не хватало, сволочь? — тихо спросил его Само. — Там ведь, в городе твой внук был! Твоя кровь!

— Ты перед людьми меня опозорил, — хмуро ответил бывший владыка. — Над моими дочерьми потешались все. Говорили, что ты провел меня, как дурня, чтобы на смазливой девке жениться.

— Ты же мог дочерей замуж выдать, — парировал Само. — Ведь твоя жена одного жениха за другим с порога гнала. Не было бы этого, уже внуков на коленях качал бы и сытой старости радовался. Все забыли бы об этом недоразумении, если твои дочери за мужьями были бы. А так, сам себя дурнем и выставил, и теперь подыхать на колу будешь, как последняя падаль.

— Семью не тронь, прошу! — просипел владыка Буриной.

— Они в колдовстве виновны, — припечатал князь. — Приговор — смерть. Ты закон знаешь, сам с этим согласился.

Владыка Буриной завыл, размазывая слезы по грязным щекам. Лютая смерть ждала всю его семью. И за что? За то, что хотели за свой позор отомстить?

— Проклинаю! Перед смертью тебя и все твое потомство до седьмого колена проклинаю! Пусть богиня Морана мучит тебя в своей Нави!

— Да плевать я на твои проклятья хотел, — спокойно ответил ему Самослав. — Я в них не верю. А Моране я богатые жертвы принесу. Да вот хоть бы и тебя, и жену твою, и дочерей! Как думаешь, угодна такая жертва богине смерти будет?

И он ушел, резко отвернувшись от бывшего родственника. Он больше не слышал его ругани, плача и проклятий. Воины потащили его к капищу, где уже были приготовлены три тупых кола. У провинившихся владык будет много времени, чтобы обдумать свои ошибки.

* * *

Следующий день встретил Самослава обычной домашней суетой. К его удивлению, жена, оставшаяся полной сиротой, отнеслась к этому совершенно спокойно. Она приняла

это к сведению, и даже тень не мелькнула на ее прекрасном лице. Казнили, значит, было за что. Больше они к этой теме не возвращались. В горнице его уже ждали ближайшие соратники, чтобы обсудить дела. Меда на столе не было, и разговоры сопровождалась только едой, которую подавали служанки, оттаскивая блюда и тарелки. Пол, на удивление всем, тут был деревянным, и бойкий перестук босых девичьих пяток напоминал барабанную дробь. Горан, Зван, Збых, Лют и Деметрий. Самые доверенные люди, в чьей верности он не сомневается.

— Я через неделю уйду с караваном к франкам, — начал свою речь Само, наблюдая, как вытягиваются лица соратников.

— Так это взаправду было, княже? — не выдержал Збых.

— Конечно, взаправду, — кивнул Самослав. — И до зимы я вернусь. Следующий год очень тяжелый будет, куда тяжелей, чем этот.

— А что будет? — вытянули шеи бояре.

— Война будет, — пояснил князь.

— А-а, — разочарованно махнули рукой воины. — Так у нас каждый год война! Удивил, подумаешь! А с кем война то хоть?

— С аварским каганом, — ответил Само, с удовлетворением наблюдая, как на лицах людей мелькает целая гамма чувств, где пренебрежение сменяется озабоченностью, а та — унынием и даже страхом. Это было серьезно, очень серьезно.

— Я так понимаю, что на хорватов мы не пойдем? — поинтересовался Деметрий.

— Не пойдем, — кивнул князь. — Они скоро сами к нам прибегут за защитой. Нет нужды братскую кровь лить.

— А откуда про войну знаешь? — спросил Зван, любопытно сверля князя взглядом. Он отвечал за разведку, и был немного уязвлен.

— Боги так говорят, — выложил неубиваемый козырь Самослав. Остальные согласно мотнули головой. Ну, раз боги так сказали, значит, так тому и быть. Даже Деметрий, который в местных богов не верил, был согласен со всеми. Может, тут, в лесах нет еще власти распятого бога, и пока правят боги старые, не уступившие еще своей власти. — Ты, Деметрий, вторую тагму набирай и начинай учить.

— Денег много уйдет, — подал голос Збых. — Казна не бездонная. Вторая тагма нас подкосит, княже. Мы с себя последние портки снимем, чтобы такую толпу мужиков одеть и прокормить.

— Горазду весть пошлите, чтобы снова начал соль рубить, — вздохнул Самослав. — И скажите ему, что разрешаю снова бродяг ловить и на добычу соли ставить. На полгода, не больше. Остальные пусть крепость строят, и колодец там бьют. Чует мое сердце, еще не раз пригодится. Ты, Горан, всех владык за это время объедешь. Просто так, в гости заглянешь. Выпьешь с ними, по душам поговоришь. Ну, ладно, ладно, не смотри на меня так... Попытаешься поговорить. Пусть понимают, что глупые мысли нужно из головы гнать. Ты, Зван, собирай слухи, сплетни. Гоните коробейников во все концы, обещайте за важные сведения награды, беспроцентные ссуды, беспошлинный торг. Да все, что угодно обещайте, но не пропустите того, что начнется.

— А что начнется, владыка? — от любопытства бояре даже шеи вытянули.

— Сам пока не знаю, — честно признался Само. — Но вы сразу и поймете, когда начнется. Это ни с чем не спутать. Такое будет, чего никогда не было.

— Как тогда? — улыбнулся Горан. — В рабском загоне?

— Нет, — грустно покачал головой князь. — В этот раз по-настоящему. Ты, Деметрий, всю восточную границу объехать должен. Нужно знать все броды, все лесные тропы. Приметь, где засеки сделать, где малый острожек поставить, а где просто волчьих ям накопать. Ты, Горан, с семьями казненных владык разберись. Никто уйти не должен. Мне кровники не нужны. А теперь ты, Лют. На тебе самое главное...

Главный заместитель князя по гражданским делам внимательно посмотрел на Само. Он уже и так понял, чем ему предстоит заниматься.

Нотарий Стефан поправил светильник и углубился в чтение. Работы еще было много. Писцы, такие же евнухи, как и он, сидели в длинной зале, склонившись над листами папируса. Светлейший протонотарий вышел из своих покоев, оглядывая покорные макушки презрительным взглядом. Женоподобная рыхлая фигура, задрапированная в длинные разноцветные одежды, пугала писцов до ужаса, и они опустили головы еще ниже, изображая старание. Оттопыренная нижняя губа совершенно не красила одутловатое безбородое лицо протонотария, но его главным достоинством красота не была совершенно точно. Среди евнухов почти не бывало красавцев, они были длиннорукими, с широкой задницей и круглым лицом, на котором росли чахлые кустики вместо бороды. Но если такое чудо и случалось, то красавец оказывался не в императорском архиве, а в гареме одного из сенаторов, которые пытались изображать из себя что-то значимое, как будто сейчас все еще благословенные времена императора Траяна. Так вот, красота точно не была главным достоинством протонотария, у него были другие таланты. Совершенно нечеловеческая память и цепкий ум выдвинули вперед мальчишку из неведомого кавказского племени на высокий пост. Да, четыре тысячи евнухов-кубикуляриев, ведавших одеждами и столом Августа и Августы, стояли выше по чину, но разве сравнится человек, ведавший внешней политикой, с дармоедами, которые занимались... На этом месте всегда умолкали, сказать такое вслух было немислимо. Ведь это измена... Гордость за свою работу держала всех этих людей крепче любого клея, а дворцовые лентяи вызывали у настоящих тружеников только презрение пополам с завистью. На этой мысли Стефан снова погрузился в чтение. Вся переписка в Империи шла на латыни, хотя здесь, на Востоке, этот язык давно умер. Тяжеловесный слог с вычурными оборотами простые жители уже давно не понимали, но традиции — это традиции. Хотя, поговаривают, что Август, который по происхождению был армянином, все порывается перевести дела на греческий язык, но старики стоят насмерть. Латынь — это основа основ! Это то, что отличает грамотного человека от плебса. И даже переписка с далекими франками и саксами тоже идет на латыни. Как же можно от нее отказаться?

Так, экзарх Африки Никита пишет про какого-то очередного пророка у арабов, которого зовут Мухаммед. Ничего интересного. В эти пески и оазисы императорская армия никогда не ходила, надобности не было. А вот легкая конница у арабов была превосходной, и ее наемные контингенты воевали по обеим сторонам в бесконечной войне с персами. Те уже захватили Иерусалим, Дамаск, Антиохию, и даже Египет. Империя теперь была отрезана от подвоза дешевого зерна, и плебс был в ярости, лишившись раздач хлеба. Но все еще поправимо. Август Ираклий собрал все силы и отбросил персов к армянским горам. Мелкие разборки арабов — в сторону, кому интересны эти дикари?

Экзарх Равенны Григорий тоже что-то прислал... И как он там удерживает те ничтожные огрызки, что остались от гигантских владений в Италии? Даже удивительно! Равенна, окруженная болотами и высокими стенами, была неприступна. Рим, пустеющий на глазах и превращающийся в руины, тоже держался чудом. Их епископы, получившие первосвященство волей прошлого императора, ненормального алкоголика и садиста Фоки, кое-как договаривались с герцогами лангобардов, откупаясь от них, или срамливая их между собой. Экзарх пишет, что архонт Баварии пошел войной на какого-то мелкого архонта

склавинов в Норике и потерпел поражение. Возможно нападение франков на ослабевшую Баварию, экзарх следит за этим. Не интересно, в сторону, об этом можно будет упомянуть мельком...

Наместник Испании пишет, что с трудом удерживает Бетику, которая была на крайнем юге полуострова. Обычное дело, это уже почти сто лет продолжается. Готы теснят Империю в Испании, и эту землю, скорее всего, удержать не удастся. Уж очень далеко это, да еще и в то время, когда с одной стороны Империю сжали персы, а с другой стороны — склавины, подгоняемые своим хозяином — аварским каганом. Иллирик, Фракия и Македония потеряны. Фессалоника выдержала три осады, и второй город Империи смогли удержать лишь каким-то невысказанным чудом. Какая тут еще Испания? Еще год-другой, и готы прижмут Империю к Геркулесовым столпам. Король Свинтила — хороший полководец, и крепко сидит на троне. Удивительно даже. Обычно королей готов резали или травили через пару лет царствования. Буйная знать этого народа была отважна, но не признавала порядка. Да, вот это по-настоящему важно. Надо доложить протонотарию. На этот раз Картагена и Малака под ударом, а это очень серьезно. Может быть, хоть на этот раз выделят Испании какие-то крохи помощи...

Дневные труды закончены, и нотариус Стефан вышел из привычной залы, где трудился во славу Империи уже несколько лет. Он смотрел на любимый город, столицу мира, место, где жили сотни тысяч людей. Место, которое было центром тончайших ремесел, чьи мастера были непревзойденными, а мудрецы не имели равных. Стефан любил Константинополь, хотя его раздирали распри между партиями болельщиков Ипподрома. Он любил его, несмотря на постоянные противоречия отцов церкви, которые заканчивались пересмотром церковных канонов и нескончаемыми бунтами. Стефан был тут счастлив. Он жил там, где бьется сердце мира, и он неотъемлемая часть этого сердца. От далекого детства остались лишь обрывки воспоминаний да кошмарные сны. Он даже на словенском языке говорит с трудом, сбиваясь на греческий, ставший родным.

Закатное солнце освещало Святую Софию, лебединую песню великой Империи, которая больше никогда не создаст ничего подобного. Художники рисовали теперь только иконы и фрески с изображениями императора, а скульпторы исчезли вовсе. Последнюю статую изваяли четверть века назад, и никто этого даже не заметил. Епископы и патриарх не одобряют... И Стефан побрел к домишке, который снимал на окраине.

* * *

Почтенный купец Приск готовился выдать замуж вторую дочь, и это дело было не менее серьезным, чем торговый поход до Марселя. По крайней мере, будущий сват, который сидел напротив него, был местным викарием, который того и гляди станет графом. По крайней мере, после взлета семейного благосостояния Приск решил не мелочиться, и пристроить дочь получше. Если даст святой Мартин, то он и дальше будет зарабатывать на поставках в Норик. Только вот новый деловой партнер пугал его безмерно. Как будто нечистый демон вселился в безобидного мальчишку.

Семья Приска жила на небольшой вилле за городом Санс, где его предки были куриалами^[1] уже не одно столетие. Одноэтажный дом с внутренним двориком, крытый черепицей, давал кров и хозяину, и домашним рабам. Землю обрабатывали литы, зависимые

крестьяне-арендаторы. В это время простые горожане еще владели землей, пользуясь защитой закона, но все чаще и чаще алчная знать землю попросту отбирала. А уж епископы Галлии и вовсе не знали в этом удержу. И именно этот факт заставил купца Приска выбирать мужа для очередной дочери особенно тщательно. Тяжелые времена наступают...

— Триста! Триста солидов я даю в приданное, уважаемый Ламбрехт! — купец радушно смотрел в глаза знатному франку, который был не слишком богат, но по жене приходился родственником самому епископу Лупу.

— Не так-то и много ты даешь, — пожевал губами Ламбрехт, почесывая наголо бритый по обычаю франков затылок. Русые волосы с медным оттенком были собраны в хвост на голове.

— Ты не так меня понял, — замахал руками купец. — Я даю не золото! Кому оно теперь нужно, когда и торговли почти не стало! Я даю за дочь ви́ллу на пятьдесят югеров земли, заселенную арендаторами! Как тебе такое, почтенный Ламбрехт?

— А? — по-дурацки раскрыл рот франк. — Ну, если ви́ллу, то да! Земля — это то, что надо. Земля — она всегда с тобой будет. А виноградник добрый там есть?

— Венеранда! — хлопнул в ладоши Приск. — Принеси как нам того самого вина...

Полная пожилая тетка с серебряным браслетом на руке была привезена в Галлию еще в детстве откуда-то из-за Рейна, и была почти членом семьи. Она торжественно вплыла в покои, держа в руках бронзовый кувшин старой работы, украшенный неведомыми птицами. Он в этой семье уже лет триста передается от отца к сыну. Давно такую красоту делать разучились. Кухарка разлила вино по чашам, и терпкий аромат разнесся по комнате, заставив франка жадно двигать ноздрями. Почтенный купец был знатоком человеческих душ, и находил ключик к каждому. Тут все оказалось несложно, германцы были пьяницами все как один.

— Мне кажется, мы договоримся, — сказал Ламбрехт, который осушил чашу в два глотка и одобрительно крикнул, вытирая длинные усы. — Хоть ты и худородный, положи руку на сердце, и ремесло твое презренное, но приданное что надо. Я согласен! — протянул он руку.

Проклятый варвар, то есть дорогой родственник покинул дом, и уважаемый купец сел на скамью в атриуме, любясь статуей какой-то голой женщины, которая стояла тут с незапамятных времен. У него дома никогда не бывало святых отцов, иначе не миновать суровой епитимьи. Греховную статую, конечно, надо было бы убрать подальше, а то и вовсе разбить молотком, как это сделали многие знатные семьи, но Приск решиться на это не мог. Она пленяла его красотой лица, плавным изгибом шеи, загадочной улыбкой на мраморных губах. В ней было то, что потеряла Галлия при новых хозяевах, когда неотесанная деревенщина родом откуда из-за Мааса называет худородным его, римлянина из старой уважаемой семьи.

Скоро подадут обедать, Венеранда расстарается ради Клавдии, которую она качала на руках. Да и жена, которой сегодня нездоровится, тоже выйдет к нему. Пятый десяток пошел его ненаглядной Евлалии, пятый десяток. Подумать только! Как летит время! А вот и она. Супруга вышла во дворик и села напротив. Она все еще была красива, и уходящая порода римлян, пришедших сюда при императоре Адриане, в полной мере передалась ее дочерям. Приск очень любил ее... От размышлений купца отвлек раб, на лице которого была полнейшая растерянность.

— Господин, к вам гость.

— Кто? — лениво спросил Приск, который никаких гостей сегодня больше не ждал. Он пригубил вино, и довольно прищурился. Определенно, день был хорош.

— Какой-то важный купец, — пояснил раб. — С ним охрана. И это... господин... Он на нашего Само похож как две капли воды, только постарше будет...

Приск едва не подавился вином, которое моментально стало безвкусным. Он посмотрел сумасшедшими глазами на жену и просипел:

— Евлалия, умоляю, молчи! Чтобы ты ни увидела, молчи!

— Молчать? — вскинула та брови.

— Да! Молчи и кланяйся!

— Ты перебрал? — изумилась жена. — Это франк тебя напоил?

— Хозяин! — напомнил о себе слуга. — Так его прогнать?

— С ума сошел? — побледнел купец. — Зови немедленно! И скажи, чтобы накормили его спутников!

Во дворик зашел молодой мужчина с гибкими движениями хорошего бойца. Он был одет по моде франков, в обшитую тесьмой рубаху, зеленый плащ и кожаные чулки, перевитые лентами до колен. На поясе его висел нож длиной в локоть, рукоять которого была отделана серебром. Если бы Приск не знал этого парня, то принял бы за одного из удачливых воинов-германцев, которые бродили по дорогам в поисках найма.

— Ваша светлость! — Приск склонился в неглубоком поклоне.

— Приск, ты спятил? — заявила Евлалия. — Это же...

— Заткнись, дура! — прошипел Приск. — Заткнись и кланяйся!

Евлалия глупо захлопала ресницами, и изобразила поклон, слегка переломившись в поясице. Она ничего не понимала.

— Прошу вас, герцог, — радушно взмахнул рукой Приск. — Венеранда сейчас подаст обед. Моя жена не сможет составить нам компанию, она нездорова. — И он значительно посмотрел на супругу. — Тебе надо отдохнуть, дорогая! Ты нездорова!

— Да... Да, конечно, — пробормотала она, ошалело глядя на своего бывшего раба. — Я пойду, прилягу, нехорошо мне что-то.

Хозяйка ушла в спальню, дверь которой выходила прямо в атриум, а мужчины прошли в обеденные покои, где Само с любопытством, как-то по-новому разглядывал поблекшие фрески на стенах.

— Жаль, что так больше не умеют делать, — вздохнул он. — В церквях такая мазня, что смотреть тошно. Тебя, Приск, за эту статую попы еще заживо не сожрали? Это же Венера, демоница в их понимании.

— Венера? — удивился Приск. — А я и не знал. Моя семья уже лет триста как в Христа верует. А это... Это здесь стоит для красоты. Не демон это, просто красивая женщина. Я люблю на нее смотреть, герцог. Кстати, мальчишка Само кроме еды ничем не интересовался. Он видел и эту статую, и эту роспись каждый день и проходил мимо, не обращая на них никакого внимания. Жаль, что его больше нет, мне его не хватает. Добрый был паренек...

— Ты ошибаешься, — спокойно ответил Самослав. — Он перед тобой. Ты помнишь, как велел выпороть меня за разбитую тарелку?

— Нет, не припоминаю, — побагровел купец, в висках которого застучали молоточки. — Что это мы о прошлом, да о прошлом? Хорошо ли ты добрался сюда?

— Неплохо, — хмыкнул Самослав. — Где-то пришлось дать взятку, где-то — в морду.

Но трех десятков охранников вполне достаточно.

— А алеманы? В их землях небезопасно, — осторожно поинтересовался Приск.

— Попробовали напасть у переправы через Рейн, — легкомысленно махнул рукой князь. — Пристрелили десяток, они и разбежались.

— Так что привело тебя сюда, кроме торговли? — спросил Приск. — Не думаю, что ты пошел сюда только из-за дополнительного барыша.

— Ты прав, — кивнул Самослав. — Я пришел за людьми. Мне нужны люди, Приск, и ты мне их найдешь.

— Кто же тебе нужен? Я привез тебе мастеров.

— Этого мало! — отрезал Само. — Мне нужны книжники, грамотные люди, возможно монахи, риторы, учителя, оставшиеся не у дел. Я хочу сам отобрать несколько человек и с собой увезти.

— Такие люди есть, — сказал Приск после раздумий. — Король Хлотарь, да благослови его святой Мартин, передал все образование в руки епископов, а они не терпят ученых книжечеев. Сатанинским искушением называют старые науки. Учителя остаются не у дел, им не дают работать, а школы закрывают. В королевстве франков очень скоро грамотные люди останутся только в монастырях. Представляешь, кое-где даже стали появляться графы, которые не умеют читать! На что король Хильперик был тупым и жестоким дикарем, но и при нем такого не было. Он ведь даже стихи писал!

— Хорошие? — с неподдельным интересом спросил Самослав.

— Отвратительные! — расхохотался Приск. — И он повелел использовать три новые буквы, которые сам придумал.

— Да ладно? — рассмеялся Само. — И что, использовали?

— Конечно! В Нейстрии, в его землях, использовали! — удивился купец. — Отец нашего государя весьма суров был. За малейшую оплошность мог глаза выколоть. Очень он это дело любил, глаза выкалывать. Слава богу, когда умер, королеве Фредегонде на эти буквы плевать было. Она все равно читать не умела.

— Еще мне нужны хорошие оружейники, — продолжил Само. — Нужны лучшие кузнецы, бронники, строители и механики.

— Э-э, — многозначительно промычал Приск. — Но тут таких нет. Если нужны лучшие мастера, то они живут в Константинополе и Фессалониках.

— Ну, так пошли туда весть, — впился в него взглядом Само. — Вези сюда тех, кто попал в долги. Тех, кто захочет начать новую богатую жизнь. Тех, кому не позволяют молиться так, как он хочет. Лучше, если ты поедешь туда сам. Возьми там товар, который нужен мне, и я его у тебя куплю по честной цене. Но главное не товар, главное — люди. Больше всего мне нужен мастер, который понимает в рудах.

— У тебя есть железо? — удивленно поднял глаза Приск.

— У меня есть не только железо. У меня есть серебро, — припечатал его Само, — в моих землях горы серебра, но взять его я не могу. Я просто этого не умею.

— Откуда ты про это знаешь? — потрясенно спросил Приск. — Тебе снова приснился святой Мартин? То, что ты говоришь, похоже на безумный бред.

— Ты слышал, что мы разбили баварского герцога? — парировал Само. — Это не похоже на безумный бред?

— Ты же теперь враждуешь с герцогом Гарибальдом! — схватился за голову купец. — Как же я буду доставлять тебе товары?

— Я теперь дружу с герцогом Гарибальдом, — поправил его Самослав. — Вся соль в Баварию идет теперь только через него, и он очень неплохо зарабатывает на этом.

— Много в твоих землях серебра, говоришь? — деловито спросил Приск, который решил сегодня больше ничему не удивляться. А когда Само кивнул в ответ, добавил: — Я займусь этим.

— Это не все, — сказал Само. — Тебе нужно найти троих людей. Они должны были быть в моих землях, но их там нет, хотя их искали под каждым камнем. Женщина лет тридцати пяти и два парня немного младше меня. Милица, Ратко и Никша. Они могут быть где угодно. И я заплачу за каждого из них по двести золотых. Найди мне их.

— Твоя семья, да? — глубоко задумался Приск. — Это может занять не один год. Ты же, надеюсь, ни с кем больше не говорил об этом?

— Нет, — грустно усмехнулся Само. — Иначе их будут использовать против меня или просто оценят на вес золота.

— Я подключу ромейских купцов и иудеев, — решительно сказал Приск. — Весь восток Империи под персами, а иудеи смогли договориться с Царем царей Хосровом. Скажем, что один купец ищет свою родню, попавшую в рабство. Это обычное дело в наше время. Если они живы, то мы их найдем. Кстати, герцог, твои монеты из соли уже всюду ходят в королевстве франков вместо денег. По слухам, его величество Хлотарь просто в ярости и жаждет с тобой познакомиться.

— Я это учту, — неожиданно серьезно кивнул Само. — Я пока не готов к встрече с его величеством, а значит, мне придется принять кое-какие меры, чтобы отсрочить это свидание.

— И вот еще что, герцог, — замялся Приск. — У меня есть на примете один книжник. Он, мне кажется, все книги на свете прочитал. Забери его отсюда, ради Святого Мартина! Я и денег за это не попрошу! Даже сам заплатить готов!

— А в чем подвох? — брови князя взлетели в удивлении. Приск был весьма скуп, и если он решил добровольно расстаться с деньгами, то ситуация была из ряда вон.

— Это племянник моей жены, — обреченно ответил Приск. — Мы устроили его в монастырь, но его выгнали оттуда. Теперь он живет здесь и пьет, как франк после удачного похода. Он скоро навлечет беду на мой дом...

— Само, мальчик мой, — кудахтала кухарка Венеранда, накладывая ему лишний кусок. Они сидели на кухне, так привычной Само по прошлым воспоминаниям. — Как ты повзрослел! Я слышала, ты стал купцом?

— Да, матушка, стал, — скрывая усмешку в жидких еще усах, ответил Самослав. — Хочешь, я выкуплю тебя? Поедешь со мной, будешь вольным человеком, я подарю тебе дом. Будешь сына моего нянчить.

— Да куда я отсюда поеду, я же выросла в этой семье, — махнула рукой кухарка. И добавила грустно: — Вот, и малышку Клавдию замуж сговорили. Разлетаются мои девочки по мужниным домам, скоро здесь совсем пусто будет.

— Так поехали! Моему сыну бабушка нужна, — настойчиво сказал Самослав. И добавил невесело. — У нас ведь с женой совсем никого нет. У нее мать пару лет назад умерла, и отец... хм-м... тоже, в общем, недавно умер. И моя мать где-то в рабстве томится, если еще жива...

— Не поеду, и не проси, — качнула головой Венеранда. — Тут мой дом. Стара я слишком, чтобы свою жизнь менять.

— А расскажи-ка мне, матушка, что это за племянник такой у госпожи Евлалии? — перевел разговор в другое русло Самослав.

— Григорий? — вскинулась кухарка. — Пропашая душа, как есть пропашая! Молодой парень, ума великого, да только беспутный ум у него. Такие вещи говорит иногда, что непонятно, как земля его носит!

— А что говорит? — с неподдельным интересом спросил Самослав.

— Не стану я этого повторять! Срам один! — поджала кухарка губы. — Святой отец его за эти слова посохом побил и из монастыря выгнал. А уж как хозяин горевал! Он же щедрый вклад в обитель сделал, чтобы этого дармоеда туда взяли. Неблагодарный он пьяница!

— Большого ума, говоришь? — задумчиво пробарабанил пальцами по столу Само. Ну, ну, посмотрим.

* * *

Григорий оказался щуплым парнем лет двадцати с опухшим от вчерашней пьянки лицом. Всклокоченные волосы и блуждающий взгляд так удачно маскировали его недюжинный ум, что его не было видно совсем. Скорее всего, он напоминал сбившегося с пути монаха-расстригу, кем он на самом деле и являлся. Тонзура все еще зарастала, и волосы на макушке были существенно короче, чем на висках. Выглядело это весьма комично. Могучий запах перегара целиком заполнял убогую каморку, которую от щедрот своих выделил почтенный купец племяннику любимой жены.

— Кто ты и что тебе нужно? — не слишком приветливо поинтересовался проснувшийся Григорий у незнакомого парня, который сидел напротив его топчана и смотрел на него с каким-то зоологическим интересом.

— Меня зовут Самослав, и я тот, кто может вернуть смысл твоей дурацкой жизни, — спокойно ответил странный гость, не обращая внимания на нелюбезный тон.

— Ты ударился головой? — спросил его Григорий, который тщетно пытался унять тошноту и шум в голове. — Какойеще смысл? Что ты несешь?

— Выпей это! — незнакомец протянул Григорию кубок с вином. — Лечи подобное подобным.

— *Similia similibus curantur*, — механически повторил эту фразу на старой латыни Григорий, заинтересованно глядя на гостя. — Это весьма кстати. — И он залпом осушил кубок, ощущая, как понемногу отступает головная боль и ломота в теле.

— Лучше? — участливо поинтересовался Самослав.

— Да! — выдохнул Григорий, взгляд которого стал приобретать осмысленность. — Так кто ты такой? И откуда знаешь изречения римских мудрецов? Тут почти никто этого не знает. Старики, закончившие риторические школы, умирают, а молодежь напоминает варваров, которым мы все служим. Их ничего не интересует, кроме жратвы и выпивки!

— А тебя? — с улыбкой поинтересовался Само. — Что тебя интересует, кроме выпивки?

— Истина! — с фанатичным блеском в глазах выдохнул Григорий, валя с ног выхлопом, концентрация которого в крошечной камерке уже начинала представлять нешуточную опасность для жизни. — Я пошел в монастырь, чтобы познать Бога!

— И ты его там не нашел, я правильно понимаю? — с улыбкой спросил его гость.

— Не нашел, — поник Григорий. — Я нашел там лишь ложь, лицемерие, алчность и стяжательство. Святые отцы нарушают все заповеди господни, и только пугают забитых прихожан вечными муками. А прихожане веруют во что угодно. И в Кибелу, и в Донара, и даже в бога Митру вместе со святым Мартином! Они готовы верить вообще во все, что угодно, лишь бы не думать самим!

— А разве святым отцам нужны те, кто думает? — спросил его Самослав. — Ты сам не пытался понять, зачем все это вообще нужно?

— Это было первое, что пришло мне в голову, — уныло хмыкнул Григорий. — Ответ лежит на поверхности. Королям и епископам нужно держать людей в узде, и наша церковь подходит для этого куда лучше, чем куча старых богов. Мы же все рабы божьи, понимаешь? А значит, мы рабы епископа Лупа, его светлости Варнахара, майордома Бургундии, и его величества Хлотаря.

— Тебя за эти мысли из монастыря выгнали? — с любопытством посмотрел на него Самослав. Он уже притерпелся к запаху вина, что наполнял эту комнатку.

— Нет, за эти мысли меня просто поколотили, — по-прежнему уныло ответил Григорий. — Выгнали меня за то, что я внимательно читал Библию.

— А разве не это должны делать монахи? — удивился Само.

— Ты шутишь? — поднял на него удивленный взгляд Григорий. — Да половина братьев вообще читать не умеет. И даже не все дьяконы знают церковные каноны и порядок служб. Таковую отсебятину иногда несут, что тошно становится. Да чего далеко ходить, епископ Меца Арнульф, самый могущественный человек Австразии, раньше был герцогом при короле Теодеберте. Он все церковные чины за сорок дней прошел! От чтеца до епископа. Его величество Хлотарь так с ним за помощь в войне расплатился. Поговаривают, он до сих пор со своим закадычным другом Пипином на охоту ездит. А это для священнослужителя грех непростительный!

— Пипин — это который майордом в Австразии? — уточнил Само.

— Он самый! — кивнул Григорий. — Это же они старую королеву предали.

— Ее казнили на моих глазах, — кивнул Само. — Я был в тот день в лагере франков.

Так я не понял, за что же тебя выгнали?

— Видишь ли, — замялся Григорий. — Когда я это рассказываю, меня обычно бьют. А я этого ужасно не люблю...

— Не буду бить, клянусь! — поднял руку Само.

— Ну, тогда слушай, — вздохнул Григорий. — Видишь ли, когда читаешь Библию, то понимаешь, что бог не может быть один. Их много!

— Ты это прочитал в Библии? — выпучил глаза Самослав. — Там же написано строго противоположное!

— Да, — приоткрыл глаза Григорий, который уже понял, что бить его пока не будут. — Я это прочитал в Библии. Имена Бога — это на самом деле имена богов. Элохим — множественное число, я специально спрашивал у ученых иудеев. И еще! Тот бог, что отдал своего сына на лютую казнь, чтобы этой жертвой искупить людские грехи, не может быть тем, кто подарил иудеям Землю Обетованную. Это разные существа, понимаешь? Один — бесконечно добрый и всепрощающий, а второй — злой, жестокий и завистливый. Не мог милосердный господь радоваться убийствам, которые творил Иисус Навин, Ииуй и царь Давид. Если бы ты читал вторую Книгу Царств...

— Я ее читал, и я не совсем согласен с твоими выводами, — спокойно ответил Самослав. — Ты в курсе, что ты еретик?

— Вот как? — поднял на него изумленный взгляд Григорий. — Читал? Да кто ты такой?

— Меня зовут Само, и я уже сказал, что верну смысл твоей никчемной жизни. И тебе, парень, нужно бежать отсюда со всех ног. Если ты продолжишь болтать о таких вещах, то тебе не поздоровится. Тут у вас случайно еретиков на костре не жгут?

— Да вроде не слышал о таком, — почесал всклокоченную голову Григорий.

— Ну, значит, ты будешь первым, — успокоил его Само. — Вещи собирай, если есть, что собирать. Мы уходим немедленно.

* * *

Увидеть Париж и умереть! Эта фраза в полной мере отражала все чувства, которые сейчас испытывал Самослав, глядя на великий в далеком будущем город. Только умереть нужно было от смеха. Жалкий огрызок, из-за которого десятилетиями враждовали короли-Меровинги, располагался на острове Ситэ, который был раза в два меньше, чем его запомнил Само по прошлой жизни. Небольшие островки, которые в шестнадцатом веке соединили тысячами тонн песка и камней с основным городом, в веке седьмом представляли собой заросшие камышом и ивой кусочки суши, которые торчали прямо посередине Сены. Там останавливались рыбаки, чтобы бросить свои сети, и они были необитаемы. На левом берегу, где раньше находилась римская Лютеция со своими неизменными банями, театрами, храмами и цирком, расположились величественные развалины, которые ушные монастырские арендаторы разбирали на постройки в обители святого Германа-на-лугах. Или Сен-Жермен-де-пре, как более привычно слышать нам. Старинный акведук давно не работал, а его надземная часть стояла как напоминание о былых временах.

Вокруг монастырей левобережья кипела суета. Именно они вдохнули новую жизнь в это

место, где по большей части жили речными перевозками. Лодочники, гонявшие баржи с зерном до самого королевства Кент, что в Британии, были наиболее богатой и уважаемой частью горожан. С точки зрения фортификации все города Галлии представляли собой просто пустое место. Стены в три-четыре метра высотой, неряшливо сложенные из обломков, или представляющие собой обычный частокол, были непреодолимой преградой только для варваров, которые и такие стены брать толком не умели. В 470 году отец Хлодвига Великого, Хильдеберт I осаждал Париж десять лет. Безуспешно.

Была еще одна милая особенность в этой земле, которую любезно поведал Григорий, читавший в монастыре воспоминания своего святого тезки, турецкого епископа. Дело в том, что раньше короли, рвавшие эту землю на куски, как волки разрывают тушу оленя, воевали почти непрерывно. И, зачастую, несчастные люди просто не знали, чьими именно подданными они сейчас являются. То ли короля Гунтрамна, то ли короля Сигиберта. Собственно, они подчинялись тому, кто первым приходил собирать налоги, и беспрекословно открывали ворота любой армии, которая приносила клятву, что не станет жечь город. Преданность королям Меровингам у потомков галлов, римлян, готов, бургундов, сирийцев и иудеев, которые и жили тогда в городах, отсутствовала полностью, но правители, проявлявшие немалую мудрость, не обращали на это ни малейшего внимания. Не смог удержать город — сам дурак! Жители-то тут при чем? Эта фантастическая логика работала уже лет сто, и именно поэтому города Галлии не были уничтожены в пламени бесконечных гражданских войн, которые шли между королями. Самослав слушал рассказы Григория, который был просто кладзем информации, и мотал на ус. Он оценил качество караульной службы, которую несла графская стража, и разочарованно хмыкал. Он бы таких вояк в нарядах сгноил. Не караул, а дыра! Стражников интересовала только мзда, которую они могли взять с каждой телеги, что приезжала на торг.

Париж не впечатлил его вовсе. Перебравшись через деревянный мост, который соединял левый берег с островом, Само оценивающим взглядом окинул городские укрепления, где приземистые башни были соединены стенами, собранными из какого-то мусора. Так ему показалось, по крайней мере. Впрочем, горожане тут были важные, и безмерно гордились тем, что пока их город никому не покорился. Как уже понял Само, это в большей степени было заслугой реки и договора между королями, согласно которому Париж являлся их общей собственностью.

Каменных строений здесь было немного. Базилика святого Стефана, которая стояла прямо на том месте, где столетия спустя вырос собор Нотр-Дам де Пари, да королевский дворец, который, как шепнул на ухо Григорий, был старыми римскими банями. Мрачное сероватое здание, сложенное из плинфы, так впечатлило великого короля Хлодвига, завоевавшего Галлию, что он повелел сделать там небольшой ремонт. После этого он торжественно переехал туда из того длинного деревянного сарая с коптящим очагом, что был привычным домом каждому германцу. Все равно в римской Лютеции не было здания лучше, чем это. Точнее, более целого. Меровинги перестраивали старый дворец, иногда забрасывали его, когда по соглашению братьев-королей никто из них не имел права жить тут. Его величество Хлотарь не любил Париж, хотя провел в нем свое детство, и перебрался на виллу Клиппиакум. Имение, отнятое франками у какого-то римлянина Клиппия позже стало предместьем Парижа Клиши. А пока это была обычная римская вилла, окруженная лесом, где король любил охотиться на кабанов. Старый дворец по-прежнему оставался самым значительным зданием города, который, по большей части, был застроен

деревянными домишками различного размера и степени уродливости. Дома тесно жались друг другу, ведь на небольшом острове места было весьма немного, а переселяться в предместья коренные парижане не хотели. Это было ниже их достоинства. В тех местах селился всякий пришлый сброд, который пришел сюда, чтобы заработать на кусок хлеба под защитой монастырских владык. Это высокомерие имело под собой и чисто практическую основу. Ведь если разобрать мост, то крепость на острове становилась неприступна. Знай, подвози зерно и лови рыбу!

Именно тут, в этом городе жил человек, который делал лучшие шлемы и кольчуги в королевстве франков. Были ли у Самослава шансы переманить к себе самого известного мастера из всех, кто работал в этих землях? Да, ни малейших! И он полностью отдавал себе в этом отчет. Но у него был неплохой шанс переманить к себе его подмастерье. Из тех, кому ничего в этой жизни не светило. Звали этого парня Лотар, и эти сведения обошлись недешево. Приск потратил немало времени, пока собрал нужную информацию. Во всем этом была одна проблема, парень никуда ехать не хотел. Хитрый мастер обещал ему в жены свою дочь, и держал этим на коротком поводке. Он не уточнял, какую именно дочь из семи, а ведь младшей еще не было и десяти лет. В результате толковый парень работал почти задарма, надеясь когда-то в будущем стать совладельцем мастерской и уважаемым в обществе человеком. История более, чем обычная для Средневековья, когда талантливый паренек, не имеющий влиятельных родителей, только так и мог обеспечить свое будущее. А этот и вовсе никаких родителей не имел, он был полным сиротой. Вытащить нужного человека у Приска не получилось, и Самослав решил сделать все сам, применив методику агрессивного хантинга, с которой он неоднократно сталкивался в своей прошлой жизни. Лотар жил прямо в мастерской, и спал на убогом топчане недалеко от того места, где трудился. Он нечасто выходил из дому, ведь работой хозяин его не обижал. Даже наоборот, этой самой работы у него было просто по горло. Но вот сейчас он вышел, и проныра, нанятый в свое время Приском, ткнул пальцем в рослого парня с бычьей шеей, и скрылся в толпе, сжав в кулаке потертый римский денарий. Они еще всю ходили в это время.

— Твой выход! — легонько толкнул Григория Само. — Сделай, как я сказал, и золотой твой. И ужин с вином.

— Отто! — воскликнул Григорий, задев плечом парня, который выкатил на него глаза. — Как поживаешь, дружище?

— Я не Отто, я Лотар! — посмотрел он в удивлении на странного парня чуть младше него самого, который был одет в хорошую рубаху и плащ.

— Ох! И, правда! — смутился странный парень. — Обознался я! Давай я тебя угощу кувшинчиком вина, раз такое дело.

— Давай! — пожал могучими плечами кузнец. — Я никогда не против хорошего винца испить. Да только где?

— Тут харчевня неподалеку, — ткнул рукой Григорий. — Пойдем туда!

— Там дорого..., — замялся было Лотар.

— Я угощаю, — примирительно махнул рукой Григорий. — Пошли!

Они выпили, потом еще выпили, а потом принесли поесть. К этому времени Григорий и Лотар были уже лучшими друзьями, а кузнец, которого вином не баловали, без закуски пришел в весьма веселое состояние.

— А ты зачем в наш город приехал? — спросил Лотар, язык которого уже заплетался. — Ты же не местный? Ты из монастыря ушел? Вон макушка стриженная!

— Был монах, стал купец! — легкомысленно отмахнулся Григорий. — Тут знаменитый мастер живет, который шлемы и кольчуги делает, закупиться у него хочу. Ой, ты не поверишь! Я слышал, у него какой-то дурень задарма работает, а вместо платы только обещания получает, что за него дочку отдадут. Я прямо обхохотался. Бывают же такие олухи!

— Ты это слышал? — сжал зубы Лотар. — А что еще про этого дурня говорят?

— Да я не вникал особенно, — легкомысленно махнул рукой Григорий. — Говорят, что никакую дочь он не получит, потому что голодранец и сирота. Да зачем тебе этот бедолага? Хозяюшка, еще кувшин моему другу!

Лотар мрачнел на глазах, закидывая в глотку чашу за чашей. Напоить могучий организм оказалось не так-то и легко, и разговор почти не клеился. Наконец, Григорий выложил последний козырь.

— Я вот опять про того парня вспомнил. Вот ведь чудак! Мог бы в Норик податься, и жить, как епископ. Тамошний герцог мастеров привечает. У него кузнец может за год сто золотых заработать.

— Да врешь! — вскинулся кузнец. — Не может простой мастер столько зарабатывать! Лгут про тот Норик, звали меня туда! Не верю я в эти враки!

— Простой мастер не может, — согласился Григорий. — А хороший кузнец, у которого десяток подмастерий трудится, запросто. Ему герцог денег дает в долг на обустройство, весь инструмент покупает и кормит на первых порах. Вон, кузнец Максим из Санса туда перебрался и очень доволен. Я его хорошо знаю.

— А где этот самый Норик-то? — с жадным любопытством спросил кузнец.

— Да месяц пути на восток, за Рейном, — махнул куда-то в сторону Григорий. — Я и сам оттуда. Завтра домой поеду.

— А может, возьмешь меня туда, а? — с надеждой в голосе спросил вдруг кузнец. — Я же тот самый дурень и есть. Это мне хозяин дочку обещал, а получается, обманывает он меня. Ведь уже вторую дочь замуж выдал, а мне всё следующую обещает. Получается, я бесплатно на него работаю!

— А, поехали! — махнул Григорий рукой. Он скосил глаза на нового хозяина, который сидел за соседним столиком и одобрительно кивнул ему. — Выпьем еще, мой новый друг! За твою новую жизнь! — и он добавил потише: — Да, и за мою тоже...

— Где это я? — Лотар продрал глаза и безмерно удивился, увидев над собой вместо привычного закопченного потолка пронзительно-голубое небо с белыми облачками, которые куда-то нес легкий ветерок. А ведь он уже и забыл, когда просто смотрел на небо. Все кузница, да кузница...

— Проснулся? — жизнерадостно спросил его смутно знакомый парень с неровно отросшими на макушке волосами.

— Ты кто? — прохрипел Лотар. — И где это я?

— Я Григорий! Забыл? — обиделся парень. — Ты же меня вчера сам попросил с собой в Норик взять. Ты так вином накачался, что пришлось в телегу положить. Ходить ты все равно не мог. А вот где мы сейчас? Да милях в двадцати от Парижа.

— Хозяин меня убьет! — обреченно сказал кузнец. — Там же заказов целый воз.

— А разве ты вчера не назвал его жадным козлом и обманщиком? — удивленно спросил Григорий. — Ты, как услышал, что он за тебя дочь нипочем не отдаст, сразу от него решил уйти. Да, и сто золотых в год на дороге не валяются.

— Сто золотых? — приподнялся на локте Лотар. Его изрядно мутило. — Что-то такое было, точно... Ты сказал, что я буду в год сто золотых зарабатывать.

— Молодец! — ткнул в него пальцем Григорий. — Начинаешь вспоминать!

— Ты меня тоже обманул? — обреченно спросил мастер. — Не может обычный человек такие деньжищи зарабатывать.

— В Норике может! — убежденно сказал Григорий. — Его светлость герцог свое слово всегда держит. Представь, у тебя своя мастерская будет, а в ней десять подмастерьев! Представил?

— Не могу я себе такого представить, — честно признался кузнец. — Может, я домой вернусь, а? Что-то боязно мне.

— Тебе просто похмелиться надо, — сказал Григорий, который очень тонко чувствовал состояние товарища, с явным сожалением передавая ему небольшой кувшин с вином. — Ты до дна выпей, тебе гораздо легче станет.

Лотар послушал совета своего нового друга, и дальнейший путь уже воспринимал, словно во сне. Ритмичное покачивание телеги усыпило его, и он вновь погрузился в дрему, укрывшую его на время от множества вопросов. Ему снилось, как друг Григорий подает ему все новые и новые кувшины с вином...

* * *

Небольшой обоз неспешно шел на юг. Впереди был славный и могучий город Аврелианум. Через несколько столетий французы, которые почему-то перестали читать половину букв в словах, стали называть его Орлеан, но пока он еще носил гордое имя римского императора. Город был огромным. Тысяч семь, а то и все восемь жителей поселилось в его стенах. Луара, которая текла рядом, дарила жизнь этой местности. Но иногда она дарила и смерть, когда уж слишком сильное наводнение превращало сады и пашни в бескрайнее море. Бывало так, что и городские стены подмывала своенравная река, а

когда вода уходила, горожане вновь чинили кладку и возводили новые башни место рухнувших.

Этот город был многоязыким. Тут звучала латынь, слышалась сирийская и иудейская речь, попадались потомки готов и бургундов. И только речь франков звучала тут редко. Деревенщина селилась в деревне, а Аврелианум был римским городом, где до сих пор епископы не смогли истребить тяги к учености. Наряду с Бордо, Лионом и Вьенном тут были лучшие школы Галлии. Труды епископа Австрина, который был человеком истово верующим, не прошли даром. Бесовское наваждение в виде античной философии, литературы и нелепых басен о человекоподобных богах с каждым годом отступало все дальше в тень, и многие учителя теперь перебивались случайными заработками, не желая идти в монастырь, чтобы переписывать труды отцов церкви.

Крохотный домишко на окраине — это было все, что осталось от безбедной когда-то жизни ритора Леонтия. Случайные ученики да работа писца давали не слишком много денег, а склочный характер, упертость и принципиальность в отстаивании своих взглядов сделали его идеальным кандидатом для Самослава. Этому человеку в родном городе просто нечего было делать. Граф Атаульф и орлеанский епископ прекрасно знали учителя Леонтия и терпеть его не могли. А это означало, что запретить ему работать было раз плюнуть. Ведь его величество Хлотарь второй своим эдиктом поручил святой церкви заботу об образовании и благонравии молодежи. А где благонравие, и где учитель Леонтий, который, брызжа слюной, читал наизусть Одиссею и Илиаду, как и положено человеку с хорошим римским воспитанием? Он знал не только эти труды. Его домишко был завален свитками с древними текстами, нужда в которых терялась все больше и больше с каждым годом. Дивное дело! Его величество, подаривший своей стране мир и процветание, неуклонно превращал ее в чудовищное захолустье, где даже фараоны, представители старой бургундской аристократии, начали откровенно дичать, подражая в этом дремучей австразийской знати. Обильная жратва, выпивка и охота. На этом исчерпывались интересы королевских лейдов, родившихся в лесах под Кёльном. И ученый ритор Леонтий с болью в сердце наблюдал, как на его глазах умер старый римский мир, на могиле которого вырос новый, покрытый шипами уродливый цветок, названия которому еще никто не придумал.

Уже долгие месяцы и годы учитель пребывал в тоске и унынии, пока в его дверь не постучал странный парень непривычного вида, который принес ему в подарок еду и кувшин вина. Он много слышал об искусном риторе Леонтии и пришел выказать ему свое уважение. Леонтий с удивлением разглядывал молодого германца в хорошем плаще и с богато украшенным ножом на поясе, который жонглировал словами, словно ярмарочный плясун камешками. Он не был образован, как и все варвары, а потому учителю быстро наскучил. Однако воин смог удивить его.

— Учитель Леонтий, а не хотели бы вы уехать далеко отсюда? Туда, где нет ни одного епископа, но зато есть сотня мальчишек с горящими глазами, которым вы сможете передать все знания, что копили много лет?

— Таких земель не бывает, — грустно усмехнулся Леонтий. — По крайней мере таких, где живут нормальные люди. Таких, с кем можно просто вести беседу. Ты, воин, прости за прямоту, весьма неглуп, но абсолютно невежествен. Уверен, ты не сможешь процитировать ни одного стиха Овидия.

— Григорий! — гаркнул вдруг странный германец, а в домишко просунул неровно обросшую макушку худощавый парень, на лице которого было написано неумное

любопытство. — Ну-ка, выдай уважаемому учителю что-нибудь из Овидия! И ты хотел обсудить с кем-нибудь диалектику Зенона. Всю голову мне этим Зеноном пробил, паразит. Знать бы еще, кто это такой. Задачу понял? Выполняй!

И Самослав, а это был он, вышел из домика на окраине. У него еще были тут кое-какие дела, и они не терпели отлагательства. Агентура в лице почтенного купца Приска стояла слишком дорого, чтобы разбрасываться ценной информацией.

* * *

Река Луара, которая делала изгиб вокруг города, давала работу не только лодочникам, рыбакам и прачкам. Тут, с незапамятных времен, когда этой землей еще правили благословенные римские императоры, работали водяные мельницы, снабжавшие мукой всю округу. И именно к одной из них ехал сейчас Самослав, зная о той беде, что постигла уважаемого мельника Халло, происходившего из старинной готской фамилии.

Мельница была домом его семьи уже несколько поколений. Халло жил прямо здесь, в длинном доме, построенном по обычаю германцев, рядом со своим детищем. Он и его сыновья жили вместе, как и водится у готов и франков. Вместе они и трудились здесь, честно зарабатывая себе на жизнь. Беда заключалась в том, что мельница приглянулась его милости графу. Полная безнаказанность аристократов, что захлестнула королевство франков после казни старой королевы Брунгильды, привела к тому, что все больше и больше свободных людей становилось перед выбором: либо превратиться в дичь для любого, кто имеет оружие, либо принять покровительство кого-то из знатных людей. А иногда и такого выбора не было. Упряма могли бросить в темницу и пытаться, пока он не подписывал купчую на свой надел, оцененный в десятую часть стоимости. Кое-где монахи просто переносили межевые столбы, и несчастный узнавал, что живет на церковной земле, и теперь он арендатор, а не вольный крестьянин. Старый общинный суд умирал, а его милость граф всегда был на стороне таких же, как и он сам, богачей.

Халло уже проиграл в таком суде. Дикое поначалу обвинение в убийстве тянулось уже давно, и оправдаться он не мог никак. У его дома нашли мертвую молодую женщину, и он никак не мог доказать, что убийца не он. Все стало еще хуже, когда графский викарий нашел ее мужа и выяснил, кто она. У нее был ребенок, и она могла еще иметь детей. А по Салическому закону за убийство свободной женщины, способной к деторождению полагался штраф в шестьсот солидов. Если бы она не могла иметь детей, то заплатить пришлось бы «всего» двести. Даже две сотни имперских золотых были неслыханной суммой, совершенно неподъемной для простого мельника. А уж шесть сотен...

Халло сидел на чурбаке и тупо смотрел на текущую мимо него равнодушную реку. Его всегда успокаивал вид воды. Но не сегодня. Сегодня его окончательно признали виновным и приговорили к штрафу по закону. Он не прошел испытания кипятком, и на его руках были ожоги. Даже бог был против него... А что еще нужно для того, чтобы признать вину? Рахинбурги, лучшие люди, сидевшие в суде присяжных, были подкуплены или запуганы. А это значит, что теперь мельницу заберет его милость граф, а его семья пойдет в вечную кабалу. Был еще один старый закон, по которому виновный мог бросить в кого-то из родственников горсть земли, и тот тоже становился ответчиком. Но таких денег не было ни у кого из них. Впрочем, Халло мог уплатить виру за убийство своей жизнью, но и после

этого мельницу все равно забрали бы. Мельник уже подумывал достать верный сакс, приставить к сердцу и упасть на землю. Хорошая, быстрая смерть, после которой вечно гореть ему в адском пламени. От обдумывания этой захватывающей перспективы и отвлек мельника молодой парень в богатом плаще, который смотрел на него бесшабашным взглядом пронзительно-синих глаз.

— А что любезный, эта мельница продается? — задал он неожиданный вопрос.

— Ты, парень, видно, издалека приехал, — тяжелым взглядом посмотрел на него кряжистый мужик, всю свою жизнь таскавший на горбу мешки с зерном и мукой.

— Издалека, — блеснул белозубой улыбкой парень. — Так что, продаешь?

— Я бы продал, — равнодушно пожал могучими плечами мельник. — Да только тебе тут жизни не будет. Его милость граф Атаульф эту мельницу уже своей считает. Не сможешь ты тут работать, только деньги зря потратишь. Он ее все равно отберет, на то решение суда есть.

— А ты чего мои деньги считаешь? — усмехнулся парень. — Пятьдесят солидов даю и место, где ты за эти деньги новую мельницу построишь.

— Врешь! — тяжело взглянул на него мельник из-под кустистых бровей.

— Считай! — бросил тяжелый кошель ему на колени парень, пробивая насквозь острым взглядом.

— Да как же..., — промямлил мельник, глядя на золото в кошеле. — Да это же... Тебе же купчую не дадут... Граф не позволит.

— А, насрать! — весело сказал странный парень. — Мои условия ты слышал. Полсотни солидов и место под новую мельницу. Материал для стройки и новый дом за это золото купишь. И вот еще что. На двести миль ты там один мельник будешь! По рукам?

— По рукам! — решительно сказал мельник. — А что это за место такое?

— А тебя отведу, я как раз туда еду! Сделка?

— Сделка! — решительно мотнул головой мельник. И проревел в сторону дома: — Берта! Собирай вещи! Кунигунда! Эльфрида! Да где эти бестолковые кобылицы? Мы отсюда уходим! Я мельницу продал!

На двор посыпались сыновья, дочери, невестки и их малолетние дети. Никто ничего не понимал, никто не верил в чудо. Можно сбежать с деньгами от ожидавшей их страшной доли? Так чего тянуть? Все уже давно ощутили себя бесправными литами, которые должны кланяться всем, даже графской собаке. Хуже была только участь раба — серва.

Через час телеги были собраны, а на них сидели бабы, ребятишки, и было навалено немудреное имущество. Полтора десятка человек, все семейство мельника Халло выжидательно смотрело на нового хозяина.

— А это еще не все! — смог тот удивить. — Идите-ка на мельницу и все нужные штуки там снимайте. Мы их с собой увезем. Чтобы железного гвоздя там не осталось!

— Так мельница же молот не сможет! — несмело сказал Халло. Сыновья поддержали его удивленным гулом.

— Мельница моя? — спросил парень. И сам себе ответил. — Моя! Значит, все, что там есть, тоже мое! И я тебе это дарю! Все это слышали!

Одуревшие от непонимания мужики пошли внутрь, и с затейными матюками на двух языках, минут за сорок вытащили из мельницы все, что представляло хоть малейшую ценность. Они погрузили добро на телеги и вновь вопросительно посмотрели на чудака, который разорил дотла свое же собственное имущество. Его спутники, которые были

похожи на купцов примерно также, как на преподавателей изящной словесности, окружили хозяина, и явно ждали какого-то приказа.

— Бранко, Мстиша, сжечь тут все! — резко сказал парень, моментально потеряв все обаяние, которое излучал еще минуту назад. Наоборот, в его жестах появилась властность человека, привыкшего отдавать приказы. Те, не рассуждая, достали приготовленные заранее пучки соломы, и вскоре все немалое хозяйство, где еще час назад жила большая трудолюбивая семья, полыхало веселым пламенем.

— Красиво пятьдесят солидов потрачены! — с удовлетворением сказал парень, не обращая внимания на перекошенные от ужаса лица людей.

— Ой... мама! — промычал мельник, которого обуял страх. — Если его милость узнает, конец нам всем! Ты парень, совсем спятил... Нас же королевские лейды повесят за это, как собак...

— Так чего стоим? — хлестнул вопросом, словно плетью, парень. — Поехали! Тут, надеюсь, на виселицу никто не хочет? Только нам еще кое-кого по дороге забрать нужно.

— Догонят же! — мычал потерявшийся вконец мельник. — Догонят, как пить дать! Конец нам! Лучше бы в литы пошли! Господи! Да за что мне это? Теперь только бежать отсюда! Со всех ног бежать!

В миле от городских ворот Орлеана купеческий обоз нагнал трех странных людей, которые спорили о чем-то своем, непонятном никому, кроме них самих. Впрочем, они ни на кого больше и внимания не обращали. За спиной они несли мешки, туго набитые самым дорогим, что было в их жизни, свитками книг.

— Э-э... А кто это с вами? — спросил удивленный Самослав, разглядывая невысокого толстенького римлянина, который отчаянно махал руками, споря с учителем Леонтием.

— Это почтенный Ницетий, — любезно пояснил Григорий.

— Он э-э-э... тоже ученый человек? — спросил удивленный Само.

— Он невежа и неуч! — заявил Леонтий, который отвлекся от увлекательнейшего научного диспута, который балансировал на грани банальной драки. — И я это ему сейчас докажу!

— А, ну тогда ладно, — успокоился Самослав. — Пусть идет с нами. Халло! Подойди-ка ко мне!

Мельник быстро подошел и склонился в поклоне. Он кожей чувствовал, что непростой это парень. Не бывает купцов с таким взглядом. Нет в этом взгляде заискивания, страха, опасения за жизнь и товар. Этот парень был тем, кто сам внушает опасение. Точно так же, как и его люди, которые исполняли приказания, повинувшись малейшему жесту господина. Суровые крепыши с взглядами матерых душегубов бросали в дрожь одним своим видом, и говорили они на непонятном языке, совершенно не похожем на германские диалекты, знакомые тут каждому.

— Да, ваша милость? — он не дождался ответа, а потом спросил наугад. — Ваша светлость? — и увидев утвердительный кивок, начал постукивать зубами от ужаса.

— За нами погоня будет, как думаешь? — спросил его парень, который оказался целым герцогом. Мельник был едва жив. Сердце в груди здорового мужика прыгало, как бешеный заяц, а лоб покрылся испариной. Он никогда еще не попадал в такую передрягу. Даже когда в годы его молодости воины Нейстрии грабили окрестности города, он очень удачно отсиделся за его стенами. Даже тогда он не боялся так сильно.

— Будет, конечно, ваша светлость, — признался мельник. — Огонь на стенах видели,

значит, его милости графу уже доложили. А много ли времени нужно, чтобы опросить всех по дороге. На конях быстро нагонят.

— Я так и думал, — кивнул герцог. И добавил на непонятном языке, ткнув куда-то рукой. — Что ж, у них еще есть шанс остаться в живых. Парни! Луки готовим. Идем через лес, там найдем удобное место.

Караван поехал по лесной дороге. Мельник оказался прав, и через пару часов они услышали дрожь земли под копытами коней. Их догоняли.

— Обоз вперед на милю, ждать нас там, — резко сказал Само, и трое воинов склонили головы, уводя вперед телеги с людьми и товаром.

Два десятка бойцов ушли в ближайšie кусты, где деловито натянули тетиву на луки, любовно тренькнули по ней пальцем, проверяя натяг, и воткнули перед собой стрелы. Дело то привычное. Остальные остались с князем, встав поперек узкой дороги. Десяток всадников, вооруженных секирами и мечами, остановили коней, удивленно пялясь на явно опасных людей, перекрывших им путь.

— Кто такие? Чего надо? — спросил их странный голубоглазый парень в богатом плаще. Воины даже опешили от такой наглости.

— Мы служим его милости графу Орлеанскому! — важно ответил старший из них. — Мы должны догнать и привезти назад преступника, мельника Халло с семьей. Дорогу!

— Его семья тоже преступники? Даже дети? — поинтересовался Само. Шансы разойтись миром были нулевые, это читалось во взглядах графских воинов.

— Уйди с дороги, парень, иначе повиснешь на суку, — на лице графского воина заиграли желваки. — Мы королевские люди! За то, что ты делаешь, полагается такая вира, что во всем Орлеане таких денег нет.

— Я это уже понял. А ведь у вас был шанс уцелеть. Надо было просто поехать по другой дороге, — вздохнул парень, и скомандовал. — Бей!

Злым шелестом вспороли воздух стрелы, и всадники оказались на земле, не успев понять, а что, собственно, происходит.

— Коней ловите, с собой возьмем! — скомандовал Само. — Оружие забрать, тела подальше оттащите! Теперь у нас точно время есть. Уходить надо. — Князь не сказал спутникам, что час назад из окрестностей Орлеана в разные стороны уехали пять телег, на которых мужики средних лет, сжимающие в кулаке целый золотой, рассказывали всем встречным и поперечным о своей несчастной судьбе. Встречные и поперечные от души жалели мельника Халло, который бежал от жадного графа, и передавали сплетню своим соседям. Новостей тут было немного.

Воины нагнали караван, где все, кроме ученых чудаков, поняли всё и сразу, увидев коней и чужое оружие, которое воины рассматривали с довольным видом. Над людьми повисло облако ужаса. Даже могучий кузнец Лотар, что давно примирился со своей судьбой, сидел, втянув голову в плечи. Ему было страшно.

— Ваша светлость! — почтительно спросил Григорий, который пошел рядом. — Позвольте спросить? Вы же специально это все устроили, да? Это чтобы у них пути назад не было? Да зачем вам это? Что в этих людях такого, чтобы из-за них королевских слуг убивать?

— Понимаешь, Григорий, — честно признался Самослав, — мне хороший мельник позарез нужен! Ну, ты сам подумай, как бы я его отсюда вытащил, когда он графу денег должен? Да еще, чтобы он с кучей золота не подумал где-нибудь осесть по дороге? А так он

за мной, как собака, до самого Норика бежать будет. Нам же всем в королевстве франков теперь только веревка и полагается.

— Да, лихо! — оценил содеянное бывший монах. — Страшный вы человек, ваша светлость...

— Ну, я же не виноват, что во всей Галлии ни один мельник не хочет в Норик ехать. — горестно вздохнул Само. — Они, мельники, народ зажиточный, балованный. А я тебе уже сказал, мне мельник просто позарез нужен! Так что приходится крутиться...

— А вы не боитесь, ваша светлость, что за нами еще один отряд пустят? — с замиранием сердца спросил Григорий.

— Я уже знаю, как тут все работает, — махнул рукой Само. — Мы уже завтра будем в Нейстрии, как только через Луару переправимся. А этих лейдов сначала будут неделю ждать, потом две недели искать. Мы к тому времени уже в Кёльне будем.

— В Кёльне? — широко раскрыл глаза Григорий. — Зачем нам в Кёльн?

— Видишь ли, Григорий, — доверительно сказал Само. — Его величество Хлотарь очень хочет со мной встретиться. А я вот как раз не хочу. Поэтому мы едем в Кёльн.

— Я ничего не понимаю, — широко раскрыл глаза Григорий.

— Потом поймешь, — успокоил его Само. — Делай, что должно, и случится, чему суждено.

— *Fac quod debes, fiat quod fiet*, — механически повторил Григорий. — Император Марк Аврелий Антонин? Варвар цитирует поздних стоиков? Герцог, да кто вы такой?

Три месяца назад.

— Беда, хозяйка! Как есть, беда! — Невысокий плюгавый парень, муж старшей дочери ввалился в дом тещи с перекошенным от ужаса лицом. Он говорил свистящим шёпотом, так, чтобы служанки и соседи не прознали. Низкая дощатая дверь жалобно скрипнула, когда он, обессиленный, привалился к ней спиной.

— Что случилось? — у Чеславы упало сердце. Впрочем, она поняла все и сразу. Страшная, как улыбка Мораны, баба была на редкость умна и проницательна. А как иначе удержать в кулаке падкого на смазливых баб муженька?

— Засада там была! — заскулил зять. — Князь нас под стены заманил, а потом с сильным войском подошел. Побили нас! Как детей малых побили! Погибло мужей столько, что и не сосчитать! А кто уцелел, в рабство продали!

— Плевать мне на них! — холодно ответила Чеслава. — Владыка где?

— На кол его ваш зять велел посадить, — сглотнул набежавшую слюну мужичок. — Я из кустов видел, когда сбе... пробился через их ряды. Я потом ночью лодку украл и сюда помчал. Еле жив...

— Уходить надо, — резко ответила Чеслава. — Девки, собирайтесь. Берем самое нужное, одну телегу, двух коней и уходим.

Дочери выкатили глаза в недоумении и начали подвывать дурными голосами. От матери они унаследовали только внешность и паскудный характер. Ее ума в них и на палец не было.

— А ну, заткнулись! Чего расселись, курицы неумные? — подстегнула она их. — Муженек этой стервы скоро за вами своих людей пришлет. Вы что, думаете, бывшая служанка над вами напоследок покуражиться не захочет? И не надейтесь!

Дочери забегали, засуетились, собирая вещи, а Чеслава пошла в заветный угол избы, где был закопан ларец с серебром и камешками, что передавался в семье владыки от отца к сыну. Они и сами пополняли его иногда. Меха в деревянном ящике, переложенные полотном, тоже с собой нужно забрать.

— А ты чего стал? — зло посмотрела теща на зятя. — Коней запрягай, ты тоже уходишь. Нас всех под нож пустят, и тебя тоже! А ну, пошел, мерин сиволапый!

Не прошло и часа, как телега выкатилась из городища под недоуменными взглядами родовичей. Они еще ничего не знали.

Горан примчал сюда только через два дня. Ему пришлось посетить рода владык-предателей, которые жили ближе к Новгороду. Десяток всадников в броне ураганом проскакали в ворота, приведя в смятение жителей, понятие которых о караульной службе было в зачаточном состоянии. Они спешили у избы владыки, разогнав пинками поросят, которые, как нарочно, нежились на солнышке прямо у входа. Горан с ноги открыл дверь и понял, что опоздал. В избе все было перевернуто вверх дном, но семьи опального владыки и след простыл.

— Вече собирайте! — схватил Горан за ворот первого попавшего мужика. — И быстро! Чтобы завтра в полдень все мужи из ближних весей тут были. — Чего уставился? Пошел отсюда, чучело лесное! Я два раза повторять не стану!

Мужичок посмотрел в страшные глаза этого человека и побежал, взбивая пыль грязными пятками. Ему и в голову не пришло промедлить с выполнением приказа, отданного в столь убедительной форме.

Солнце встало в зенит над хорутанским городищем. Жидкое вече, где взрослых мужей едва половина от обычного собралась, томилось в неизвестности. Любой разговор затухал, толком не начавшись, не было слышно обычных шуток и похлопываний по плечам. Мужики были хмуры. Наконец, из ворот вышел десяток княжеских воинов в броне и с хорошим оружием. Их лица не предвещали ничего хорошего. Старший из них, могучий мужик с полуседой бородой, залез на телегу, что выкатили на поле перед городищем и окинул толпу суровым взглядом.

— Я боярин Горан, глава Приказа Тайных дел. Ваш род совершил измену. Вы войной пошли на своих родичей. И вы будете за это наказаны!

Вече зашелестело. Какой такой Приказ? Какая еще измена? Ну, пошли в набег мужики, с кем не бывает.

— Ваш род князь Самослав под свою руку берет. До этих пор вы сами по себе жили, потому что родичи его были по жене. Теперь нет! Своих владык у вас больше не будет, а ваш род с двумя другими под одним жупаном будет ходить. А вот и он. Жупан Драгомир!

На телегу поднялся могучий мужик в белом плаще с красной полосой, который еще совсем недавно отзывался на имя Дражко. Он повел взглядом по толпе и произнес густым басом.

— Жить теперь будем по-новому. Поскольку вы прогневали богов, то на этот год платите к обычной подати по белке с дыма. А еще сюда полусотня ратников придет и в городище станет. Война скоро, аварского набега ждем.

Народ заволновался еще сильнее. Какой-то приказ, какой-то жупан, какие-то ратники, которых им придется кормить. Нарастал недовольный гул, в котором прорывались отдельные крики.

— Не хотим!

— В жопу идите со своим князем вместе!

— Мы люди вольные!

— Ну, я так и думал, — растянул губы в людоедской улыбке боярин Горан. — Как знал, что с вами добром не получится. — И тут он поднял руку вверх и зачем-то помахал. Родовичи, ничего не понимая, закрутили головами, и застыли в ужасе. Из леса, что обступил городище со всех сторон, вышла пехотная тагма. Воины начали строиться для боя, перекидывая щиты из-за спин на руку. Ровные ряды блестящих шлемов повергли в ужас хорутан, для которых и железный наконечник сохи был немалой ценностью. Пока они галдели и спорили, лучники стали дугой, и уже вздели тетиву, опустив наконечник стрелы в землю. Они ждали приказа.

— Кто-то еще хочет что-нибудь сказать? — обвел боярин вече тяжелым взглядом. — Нет? Ну, я так и думал. А теперь слушайте мое слово, сучьи дети. Если у вас тут хоть на одну белку недобор дани будет, виновный пойдет на торг. Если хоть кто-то из вас слово против своему жупану скажет, виновный будет повешен, а семья — на торг. Ну, а если бунтовать задумаете, и я о том узнаю... Кровью умоетесь, и в том я, боярин Горан, перед лицом богов священную клятву даю!

Толпа стояла, придавленная новой судьбой. Страшно всем было до ужаса. Бабы, которые расположились в стороне, начали тихонько вхлипывать. Многие только вчера

узнали, что вдовами остались.

— Чего вылупились, поганое семя? — рыкнул Горан. — Встали в затылок и пошли к капищу, клятву на верность давать. Кто эту клятву нарушит, тот по княжескому Уложению как богохульник будет на костре сожжен. — Он поднес ладонь к уху? А? Про Уложение ничего не знали? Ну, ничего, скоро узнаете. Там, для вас, козьи выкидыши, вообще ничего хорошего нет. Не нравятся новые порядки — собрали свое тряпье и пошли вон с этих земель. Только на закат вам ходу нет, это земли князя Самослава.

— А куда же нам идти? — раздался робкий голос. — К аварам, что ли? Тут другой дороги и нет.

— Соображаешь! — радостно оскалился глава Приказа Тайных дел. — К аварам, куда же еще! Там рабы всегда нужны. Не хотите? Ну, надо же, никогда бы не подумал! А раз вы меня поняли, то пошли отсюда вон! И помните, что, если кто-то из вас без разрешения жупана даже воздух в своей избе испортит, я буду считать, что вы тут бунтовать задумали. И я сюда еще раз приду, но таким добрым уже не буду!

* * *

За две недели до событий в роду владыки Буриволя.

— А теперь ты, Лют, сказал князь. — На тебе самое главное...

Главный заместитель князя по гражданским делам внимательно посмотрел на Само. Он уже и так понял, чем ему предстоит заниматься.

— К кузнецу и кожевнику по десятку крепких парней приставь в подмастерья, — сказал Самослав. — Я уже с ними работу провел, не должны артачиться. Работают пусть день и ночь, спят и едят по очереди. Пусть делают, как я сказал. Всю работу нужно на отдельные действия поделить, и каждого парня на свой участок посадить. Один металл в проволоку плющит, другой кольца вьет, третий — рубит, четвертый плетет, пятый — кольца клепают или варят. Не знаю, как именно Максим это делать будет.

— Сделаем, княже, — кивнул головой Лют. — Я уже понял, так куда быстрее будет. И кожевнику то же самое скажу делать. Нам кожаных панцирей тоже много нужно. В железо всех не оденем.

— Это не все, — продолжил князь. — В наши земли изгой бегут. Всех найти, пересчитать, прикрепить к верви, и старосте подать за них обозначить. Не захотят платить — путь чист. Будут бузить — сам знаешь, что делать... Горану скажи, он разберется.

— Сделаю, княже, — снова кивнул Лют.

— Теперь ты, Деметрий! — пристально посмотрел на ромея князь. — В новую тагму пока только хорутан бери, и только из тех родов, что свою преданность доказали. Четыре сотни мужиков — пока все, что сможем себе позволить. Им — дать лучшее оружие, броню, и гонять до седьмого пота. Кто артачиться будет, или норов проявлять — гнать без жалости! Через полгода они должны приказы выполнять раньше, чем успеют их услышать.

— Герцог, — покрутил бороду Деметрий. — Такого даже в армии императора нет. — Мне стыдно сказать, но пехота в империи на две трети — это сброд, не знающий порядка. Дворцовые схолы еще выполняют команды, а прочие..., — и он махнул рукой. — Если бы не тяжелая конница, нас персы уже давно в лепешку бы раскатали.

— Нет у императора, значит, у нас будет. Ты пожестче с ними. Чем бы воин не

занимался, лишь бы зае...ся, — добавил князь под хохот окружающих. Тут еще не знали старую армейскую мудрость. — Времени оставляешь только на поесть, на поспать и помыться. Из первой тагмы лучших отбери и десятниками поставь. Ну, и лучших десятников сотниками сделаешь. Как вернусь, мне отчитаешься за каждого бойца. И сделай так, чтобы ты негодных сам выгнал. Если это мне придется делать, я подумаю, что ты зря свой хлеб ешь. Подними записи, что мы с тобой делали, и ни на волос от них не отступай. Воинский Устав ратники наизусть знать должны.

— Сделаю, ваша светлость, — склонил голову Деметрий, который понимал всю тяжесть поставленной задачи. Ведь то, что велел сделать князь, в этом мире было прочно забыто еще лет двести назад. Легенды о дисциплине в римских легионах были только легендами. В армии Империи уже столетия большая часть воинов набиралась из варваров. А последние императоры Запада и вовсе считали, что римлянам в войске нечего делать, потому что боялись мятежа. — Но предупреждаю сразу, воины будут очень недовольны.

— Куда война не целуй, везде жопа, — князь познакомил соратников с еще одной истиной эпического масштаба и те замолчали, пытаясь осмыслить новое знание, свалившееся на их многострадальные головы.

— Теперь о главном, — снова заговорил князь. — Княжество слишком большим становится, и людей в нем много. Нужно, чтобы у нас порядок в делах был. Каждый из вас свой чин получит и тот набор дел, за которые передо мной ответ будет держать.

Соратники посмотрели на князя непонимающе. Они любое дело готовы исполнить, что князь поручит. И только в глазах Деметрия понимание боролось со страхом. Не могло быть такого в словенском княжестве! Ну, просто не могло, и все тут!

— Ты, Лют! — сказал князь. — Назначаешь главой Земского приказа. Ты ведаешь пашнями, покосами, ремеслами, выделением скота и инструмента. Жупаны подчиняются тебе в мое отсутствие.

— Ты, Збыслав, — Самослав посмотрел на Збыха, который даже покраснел от удовольствия. — Ты главой Денежного Приказа станешь. На тебе подати, торговля, сборы с купцов, продажа и добыча соли. Казна тоже на тебе. В счетоводы Любаву возьмешь, она толковая.

— Теперь ты, Деметрий! — посмотрел князь на ромея. — Ты будешь Легатом, командиром легиона. Которого у нас пока нет, — хмыкнул князь. — Но скоро будет.

— Горан! Ты станешь главой Приказа Тайных дел. Ты следишь за владыками, вечерными старцами и нашими жупанами. Кто что говорит, кто чем недоволен, кто заговоры плетет.

— Да могу не справиться, княже, — почесал бороду Горан. — Боятся меня людишки-то, не будут мне душу открывать.

— Не будут — согласился князь. — Для этого я тебе Звана придам. Никто о том знать не должен, но сбор сведений на нем будет. Купцы, коробейники, сплетники — ничем и никем брезговать не нужно. Все, кто «слово и дело» скажет, прямо к тебе, Горан, должны идти, и дознание тоже на тебе будет. Если кто-то явным разбоем будет заниматься, ты тех смертью казнишь. А вот Зван людей слушать станет, да рыть дальше, словно крот свою нору, чтобы до истины докопаться. Когда я вернусь, мы это наладим вместе. Тут работы на долгие годы...

Все склонили головы, признавая мудрость молодого князя. Но и беспокойство появилось немалое. Это же, если каждый точно знает, чем заниматься должен, то и вина тоже вся твоя. И не отвертишься...

И вновь род покойного владыки Буриvoja.

Городище, окруженное покосившимся тыном, напоминало муравейник. Полусотня ратников из дулебов, взятых в войско после битвы, разбирала все строения, что были расположены внутри стен. Те, кто здесь жил раньше, переезжал в посад, который новый жупан размечал вместе с одним из воинов. Чудное дело творилось. Все дома от ворот на выстрел из аварского лука удалены были. Они ровными линиями строились, а между ними дороги получились. А еще князь повелел, чтобы между теми домами не менее двадцати шагов было. Это он огня опасается. Внутри стен останутся только ратники жить со своими семьями. А, учитывая, что пришли сюда молодые парни, и все сплошь неженатые, в женской половине рода началось что-то вроде легкой, но очень приятной паники. Из соседних вервей, как бы невзначай, то одна бабенка придет, то другая. А то и отцы, у которых дочери на выданье, решали, что вот именно сейчас им непременно нужно в город сходить, за солью. И не беда, что по лесным буеракам надо полсотни верст отмотать. Соль, она в хозяйстве штука нужная...

Жупан Драгомир взялся за дело всерьез. Ратники стучали топорами, ладя новый терем для высокого начальства, и полсотни изб, где они с семьями жить будут. Тут, на аварской границе князь повелел пограничную заставу ладить, и тут они служить будут, за свой труд жалование солью и зерном получая. Как обустроятся, то сразу начнут засеки делать и наблюдательные вышки ставить. Князю видение от богов было, что аварского набега нужно ждать. А тут с такими вещами никто и не думал шутить. Такой шутник и дня бы не прожил.

Вечевые старцы чесали затылки. Вроде и страшно было до жути, а вроде и не обижали пока никого. Дань жалко, конечно, но жупан с собой целый воз соли привез, топоры, мотыги, серпы и наконечники для сох. И все это богатство он старостам был готов под будущий урожай давать. Жупан Драгомир, на удивление, оказался прост и доступен, сам из воинов, который доблестью себе гривну на шею заслужил и белый плащ, какого здесь ни у кого не было. Может, и обойдется...

— А скажи нам, почтенный жупан, — набрались как-то смелости уважаемые в роду люди, чтобы задать волнующий всех вопрос. — А как сделать так, чтобы боярин Горан к нам не приезжал больше, а? — и они с надеждой смотрели на высокое начальство.

— Страшно? — с искрой веселья в глазах спросил Драгомир.

— Да едва дерьмо в заднице удержалось, — честно признались старцы. — Чуть до нежданчика дело не дошло. Мы к господарю князю со всем уважением. И, кх-м, — добавили они, жутко стесняясь собственного вранья, — и к княгине тоже завсегда... со всем почтением, значит. Она же нам тут, как родная была, — сказали уважаемые люди, пересчитывая пальцы на босых ногах.

— Да? — с сомнением спросил Драчко. — Ну, ежели как родная, то поклон от вас передам при случае. А чтобы боярин Горан путь сюда забыл, в вашем роду все жить должны так, чтобы куриный чих за день пути слышно было. Тихо должно быть! Все понятно, почтенные?

— Да как не понять? — вздохнули уважаемые люди. — Мы буйных сами угомоним, владыка, дай нам время. Тут, э-э-э... еще вопрос есть.

— Да знаю я ваш вопрос, — махнул могучей рукой Драгомир. — Невесты красивые

есть?

— Да целый табун! — оживились старцы, радуясь догадливости нового начальства.

— А такие, как княгиня, есть? — с жадным любопытством спросил жупан. — Она же из вашего рода вроде бы?

— Да что в ней такого-то? — взвились уважаемые люди. — Тоща, как весло! Вот у нас дочери, так дочери! Кровь с молоком! Жопы такие, что не у каждой коровы увидишь! Сиськи, что твоя голова! А княгиня эта, тьфу! И что князь в ней нашел?

— Ты, почтенный, так и не понял ничего, — ласково посмотрел на говорившего жупан. От его улыбки ледяные мурашки побежали по спинам уважаемых людей. — Если ты еще раз что-то такое про княгиню или князя скажешь, то боярина Горана даже дожидаться не успеешь. Я тебя на кол своими руками пристрою. А перед этим язык отрежу.

— Я все понял, владыка, — стремительно побледнел чересчур говорливый старец, который внезапно ощутил острое желание осмотреть изнутри последний писк столичной моды — небольшой домик с кокетливым сердечком, вырезанным в двери.

Через месяц после отъезда Само из Орлеана.

Длинный дом, в котором жил глава рода Бертоальд, ничем кроме размера, от других домов родовичей не отличался. Длинное строение, крытое деревом и дерном, давало кров большой семье, где у четырех-пяти разных очагов жили отцы, сыновья и внуки. Дым от горящих дров поднимался вверх, на высоту трех человеческих ростов, чтобы обойти закопченную дочерна потолочную балку, и уйти в дыру под крышей. В очаге, сложенном из камня, весело трещали дрова, а вокруг сутились бабы, ставя на огонь большой котел. Вытянутый стол, изрезанный ножами, стоял в центре дома Бертоальда. Тут он пировал со своими воинами. Тут он принимал гостей. За этим же столом сейчас сидели главы самых больших родов саксов, что откликнулись на его зов, и приехали сюда, к берегам реки Везер.

— Время дани наступает, почтенные мужи! — Бертоальд обвел хмурым взглядом сидевших за столом. — Пятьсот коров отдать надо франкам. Как делить будем эту ношу?

Эделинги, родовая знать саксов, переглядывались между собой. У вендов правили владыки, у германцев же — эделинги, таны, хэрсиры, хёвдинги, риксы... Разные племена по-разному называли свою знать. Саксы жили вольной жизнью, где семьи объединялись в роды, а роды в три племени — остфалов, вестфалов и энгров, живших посередине между ними. Все вместе они и были тем могучим народом, который хищные франки покоряли лишь на время, каждый раз заливая их землю реками крови. Но теперь, когда подросли новые воины, а на трон Австразии сел пятнадцатилетний мальчишка... Почему бы и не рискнуть? Тяжкая дань тянула все соки из их земли, неподъемной ношей ложась на общины.

— Долго мы еще, как последние трусы себя вести будем? — рыкнул Бертоальд. — Или затупились наши копья? Или нам нужно отдать свои ножи франкам? Или нам надо пойти к бабам, чтобы крошить репу для похлебки и не притворяться больше воинами?

— Народ вагров франки по последнего человека под нож пустили, — задумчиво сказал один из вождей, глядя прямо в глаза Бертоальду. — Я тогда мальчишкой был, но хорошо помню, как их жалкие остатки Рейн переплыли и за еду трудились, словно рабы. Франки нашу землю в крови утопят. Дагоберт — щенок еще, да только отец его волк лютый.

Почтенные мужи начали перебранку, которая чуть не перешла в драку. Они хватили друг друга за грудки, и, брызжа слюной, называли друг друга глупцами и трусами. Это зависело от того, какой точки зрения придерживался оппонент. В дом зашел воин, который наклонился к уху Бертоальда, и что-то прошептал. На лице того сначала появилось недоверие, затем удивление, и за ним — радость.

— Тихо! — заорал он, перекрывая шум и гам, который стоял в его доме. Вожди удивленно посмотрели на него, и притихли в недоумении. Бабы у очага бросили работу и тоже уставились на вождя. Он нечасто позволял себе терять достоинство, повышая голос.

— Пусть он скажет! — молвил Бертоальд, показывая на воина. — Говори, Хаример!

— Король Хлотарь умер! — торжественно заявил парень, рисуясь перед двумя десятками эделингов.

— Как? Что? Когда? — понеслось к нему со всех сторон. — Рассказывай!

— Ну, — гордо выпятил грудь воин. — Дело было так...

За семь дней до этого.

Римский город Колония Агриппина, названный так потому, что в нем родилась мать императора Нерона, когда-то был столицей провинции Нижняя Германия. Его окружали роскошные виллы римской знати, которые утопали в садах. Патриции уезжали на покой в глушь, спасаясь от опасностей столицы и самовластия ее императоров, обожающих резать богатых сенаторов в момент денежных затруднений. Город был окружен стенами высотой в восемь метров, а покой жителей охранял XXII легион римской армии. С годами длинное название приелось, и город превратился просто в «Колонию», и это название он носит до сих пор.

Театры, бани, церкви, огромная библиотека, дома знати, акведуки длиной почти сто километров... Все это было разрушено в 355 году, когда набег рипуарских франков уничтожил город. Кёльн был сожжен дотла и лежал в руинах. Империя вернула его, но он уже никогда не достиг прежнего величия. Денег, чтобы восстановить город, у императоров просто не было. Через сто лет вылезшие из своих лесов франки завоевали эти земли окончательно. От прежних времен остался только мост через Рейн, построенный по приказу императора Константина Великого. Он простоят еще триста лет, и будет разрушен непонятно кем и непонятно почему. А потом еще почти тысячу лет через великую реку и вовсе никакого моста не будет. Франки сложили новые стены, которые были куда хуже старых, и налепили привычных деревянных домов, построенных по обычаю из деревянных столбов, врытых в землю, между которыми были забиты камни и глина. Как и везде у варваров, караульная служба была поставлена из рук вон плохо, и Самослав отмечал это своим наметанным взглядом.

Князь бродил по рынку Кёльна, прицениваясь к товару, слушая сплетни, ругань и божбу на десятке диалектов. Тут часто поминали Одина, и его же под именем Вотана, и бога Циу с датским Тором вперемешку. Циу, Яровит, Тор, Ирмин, Тюр — разное имя одного и того же бога, покровителя воинов. Его почитали все в этих землях. Но и святого Мартина тут поминали на каждом шагу. Эта загадка так и не далась Самославу. Он так и не смог понять, почему в Галлии святой Мартин стоял в глазах прихожан куда выше, чем Иисус и Дева Мария. Рынок был немаленьким. Кёльн, главный город восточных франков, был на стыке границ с вендами и саксами. И те, и другие жили неподалеку. И те, и другие регулярно делали набеги на эти земли. Но пока было тихо, и купцы из разных земель мяли в руках шкурки из-за Эльбы, приценивались к оружию из Парижа и к тканям из Лугдунума. Самослав уже расторговался. У него оставалось немного соли, которой он расплатился за партию железа. Купец, франк из местных, внимательно посмотрел на Само, и у того пробежали мурашки по спине. Чувство было, точь-в-точь, как в кабинете особиста.

— Все хорошо, почтенный? — спросил Само, интуиция которого била в набат. — Или ты увидел во мне давно потерянного сына и хочешь отсыпать мне золота по этому случаю?

— А где ты взял эту соль, парень? — ласково так посмотрел на него купец. — У тебя ее много, как я погляжу.

— Да не поверишь! — вдохнул воздух в грудь Само, который понял, что сейчас придется много и вдохновенно врать. Сейчас говорить было лучше, чем молчать. Чем больше скажешь, тем меньше подозрений. — В Баварии на большом торге со мной ей расплатились. Мне она без надобности, да там больше и взять было нечего. Дикая места, сам знаешь.

— А как твое имя, почтенный купец? — сладким голосом, от которого интуиция уже ни в какие набаты не била, спросил франк. Незачем в набаты бить. На горизонте нарисовалась

задница, которая приближалась со скоростью света.

— Я Гундобад из Дижона, — любезно сообщил Само, нахально присвоив себе имя покойного короля. — Я из бургундов буду. Сам, что ли поговору не слышишь? А к чему тебе мое имя?

— А ты знаешь, где добывают эту соль? — впился в него глазами франк. — Ты в тех местах часто бываешь?

— Не знаю я, где ее добывают, — пожал плечами Само, — где-то в землях вендов. Ей со мной в Ратисбоне расплатились. Я там рабов на продажу покупаю. Хотя в последнее время рабов совсем мало стало, соль вот приходится брать. А ты, любезный, с какой целью интересуешься?

— Если скажешь, как попасть туда, где эту соль добывают, я дам тебе три золотых, — сказал вдруг франк и выжидательно посмотрел на Само.

— Да хрен тебе без мяса, — ответил ему Само, рубанув ладонью по локтю. — Я же по глазам вижу, что ты на мне нажиться хочешь. А ну, рассказывай все, как на духу! Святым Мартином клянусь, что барыш пополам с тобой разделим. Ну!

— Святым Мартином, говоришь? — успокоился торговец. Клятва была серьезней некуда. Если ее нарушить, молния сразу убьет, это даже дети знают. — Тогда слушай! Эту соль какие-то непонятные венды добывают. Никто о них никогда раньше не слышал. Просто откуда-то появился богатый торг, а на нем много соли, словно из ниоткуда. Ее потом бургундские купцы караванами в Галлию везут. Майордом Пипин пятьдесят солидов обещал тому, кто ему путь к соляным копиям покажет. Ну, по рукам?

— Да я бы хотел, — с выражением досады и жуткого разочарования ответил Само, — да не знаю я пути туда! Ну, ты и сволочь! Три тремисса мне за такие сведения предлагал. Полсотни золотых, подумать только! А почему майордом сам у купцов не спросит?

— По слухам, наших он уже спросил, — с гаденькой улыбкой ответил купец, — да ничего толком не выяснил. Лежат они теперь, жженые пятки лечат. Рассказывают про какой-то торг в ничейных землях. И бургундцы тоже божатся, что соль на том торге берут. А в пыточную их не возьмешь, они сразу за своего майордома Варнахара прячутся, — захихикал купец. — Они же ему платят все, как один, а тот не хочет такие деньги терять. Варнахар человек суровый, в его землях не шибко побезобразничаешь, сразу пойдешь на солнышке сушиться с высунутым языком.

— Да-да, — пробарабанил в задумчивости Самослав по прилавку. — Прямо как ты сказал, с высунутым языком... Слушай, я попробую узнать про эту соль, и дам тебе знать. Хорошо? Только половина моя! По рукам?

— По рукам! — протянул ладонь купец. — И помни, ты святым Мартином клялся!

— Да помню я, не бойся, не обману, — и Само вышел из лавки в глубокой задумчивости. Тут заваруха с аvaraми на носу, а короли франков к его персоне такой нешуточный интерес проявляют. Плохо, очень плохо...

Он жестом подозвал двух парней, которые шли за ним, шагах в десяти.

— Григорий где?

— В харчевне, где же еще, — усмехнулись парни. — Ты же сам ему сказал, княже, чтобы он с подходящим саксом загулял.

— Он там трезвый еще? — поморщился Само. — Ладно, пошли туда.

Харчевня была прямо здесь, на рынке. Длинный сарай с высоченной крышей из деревянной дранки был набит народом. В центре расположился узкий очаг, выложенный из

камней, длиной шагов в десять, вокруг которого топтались какие-то не слишком опрятные тетки. Языки пламени облизывали бока больших котлов, где варилась похлебка из овощей и каша. Римляне, франки, саксы и даны сидели за столами и сосредоточенно жевали, а шустрые девки бегали между ними, ловко уклоняясь от шлепков по крепким задницам. Тут подавали меды, наливки и вино с юга. Шум и гам стояли просто невероятные. Григорий был на удивление... э-э-э... не слишком пьян. Он сидел за столом с молодым плечистым саксом в зеленом плаще, который был уже изрядно навеселе и горланил песни, постукивая по столу рукоятью внушительного тесака. Видимо, так он пытался себе аккомпанировать. На лице его было написано неопишное счастье. Он наелся и напился бесплатно. Странный парень с неровно обросшей головой перепутал его со своим другом и так попытался загладить свою невольную вину.

— Это Хаример, хозяин, — радостно сказал Григорий. По легенде Самослав был простым купцом, а Григорий служил у него. — Он отличный парень.

— Не сомневаюсь, — сжал зубы Само. Бюджет, выделенный на разведку, по всей видимости, уже был освоен этим саксом до конца. А чтобы сподобить германца, нужно было потратить немало времени и денег. — Налейте и мне, что ли!

— Его сюда вождь послал, — деловито сообщил Григорий. — Они скоро коров сюда погонят. Пятьсот голов, представляешь! И так каждый год!

— А, это дань, что ли? — Само что-то такое припоминал. — Серьезно вас обдирают франки. А вы зачем им платите? Саксы воевать разучились?

— Да мы уже много лет эту дань платим, — подал голос хмурый сакс. — А если не платим, франки с большим войском приходят. Каждый год мужи бунтуют, не хотят скот отдавать. Их эделинги едва удержать могут. А вот мой хозяин, Бертоальд, хоть сейчас воевать готов. У него франки отца и брата убили. Он их ненавидит люто.

— Так чего не воюете? — удивился Само. — Ведь король Дагоберт еще мальчишка совсем. Ему лет пятнадцать, вроде.

— А ты про короля Хлотаря не забыл? — зло посмотрел на него сакс. — Он же нашу землю разорит войной.

— Так король Хлотарь помер! — удивленно посмотрел на него Само, пребольно пнув под столом Григория, который хотел было что-то спросить, но быстро все понял и с лязгом захлопнул отвисшую челюсть.

— Ты с чего это взял? — сакс начал медленно, но верно трезветь. — Уже давно бы все знали об этом. Если ты мне лжешь, купец, я тебя прямо здесь зарежу.

— Так я же только что из Парижа, — пожал плечами Самослав, не обращая внимания на вылезшие из орбит глаза Григория. — Там уже все об этом знают. К вам, наверное, еще гонец не доехал. Это чистая правда. Клянусь святым Мартином!

— Молот Ирмина мне в задницу! — просипел абсолютно трезвый сакс. — Я, пожалуй, домой поскачу. Пока, парни! Приятно было посидеть с вами!

— Ваша светлость, что это было? — пискнул одуревший от ужаса Григорий. — Вы в своем уме? Или вы считаете, что нас должны повесить не только в Бургундии, но и в Австразии тоже? Так я вас разочарую. За такое нас никто вешать не будет. Нас изломают на колесе и скормят воронам.

— Я купил нам время, Григорий, — ответил ему Самослав, на которого вдруг нахлынули воспоминания. Ведь именно так все и было, он же об этом читал когда-то, бесконечно давно. Герцог саксов Бертоальд до самого последнего момента верил, что король

Хлотарь умер. До самого конца... И он добавил: — Я только что купил нам целый год, Григорий. А может быть, и больше, если повезет.

— Но... Святой Мартин..., — мямлил Григорий. — Он же покарает вас.

— Я же язычник, ты забыл? — удивленно спросил Само. — Мои боги защитят меня от него. И вообще, ты знаешь, что такое ложь во благо? Не знаешь, ну так я тебе потом расскажу. И тогда ты поймешь, что даже святой Мартин простит меня за эту ложь, потому что тысячи наших людей останутся в живых.

— А саксы? Они останутся в живых? — спросил его Григорий.

— А у них есть свои князья и свои боги, — честно признался Самослав. — Я не обязан еще и про саксов думать. У меня своих забот хватает.

— Страшный вы человек, ваша светлость, — задумчиво протянул Григорий.

— Да, ты уже говорил, — согласился Само, и развел руками. — А куда деваться? Не мы такие, жизнь такая. — Он что черкнул на листе папируса и добавил:

— Бранко! Скачи назад, в Санс! Передай почтенному Приску вот это письмо. Пусть сначала в Кёльн приезжает, а потом сразу к нам. Скажешь, через два-три месяца хорошая партия живого товара будет. Ждан, скачи домой! Скажешь Збыху, что соль северным путем пойдет. Он знает, о чем речь, пусть лодки готовит. Деметрий пусть тагму в поход ведет. Встретимся с ним в землях лемузов. А мы тоже в сторону дома двинем, тут скоро очень беспокойно будет.

* * *

Шесть недель спустя.

Священное дерево Ирминсуль, что росло на берегах реки Везер, было окружено тысячами людей. Сюда, в земли энгров, стекались отряды саксов со всех концов их огромной страны. Быстрые всадники помчали во все стороны после встречи вождей. Со скоростью молнии полетела весть о том, что народ саксов идет войной на короля Дагоберта, который остался без защиты отца.

Сюда уже шли даны, почуявшие нешуточную поживу. Сигурд Рваное Ухо, сын ярла из Ангельна, привел две сотни храбрецов, младших сыновей крестьян-бондов. В Дании уже не было свободной пашни, а потому войны мелких властителей терзали те земли почти непрерывно. Младшим же сыновьям и вовсе не оставалось ничего, кроме битв. Богатые землевладельцы, или «могучие бонды», как их называли, не желали дробить хозяйство, которое доставалось старшему сыну. Молодежь, оставшаяся без наследства, иногда пробовала соседние земли на прочность, но настоящей бедой они станут лишь через две сотни лет, когда их драккары будут терроризировать всю Европу.

Сюда пришли бодричи и лютичи, ненавидевшие друг друга, но на время оставившие свои распри. Волчьи шкуры лютичей, называвших себя вильцами, вызывали уважение даже здесь. Свирепыми бойцами были словене, жившие у Студеного моря. Сюда же шли мужи из земель сербов, которые решили пограбить богатые земли франков заодно с извечными врагами — саксами.

Людское море с надеждой смотрело на священное дерево, в котором жил дух воинского бога саксов Ирмина. Он же Яровит, он же Тор, он же Тюр, он же Донар... А потому воины склоняли голову, ожидая, когда выбранный герцогом на эту войну Бертоальд перережет

горло быку, назначенному в жертву. Ведь вождь племени в это время — это еще и жрец. Скучная жизнь не давала возможности кормить дармоедов. Шестеро дюжих воинов держали на веревках быка, который водил налитыми кровью глазами по сторонам. Он явно не ждал ничего хорошего. Шум толпы пугал его.

— Боги приняли жертву! — торжественно крикнул герцог, поднимая вверх окровавленный нож.

Воины взревели, потрясая оружием. Они выйдут завтра же, ведь впереди их ждут богатейшие земли Австразии, нетронутые войной уже много лет. Тысячи воинов, пришедших на войну, должны есть каждый день. А запасы еды, принесенные с собой, не бесконечны.

Мец. Австризия.

— Мой король! — майордом Австризии Пипин, что был родом из Ландена за Маасом, сделал короткий поклон в сторону юноши лет пятнадцати с длинными волосами, расчесанными на пробор, заплетенными в две тугие косы. Дагоберт, лицом похожий на мать, Бертетруду, в остальном походил на отца. Он был силен, смел и весьма неглуп. На отца юный король походил во всем, кроме отношения к женщинам. Хлотарь безумно любил его покойную мать, и в походах налево замечен не был. А вот Дагоберт был просто ненасытен, напоминая в этом своего распутного деда Хильперика.

— Что случилось? — лениво спросил Дагоберт, который собирался на охоту, и в данный момент примерял к руке новое копьё на кабана, которое ему принес главный ловчий. Длинный, широкий наконечник, который пробьет толстую шкуру, и короткое, толстое древко, способное выдержать натиск свирепого зверя. В то время короли франков еще не охотились с луками на оленей, считая подобные забавы пригодными только для женщин. Кабан, убитый копьем — вот добыча, достойная вождя.

— Государь, саксы восстали, — поставил его в известность майордом. — Они отказались платить дань и разоряют наши земли на правом берегу Рейна.

— Так собирай войско, — не поменявшись в лице, сказал Дагоберт, оставив копьё в сторону. Не понадобится оно, не до охоты сейчас. Случилось то, о чем предупреждал его многоопытный отец. — Мы зальем кровью их землю.

— Я уже послал гонцов, — ответил ему Пипин. — Войско соберется в Кёльне через месяц. Нам тоже нужно выходить.

— Готовьте мои доспехи и коней, — ответил король, немного подумав. Он все-таки успеет поохотиться. Три-четыре дня ничего не изменят.

* * *

Правобережье полыхало огнем. Отряды саксов, данов и вендов рассыпались по землям Тюрингии и зарейнской Франкии. Тут не было мощных крепостей, а небольшие городища и села налетчики сжигали дотла, грабя, убивая и угоняя скот. Горе пришло на эту землю, а вместе с ним пришли люди, для которых чужое горе оказалось поводом для наживы.

Немалый караван откуда-то с юга, окруженный бойцами, одетыми в железо и кожу, шел сквозь разоренные земли, налаживая с саксами и словенами деловые контакты. Те сначала издавали радостный вой, когда видели телеги с припасами, но две сотни лучников и две сотни копейной рати в доспехе мигом убеждали грабителей, что это никакие не франки, а наоборот, очень достойные люди, готовые платить солью за тех, кого они только что задаром убить собирались. Толпы пленных потянулись на юг, а навстречу им тронулись лодки, груженные солью, которые по реке Влтава пошли в Лабу, которая еще не стала немецкой Эльбой. Там, далеко на севере, вожди саксов, бодричей и лютичей получают оплату за живой товар, взятый на войне. Этот путь князь Самослав проработал уже давно. От Влтавы, которая в верхнем течении была небольшой речушкой, до Новгорода всего шестьдесят верст. Именно там жупан Святоплук уже давно построил большой склад,

который понемногу заполняли солью. У князя были большие планы на торговлю с севером.

* * *

Саксонские земли. Правый берег реки Везер.

В центре войска саксов стояли самые знатные мужи, одетые в кольчуги, имеющие щиты и шлемы. Таких было немного, но зато по правую и левую руку от них колыхалось бескрайнее людское море, говорившее на нескольких языках. В первой линии стоял герцог Бертоальд, окруженный дружиной. С ним же рядом стояли и другие эделинги со своими людьми. Две сотни данов во главе с Сигурдом Рваное Ухо, одетым по такому торжественному случаю в плащ из медвежьей шкуры, тоже стали в центре. Их стойкость в бою была известна всем, а потому почетное место досталось им без спора. Медвежья голова, превращенная в шлем, выделяла Сигурда в этой толпе, ведь он был на полголовы выше самого высокого воина. На левом фланге стали саксы, вооруженные попроще, топорами и копьями. А на правом — словене, которые собрались по племенам и родам, приготовив луки и дротики.

Войско Австразии состояло из франков, тюрингов и алеманов. Баварцы, изъявившие покорность королю Хлотарю, на войну не пришли. Герцог Гарибальд прислал гонца с извинениями. У него была уважительная причина. Его земли с востока тоже атаковали венды, и вот-вот возьмут Ратисбону. Так что он, Гарибальд, мысленно был со своим повелителем и его сыном, но ему придется остаться дома, чтобы защитить своего короля от несметных орд варваров с востока. Впрочем, тяжелая война почему-то не мешала баварцам скупать пленных тюрингов, а то и просто грабить их земли с юга. Почтенный купец Хуберт и вовсе работал, не покладая рук, и гнал колонны сервов вглубь страны. Рабочие руки были нужны всегда, тем более, когда они так дешевы.

Дагоберт в окружении своих лейдгов стоял на фланге. Конница у франков традиционно была слаба и немногочисленна. Воевать так могла себе позволить только знать и самые богатые воины. Франки были сильны своей пехотой, и она была лучшей в то время. Первый ее натиск выдержать было почти невозможно. Франки столетиями отработывали тактику, которая позволяла проломить «стену щитов», которой были сильны все германцы. И они отработали ее до мелочей. Первые ряды заняли лучшие бойцы, чьи затылки, тщательно выбритые к битве, никогда не должен увидеть враг. Они трясли щитами, и рычали в предвкушении. Наконец, король подал сигнал!

Сотни ангонов, дротиков с длинным металлическим жалом, полетели в ряды саксов. Тонкое дерево щитов пробивалось насквозь, словно лист бересты, и дротик гнулся под своей тяжестью, превращая щит в обузу. Два ангона было у каждого франка, только два! И зачастую именно залп дротиков решал исход битвы. Ведь как только в полет ушел второй ангон, первый ряд франков уже бежал с ревом вперед, прыгая на древки застрявших в щитах копий. Саксы, бросившие ненужный щит, бились только фрамеями и ножами, которые не сильно уступали коротким мечам. Мечи тут были только у знати, а даны и вовсе бились привычными секирами. В оставшиеся целыми щиты полетели топоры-франциски, которые воины Австразии бросали в цель мастерски. Щиты, разбитые ударами топоров, быстро превращались в щепки, и тоже летели под ноги, как мусор.

На флангах, где стояла легкая пехота, залп ангонов произвел страшные опустошения,

пробивая полуголые тела насквозь. Но и в ответ полетели тучи дротиков с костяными остриями и стрел, которые зачастую и вовсе никаких наконечников не имели. Просто острая деревяшка. На удивление, залп, данный из слабых охотничьих луков с тридцати шагов, косил алеманов и тюрингов, образующих крылья армии Дагоберта, не хуже ангонов. Много ли ты навоюешь, когда острая деревянная щепка, заточенная, как игла, пробивает тебе руку или ногу? А если она попадает в живот?

Два войска сошлись в рукопашной, где копьё было против копья, а топор против топора. Знать саксов и франков не уступала друг другу ни в вооружении, ни в храбрости, а потому в центре кипел яростный бой. Даны давили вперед, собрав стену из уцелевших щитов. Сигурд пробивался туда, где на неимоверно дорогом тюрингском жеребце рубился в окружении охраны король Дагоберт. И еще... Мязежников было больше, намного больше. Толпы вендов, что пришли грабить земли франков, своими копьями и дротиками сразили сотни воинов, и понемногу франки стали отступать, смыкая ряды, и огрызаясь ударами мечей и копий.

Вороны начали кружить стаями над полем битвы. Вороны знали, если собираются вместе столько людей, то потом много недель тут будет много еды. Вороны и лисы, обожравшиеся мертвечины, даже враждовать теперь не станут. Так много пищи здесь будет.

Сигурд Рваное Ухо все-таки пробился к королю, и с ревом ударил его топором. Крепкий доспех, выкованный имперскими мастерами, выдержал. Лишь несколько пластин отлетело в сторону, да часть рыжеватой косы, длиной в ладонь, упала на землю, отсеченная ударом. В груди Дагоберта что-то ошутимо хрустнуло, и юный король покачнулся в седле, резко побледнев. Это и спасло ему жизнь. Топор дана, который должен был превратить его лицо в кровавое месиво, прошел вскользь, выбив из Дагоберта дух. Охрана волками бросилась на Сигурда, закрыв короля своими телами, и утатила Дагоберта с поля боя. Он был без сознания. Священные волосы Меровинга тоже были бережно подняты с земли и вложены в его бессильную руку.

— Король убит! — раздался вопль над полем. Не было большего позора для германца из ближней дружины, чем остаться в живых, когда погиб вождь. В старые времена вешались такие воины, приходя домой. Незачем им после такого было жить, будучи презируемыми соплеменниками до глубокой старости. Гибель вождя для воинов означала поражение. Она означала то, что боги отвернулись от них. А потому войско Австразии начало отступать, сохраняя порядок с превеликим трудом. Тюринги с алеманами и вовсе бросились бежать, отдавая свой обоз на растерзание победителю.

* * *

Две недели спустя. Арденнские горы. Земли рипуарских франков.

— Ваше величество! — Сихарий, граф из Австразии, склонился перед Хлотарем. — Наше войско разбито, король Дагоберт ранен и просит вас о помощи. Он просил передать это!

Сихарий протянул раскрытую ладонь, на которой лежали волосы, отсеченные в том самом бою. Хлотарь взял в руку волосы сына, сжав их в кулаке. Тот, кто терял волосы, терял милость старых богов, а значит, и саму власть. Как все эти понятия уживались с христианством, было непонятно. Языческие обычаи еще соседствовали с христианскими обрядами точно так же, как церковный брак соседствовал с многоженством. Волосы

Меровингов были священны. За то, что сделано, последует месть, жестокая и неотвратимая. Саксов накажут, а потом они будут платить положенную дань. Пятьсот коров, и ни коровой меньше. Даже, если это будут последние коровы в их землях.

— Скачи к своему королю, пусть стоит на берегу Везера и не пускает саксов дальше. Я уже собрал армию. Передай ему, что я иду.

* * *

Саксонские земли. Правый берег реки Везер.

— Что-то франки разорались сегодня, герцог, — лениво сказал Сигурд Бертоальду, глядя острыми глазами на противоположный берег. — Радуются чему-то, отродья Локи.

После поражения войска Дагоберта границей стала река. Небольшой брод не смогли форсировать ни те, ни другие. Два войска, измотанные в битве, так и стояли друг напротив друга. Но, если к франкам подходило подкрепление, то у саксов войско понемногу таяло. Лютичи, бодричи и сербы потянулись домой, таща награбленное, безмерно довольные удачным походом. Им незачем было класть свои головы за свободу саксов, это была не их война. Они и так немало мужей оставили на поле боя, а еще больше ушли отсюда с ранами. И вообще, они сюда пришли грабить, а не умирать. Это чокнутые даны, мечтающие попасть в Вальхаллу к Одину, упивались битвой. И именно они были единственными, кто остался из всех пришлых народов вместе с саксами. Этим простым ребятам интересовала только хорошая драка, хорошая добыча, и хорошая выпивка. А тут всего этого было в достатке.

— Не знаю, чего они радуются, — удивленно сказал Бертоальд. — Король их ранен, войско разбили, обоз разграбили. Жрать на том берегу нечего. Не понимаю я ничего.

— Они имя Хлотаря орут, — удивленно сказал Сигурд, который обладал просто звериным слухом.

— Да он же помер, — уверенно ответил Бертоальд.

— Иди-ка ты, герцог, панцирь надевай, — сплюнул Сигурд. — А я пойду парней собирать. Не нравится мне все это. Чую я, вороны сегодня неплохо попируют.

Войско саксов стало подтягиваться к броду, готовя оружие. Знать надевала доспех и собирала свои дружины. Суета, которая началась в лагере франков, ничего хорошего не сулила. С чего бы радоваться разбитому войску, короля которого спас только шлем, изготовленный искуснейшими мастерами в Константинополе. Загадка разрешилась через четверть часа, когда на берег выехала кавалькада всадников, закованных в доспех, и на хороших конях. Впереди ехал могучий воин, шлем которого, украшенный золотом и чеканкой, вызвал завистливый вздох у саксов. Это ж какие деньжищи у этого всадника, если у него на шлеме больше золота, чем саксонская деревня стоит. Про стоимость коня и говорить нечего. Рослый жеребец легко нес всадника, закованного железа. Не чета деревенским лошадам, что были ростом чуть выше собаки. Мало таких коней. У авар они есть, у тюрингов, да у конунга свеев Ингвара Высокого.

— А вот и король Хлотарь, — спокойно сказал Сигурд. — Потому-то они и радуются.

— Да помер он, говорю же тебе, — упрямо сказал Бертоальд. — Не он это, герцог какой-нибудь на подмогу пришел. А, сейчас узнаем!

Бертоальд зашел в воду и приставил руки ко рту, словно рупор.

— Эй, ты! Ты кто такой? Вот ты! В золоченом шлеме! — заорал он.

Хлотарь, немало удивленный таким необычным приемом, подъехал к берегу, рассматривая герцога холодным змеиным взглядом. Сейчас он очень напоминал свою мать, королеву Фредегонду. Она тоже могла так смотреть на кого-нибудь, а потом этого кого-то находили с ножом в сердце. Покойная мама была быстра на расправу. Было дело, епископа Руана, будущего святого Претекстата, прямо в церкви велела зарезать. Чтобы все точно знали, кто в доме хозяин. Отчаянная была женщина. Ни бога, ни черта, ни людей не боялась. Только такая и могла из простых служанок в королевы выбиться и умереть самой могущественной женщиной Галлии.

— Я твой король, деревенщина, — сказал, наконец, Хлотарь. — Сдавайтесь, и останетесь жить. Если будете воевать, я утоплю вашу землю в крови. На колени!

— Да пошел ты в задницу! — побагровел Бертоальд. — Хлотарь помер, это все знают! Да и не похож ты на короля!

— А так? — король снял шлем, и на блестящий доспех водопадом упали длинные полуседые волосы, достающие ему до пояса.

— И так пошел в задницу! — решительно ответил Бертоальд. — Я Бертоальд, герцог саксов, и я тебе кишки выпущу, сволочь! Добраться бы до тебя в битве! Хотя, ты же трус, хрен до тебя доберешься!

Вместо ответа Хлотарь молча спешил и, взяв коня за повод, пошел через брод.

— Ваше величество! Да что же вы делаете! — от неожиданности королевские лейды застыли, а потом, не рассуждая, вошли в воду вслед за королем.

— Никому его не трогать! — заорал Бертоальд. — Он мой!

Саксы, ошеломленные невиданным зрелищем, стали полукругом вокруг песчаного берега. Никто и не думал нападать. Суд богов был священен!

Франки тоже потянулись через брод, но огромная армия еще не понимала, что происходит, а потому на левом берегу Везера началась бестолковая суэта. Отдельные всадники полезли в воду за своим королем, а за ними потянулась и пехота, не понимающая, что происходит, и где, собственно, их родная сотня.

— Мое последнее слово! — прокричал Хлотарь, выйдя в одиночку против армии саксов. — На колени! И вы все останетесь живы!

Он повернулся к Бертоальду, смерив его ледяным взглядом, и добавил.

— А вот тебя это не касается, ты сдохнешь в любом случае! Копье мне!

Они встали напротив, окидывая друг друга изучающими взглядами. Рост, возраст, сила — в этом они были похожи. Но кольчуга Бертоальда не шла ни в какое сравнение с пластинчатым панцирем короля. Доспех того был просто роскошным.

— Я, когда тебя убью, панцирь себе заберу, — сплюнул Бертоальд, перехватывая поудобнее копье.

Вместо ответа Хлотарь взмахнул фрамеей и ударил герцога в ногу. Тот ловко отскочил в сторону, а саксы восторженно заревели. Сухой стук древка об древко не был слышен из-за рева воинов. Опытные бойцы, не раз бравшие на копье кабана и медведя, реакцией обладали отменной. А как иначе выжить в поединке с секачом, который своими клыками рвет вскрывает на бедре незадачливого охотника. Или попросту сбивает его с ног своей тушей, а потом рвет зубами.

Хлотарь уже несколько раз пропускал уколы копья, но наконецник бессильно звякал о пластины панциря и скользил в сторону. А вот удары самого короля понемногу достигали цели. На ногах герцога появились неглубокие кровоточащие раны, и Бертоальд двигался уже

не так быстро, как раньше. Хлотарь изматывал противника, ведь его панцирь почти достигал колен, разрезанной юбкой защищая бедра. Поножи на голених тоже отразили пару ударов, и Хлотарь хищно улыбался, чуя скорую победу.

— Мы дадим дань... государь, — прохрипел Бертоальд, вымотанный боем и потерей крови.

— Дадите, конечно, — ухмыльнулся Хлотарь. — Куда вы денетесь! Только я тут всех, кто выше моего меча, всё равно перебить велю. Чтобы твое поганое племя о бунте и не помышляло больше.

И он широким взмахом копья рассек бедро герцога. Тот взвыл и упал на одно колено. Хлотарь ногой отбросил фрамею сакса в сторону и неспешно вытащил меч. Он одним ударом снес мятежную голову и насадил ее на свое копьё. Франки взревели от восторга. Жуткий трофей, видимый теперь всеми, лишил саксов мужества. Кровь, капающая из обрубка шеи, заливала руку Хлотаря, но он не обращал на это никакого внимания. Саксы нахмурились, сбиваясь в тесный строй. Боги отвернулись от них сегодня. А через брод шли и шли тысячи франков, чтобы начать избиение непокорного народа.

Торговцы были разочарованы. Его величество Хлотарь, да не оставит его святой Мартин своей милостью, выполнил свое обещание. Всех мужчин, что были выше ростом, чем его меч, римская спата, казнили. Раненых, выживших после битвы, согнали в кучу, где они сидели понурые, в ожидании казни. Почтенные купцы охали и ахали, но его величество был непреклонен. Все бунтовщики умрут, и палачи трудились, не покладая рук. Франки рубили деревья и вязали плоты, на которых потом поплывут саксы, повешенные в назидание остальным. Они будут плыть до самого Студеного моря, вгоняя в ужас родовичей, живущих на берегах реки Везер, рыбаков и купцов. Отряды франков разлились ручейками по землям саксов, которые и не помышляли более о сопротивлении. Приказ короля бы предельно суров. Все мужчины, что были ростом выше его меча, должны быть убиты на месте. Толпы саксов бежали на восток, не затронутый войной, и только там смогли уцелеть. Опустевшие же деревни франки грабили и жгли. Так огромная страна, взбунтовавшаяся против владычества королей Меровингов, превратилась в пепелище.

Почтенный купец Приск прохаживался вдоль сотни унылых связанных мужиков, которые ожидали своей очереди на казнь. Он горевал. Такие деньги! Такие деньги пропадают! Он уже прикупил баб с детишками, и вскоре их погонят в Санс, где распродадут по виллам знати. Его внимание привлек воин исполинского роста, татуированный от шеи до кончиков пальцев. Могучие руки были бессильно опущены. Боец из племени данов, наметанным взглядом определил Приск. Вон треугольники Одина на груди. Покупать его нет смысла, все равно работать не будет. Голова великана была перевязана пропитанной кровью тряпкой, а взгляд был потерянным. Внезапно дан посмотрел на Приска, чем ввел его в неопикуемый ужас. Никогда еще купец не встречал настолько опасного человека.

— Дай нож, купец! — прохрипел воин. — Я зарежусь. Дай!

Приск вздрогнул от неожиданности, а потом с интересом посмотрел на воина. Он неплохо понимал германские наречия, ведь они не слишком отличались от языка, на котором говорили кельнские франки. В его голове начала рождаться интересная финансовая операция.

— Дай нож! — свирепо посмотрел на него дан. — Я не должен умереть от рук палача. Мой отец будет опозорен, если я умру на виселице, словно провинившийся трэлль^[2]. Один не примет меня, а мои друзья в Валхалле будут смеяться. Они-то умерли, как настоящие воины. Не то, что я... — на его лице было написано неподдельное горе.

— А если я выкуплю тебя и отвезу к одному конунгу, — спросил Приск, глядя в страшные глаза убийцы. — Ты будешь ему служить?

— Если я смогу умереть, как воин, то буду служить этому конунгу, — не задумываясь, ответил воин. — Я буду должен ему его жизнь.

— Это как? — раскрыл рот купец. Он был не силен в обычаях дикарей.

— Я Сигурд Рваное Ухо, сын ярла Эйнара, сына Хьёрдиса, который был сыном Бьёрна, который был сыном Харальда, который был сыном Эги. Я клянусь именем Тора! Я буду служить этому конунгу, пока мой долг не будет уплачен. А уплачен он будет, когда я спасу его жизнь, — пояснил дан. — Таков древний обычай.

— Жди! — бросил купец и пошел договариваться к страже. Купить пленных было нельзя. Но ведь то, что нельзя решить деньгами, можно решить большими деньгами. Десять

солидов для трех стражников — огромные деньги. Они и золота никогда в руках не держали, обычные же землепашцы. Они с этой войны принесут домой куда меньше, чем стоимость коровы. Три солида — это честная цена «доброй коровы с целыми рогами». Целое состояние для простого хуторянина. А исчезновения одного пленника все равно никто не заметит. Одним покойником больше, одним меньше... Франки воровато оглянулись и, зажав в кулаке по десять тремиссов с корявым профилем его величества Хлотаря, разрезали веревки на ногах Сигурда.

— Руки не будем развязывать, он же на голову больной, — пояснили они. — Уводи его отсюда поскорее, ради святого Мартина. Если десятник увидит, не сносить нам головы.

— Слушай, купец, а какой он, этот конунг? — спросил Сигурд, который шагал с караваном, который почему-то направлялся в земли баваров.

— Ты будешь очень удивлен, дан, это я тебе обещаю, — злорадно улыбнулся Приск. — И тебе далеко не все там понравится. Там такие порядки, что ты взвоешь.

— Там что, нет Медового Чертога^[3]? — взвыл Сигурд.

— Насколько я знаю, нет, — ухмыльнулся Приск.

— Верни меня палачу, — уныло пробурчал Сигурд. — Конунг — скряга, худшее из того, что могло со мной случиться. Хотя нет, будет хуже, если он еще и окажется торговцем. Защити меня Тор от такой напасти. Надо принести богатые жертвы богам, видно, я сильно разгневал их.

* * *

Возвращение домой оказалось каким-то будничным. Кроме бурной встречи с женой, истосковавшейся по мужу, этот день и не запомнился Самославу ничем особенным. Начались трудовые будни, потому что впереди была зима, которую еще как-то надо было прожить. Система, которую он начал выстраивать, понемногу, со скрипом, начала работать. По крайней мере, ругани и ссор между соратниками почти не стало, или они затихали быстро.

Обоз, в котором прибыло два десятка человек из Бургундии, вызвал у местных очень умеренный интерес. Дело было в том, что по королевству франков, словно круги по воде, пошли дикие слухи, один другого причудливей. От купца — караванщика к лавочнику, а от лавочника к покупателю шла весть о том, что где-то там, за густыми лесами есть прекрасная страна, где дороги вымощены солью, а все бабы ходят в мехах и разноцветных бусах. Что еды там столько, что даже весной никто не голодает, и что у самого распоследнего лита есть своя корова и железный серп. И чем дальше шли эти новости, тем сильнее ввали те, кто передавал их дальше. Новости те дошли аж до самой Гаскони, что у Пиренейских гор и там уже превратились в такое несусветное вранье, что в них и деревенский дурень не поверит. Ну, скажи на милость, где такое видано, чтобы слуги самого герцога простых селян не забижали, потому что после этого их со двора погонят. Крутили у виска люди, и смеялись вруну в лицо. А то и поколачивали, чтобы он своими враками людей не смущал. Только одно мешало объявить все это выдумками: монеты из соли, что ходили по всему королевству франков. Их только ленивый не видел, да какая-нибудь деревенщина из глухих лесов Нейстрии. Так что свою роль эти слухи сыграли, и тоненький ручеек людей из восточных, по большей части, земель потянулся с купеческими караванами в Новгород. Тут-то они и

пытались осесть, создавая жуткую головную боль для местных властей. По крайней мере, Самослав сильно удивился, когда, приехав из своего торгового похода, увидел, что за стенами вырос посад на полсотни домов. А он точно помнил, что до его отъезда этих домов не было.

Боярин Лют привычно обходил город. Он делал это каждый день, как рачительный хуторянин обходит свое хозяйство. Не все, ой не все ему тут нравилось. Жуткая вонь, что неслась в город из Кожевенной слободы, выбивала слезу даже из привычного человека. Недодумал я здесь, тоскливо размышлял Лют, моля богов, чтобы ветер, наконец, начал дуть в другую сторону. Надо было на пару миль дальше их поселить.

Новгород разрастался все больше. Еще год назад все жители знали друг друга в лицо и по именам, а теперь появился посад, разбитый на правильные квадраты. Он постепенно застраивался деревянными избами, где селились люди, которые далеко не всегда понимали словенскую речь. Помимо людей честных и работающих приезжали и какие-то проходимцы с быстрыми глазами, которые толком не могли объяснить, чего им тут вообще понадобилось. Этим забирал для душевного разговора боярин Горан, с которым тоже не очень здорово всё получилось... Надо его службу куда-нибудь от жилья подальше перенести, а то непривычные люди до обморока пугаются, когда почтенный глава Тайного Приказа начинает в процессе задушевного разговора догадываться, что тот бродяга не просто так сюда приперся, а злой умысел имеет. Истошные крики и запах паленого мяса княгиня очень не одобряет, и свое прекрасное лицо морщит, когда все это до нее доносится. Не вмешивается, правда, терпит...

А еще кузнецы, которые колотят молотами от зари до зари. А еще воины, что орут на вытоптанном до голой земли поле. Как его там князь назвал? Чудное такое слово на ромейском языке... Полигон, вот! А еще Сиротская сотня, которая давно и не сотня уже. Хотислав все самоубиться хочет, да только руки никак не доходят. На кого он тогда своих мальчишек бросит? Князь ему помощников еще добавил из старых воинов. Но толпа сорванцов, которые целый день бегают эти... как их... кроссы, дерутся и стреляют из слабых луков, той еще головной болью оказалась. Туда зерно просто возами уходит. Слава богам, рыбу они сами ловят, и в наряды на огород ходят. Иначе Збых... тьфу ты! Иначе почтенный глава Денежного Приказа тоже самоубьётся. Его личный счетовод Любава всех старост до слез доводит. Подати до последней белки из них вытрясает. А у кого белки не хватает, велит зерно везти, или монетами из соли недоимки сдавать. Убили бы ее уже давно, да мужа, Деметрия, очень опасаются.

Дел оказалось столько, что глава Земского Приказа спал вполглаза, а ел на ходу. И слава Богам, что князь это все предвидел. Новые улицы приказал кольями разметить, и строить дома строго по ниточке. Горожане поначалу этим новшеством не слишком прониклись. Но когда к твоему строящемуся дому стража приходит, а потом затрецинами объясняет, что ты неправ, то уже не до шуток становится. Два раза своими руками собственную избу сломаешь, и начинаешь догадываться, что шутки местные власти очень плохо понимают. Город ушел за стены детинца, который смотрелся по теперешним временам каким-то куцым и даже крошечным. И Лют уже задумывался, а не построить ли второй ряд стен. Хотя, не время, пожалуй. А еще христиане попросили выделить место под церковь, а на это Лют без разрешения князя пойти никак не мог. Он нутром чуял грядущие неприятности.

А еще Лют князю подарок приготовил. Сам все придумал, когда поручения князя обмыслил, и в его правоте убедился. Надо бы проверить, как там дела у пришлых римлян из

Лугдунума идут, к которым он два десятка девок прислал на работу. И Лют пошел на другой конец города, где была новая слобода заложена, Ткацкая. Там, правда, пока всего два дома стоят, но то дело наживное. И не воняет там, что характерно. Как же он с кожевниками обмишурился, просто до слез обидно...

* * *

Княжеский терем, что еще совсем недавно был огромным и помпезным сооружением, теперь казался слишком маленьким и тесным. Все-таки жить и работать в четырехкомнатном доме, где и семидесяти квадратов не было, оказалось просто невозможно. Каково это, когда во время заседаний Княжеского Совета из спальни то и дело выходит княгиня, которая шла на кухню, гонять служанок и готовить мужу ужин. Она так и не бросила эту привычку. А княжич Святослав, который уже начал ходить, и лез на колени к бородатым дядькам, которые обсуждали вопросы государственной важности? Тут серьезные дела решаются, а на коленях мальчишка сидит и за усы дергает. Надо расширяться, и эта задача стала первой на заседании Совета.

— Княже, — продолжил Лют, — за это лето в город пришла без малого сотня семей. Есть ткачи, есть кузнецы, бондари, один медник с семьей пришел, есть хорошие горшечники, не чета нашим. И даже один монах забрел, чтобы нам тут свет истинной веры принести. Ну, это он сам так сказал. Не знаю, князь, что с ним делать. Прогнать?

— Гнать нельзя, — сказал, подумав, Самослав. — Он сюда целую свору попов приведет. Тут же для них просто поле непаханое. В Соляной Городок его отошли, его Горазд быстро к делу приставит. Там христиан много, и сбежать оттуда не получится. Собаки вмиг сыщут.

— Я кого-то в посаде разместил, — продолжил Лют, — а остальных в слободы выселил...

— Да, я уже в Кожевенной слободе побывал, — поморщился князь. — Как же ты так обмишурился, Лют? Ведь передохнем от этой вони.

— Виноват, княже, — смутился боярин. — Но зато кузнецы работают, как ты велел. На отдельные куски всю работу разделили, и теперь куда больше успевают. У Максима шестеро парней трудятся. Уже по четыре панциря в месяц выдают.

— Мы с ним не расплатимся, — хмуро ответил глава Денежного Приказа. — У нас, княже, если бы не будущий приход золота от продажи рабов с севера, дело совсем плохо было бы. Мы были бы эти... Как ты это называл?... Слово еще такое затейное... Банкруты, вот! Голодранцы, чтоб понятнее было! Восемь сотен мужиков кормим, да еще сирот почти двести, да еще эти римляне блаженные, которых кроме них самих и не понимает никто. Тысяча ртов, владыка, камнем на шее висит. Лес под новую пашню валим так, что скоро его совсем не останется. Мы тут, пока тебя не было, решили прямые дороги бить через чащу, и новые деревни вдоль них ставить. Иначе в город зерно только по воде везти можно. Опять же, берега приказали очистить, чтобы волочить лады можно было. И если войско перебросить понадобится, это же целая мука. И вот еще что. Зверя в округе и не осталось почти, разбежался весь.

— До лета продержимся? — хмуро спросил Само.

— Должны, — кивнули все. — Соль есть, капусту квасим, как ты научил. Рыбу ловим и солим. Если озимые всходы снегом укроет, то голода не должно быть.

— Мельник не жалуется? Всем доволен? — спросил Само и успокоился, дождавшись утвердительного кивка. Халло с сыновьями ладил водяную мельницу, выкупив по честной цене материал для стройки. Почтенный Збых вернул в казну почти все, что заплатил мельнику князь. Ничего, тот еще заработает...

— А пойдём-ка на полигон сходим! — сказал вдруг князь.

* * *

— Сотня! Упор лежачая принять! — сотник Добран, чью могучую шею украшала серебряная гривна, полученная за храбрость, орал на пополнение, что пришло из верных хорутанских родов. Парни были крепкие, к работе привычные, и воинами стать хотели до зубовного скрежета. Такими, как сотник! Чтобы белый плащ с красной полосой, и чтобы у дома почетный столб со звездой стоял... И чтобы все девки при одном только виде вчерашнего Лавриты или Будимира коленки себе кипятком шпарили.

— Тридцать отжиманий!

Парни тупо сгибали руки, не понимая, какое отношение имеет белый плащ и опшаренные девичьи коленки к каждодневному изматывающему бегу, тасканию камней и подтягиванию на перекладине. И ведь даже оружие еще не давали! А они-то думали!

— Чего разлежся? — орал сотник, который каждое утро бежал вместе с ними, дыша при этом ровно, словно просто гулял по лесу.

— А ты чего мне указываешь? — взвился здоровенный бугай, которому все эти порядки не понравились с первого дня. — Мы в войско пришли! Мой отец и дед в походы ходили, и прадед тоже! И никто из них о таком и не слышал даже! Оружие когда нам дашь, сотник? Чего старые обычаи рушишь? Мы — вольные мужи, а не холопы твои.

Сотня замерла в ожидании, а сотник поднял глаза к небу! Опять! Сейчас начнется действие, обязательное для всех армий мира, и для любого времени.

— Оружие тебе дать, воин? — ласково поинтересовался сотник. — А что ты с ним делать будешь, если тебе его дам? Может, задницу мне надерешь, слабак?

Программа данного разговора была прописана в Уставе, в разделе для десятников и сотников, и была отработана до мелочей. К сожалению младшего и среднего командного состава, калечить и убивать новобранцев в воспитательных целях было строжайше запрещено. В противном случае виновный лишался месячного жалования. Заданный Уставом процесс пока сбоев не давал, и сотник услышал ожидаемый ответ:

— А вот, и надеру!

А что еще мог ответить на глазах своей сотни крепкий детина, только что вылезший из глухой хорутанской деревни на четыре двора?

— Сотня, встать! Смирно! — проорал сотник. — В две шеренги становись! Воину Яниславу копьё принесите! Он меня сейчас им убивать будет!

Десятник принес фрамею, и сунул ее в руки совершенно обалдевшего парня. Сотня загудела, увидев, что командиру принесли обычную палку, а самые умные уже догадались, что мужик с гривной на бычьей шее этого дурня уделает и так. Но с палкой все получится гораздо веселее. Так оно и вышло.

Воин Янислав сжал копьё белыми от напряжения пальцами и начал ходить кругами вокруг сотника, который стоял, обманчиво расслабленный.

— Ха! — сделал воин выпад, на который Добран даже не отреагировал. Он не достал до сотника примерно на локоть.

А вот следующий удар получился, что надо. Ну, почти... Могучий укол, в который провалился новобранец, ушел в пустоту. Сотник лениво отклонился в сторону, перехватил копье и толкнул плечом парня, который повалился в пыль. Фрамея улетела в сторону, а палка в руках сотника стала подниматься и опускаться, с сочным шмяканьем украшая спину бойца кровавыми полосами. Тот тихонько кряхтел, но кричать и не думал. Позор ведь великий слабость показать! Он выдержал избиение до конца, и упал на землю, кусая губы от боли и унижения.

— Чего разлегся, падаль? — услышал он ласковый голос командира. — Встал в строй!

Воин поднялся и, на подгибающихся ногах, пошел на свое место.

— Кто-нибудь еще хочет оружие получить? — многозначительно спросил сотник Добран, поигрывая палкой. — А то вон копье лежит. Никто? Тогда вот вам мое слово. Воин Янислав на неделю идет на кухню, репу чистить и зерно молоть. Ждет, пока спина не заживет. Если бы ты, лысого ежа выпердыш, застонал хоть раз, то уже завтра к мамке в деревню вернулся бы свиней пасти. А так вроде яйца есть, может толк выйти. Чего стоишь, на кухню иди!

Янислав вышел из строя, плаваясь под насмешливыми взглядами товарищей. В спину ему неслись обидные смешки.

— А чего это мы развеселились? — удивился сотник. — Разговорчики в строю? Пятьдесят отжиманий и три круга вокруг лагеря! Это вам вместо ужина! Упор лежа принять!

— Суров ты, Добран! — усмехнулся князь, который подошел сзади.

— Княже! — сотник голову и ударил себя кулаком в грудь. Так их Деметрий научил. — Сам же говорил, тяжело в учении, легко в бою.

— Говорил, да, — согласился князь и повернул голову на шум, доносившийся от города.

— Княже! — заявил запыхавшийся мальчишка из Сиротской Сотни, который прибежал с выпученными глазами. — Там такое! Там такое! Купцы из Бургундии пришли! Тебе самому эту страсть увидеть нужно!

Нотарий Стефан уверенно шел по направлению к Мясному рынку. Он любил бывать здесь, любил людскую толчею, любил шум этого места, и даже его запахи. Тут все было просто и понятно. И люди были простыми и понятными. Здесь не нужно было думать, прежде, чем говоришь и тщательно обдумывать каждое услышанное слово, ища в нем скрытые смыслы и намеки. Здесь белое было белым, а черное черным. И наблюдение за этой жизнью, чрезмерно простой и незатейливой для служащего императорской канцелярии, было для Стефана единственной отдушиной, позволявшей отдохнуть от хитросплетений дворцовых интриг. Август Ираклий был в походе, как и приличествовало императору-воину, а первым лицом Константинополя на время стал куропалат, управляющий дворцовым хозяйством и командующий дворцовой стражей заодно. Он не был евнухом. Напротив, он был младшим братом императора Ираклия, а потому лишённые мужских радостей вельможи только клацали зубами, но покушаться на его власть не решались.

Бывший Форум Феодосия, превращенный указом Августа в место, где продавали скот, находился недалеко от порта Неория, что расположился в заливе Золотой Рог. Сюда везли множество разнообразных животных, и именно на этом рынке их забивали и разделывали. Именно здесь было самое лучшее и самое свежее мясо. Шум и толчея на рынке были прежними, как будто и не было катастрофических поражений от персов. Как будто не была потеряна половина страны. Этих людей вообще мало, что интересовало, кроме еды, выпивки и скачек. Скачки! Большой Цирк был истинным сердцем города. Не императорский дворец, не казармы дворцовой стражи и даже не Святая София. Именно в цирке порой решались судьбы Империи. Тут утверждали на царство новых императоров, тут четыре партии болельщиков могли устроить побоище по поводу проигрыша какого-нибудь наездника. А бывало и такое, что десятки тысяч людей, собравшиеся на скачки, решали начать бунт, и начинали. Даже грандиозное по масштабам восстание Ника, которое чуть не стоило жизни самому Юстиниану Великому, началось именно здесь. И в нем же закончилось, когда солдаты перебили тридцать тысяч бунтовщиков, запертых внутри циркового ристалища.

А вот Стефан не любил скачки. Наверное, он был такой один во всем великом городе. Все эти переживания по поводу того, какая колесница придет первой, казались ему какой-то нелепостью. Лишенный низменных эмоций ножом работоторговца, Стефан имел ум холодный и рассудительный. Карьера нотариуса не была для него пределом мечты, он грезил о большем. А как этого добиться, если сидишь день деньской, занимаясь перепиской, читая отчеты управляющих императорских вилл и запросы из действующей армии? Он не знал ответа на этот вопрос. Гонцы, несущие императорскую почту, сновали по дорогам Империи, подвергаясь нешуточной опасности, ведь только недавно войска Августа отбросили склавинов и авар от Фессалоники. Четыре года всего прошло. Даже страшно подумать, что случилось бы, пади второй город Империи, как уже пали до этого Антиохия, Иерусалим и Александрия. Персы, упрямо насаждавшие поклонение солнцу, были ненавидимы христианами, а потому поклонников кроткого Бога безжалостно убивали. В одном лишь Иерусалиме они перебили семнадцать тысяч человек, а в его округе еще больше. Святые угодники! Богатейшие провинции превращаются в пепелище, опустошенные бесконечной войной. Скучные ручейки податей пересыхали на глазах, а содержание армии чиновников и стоящие невероятных денег дворцовые церемонии, от которых нельзя было отступить ни на

волос, окончательно разорили страну. Ведь подати брали с тех, с кого могли, а не с тех, кому было положено их платить. Ничего не платят Фракия, Иллирия, Македония и Греция. Там поселилось дикое племя склавинов, которое на глазах научилось воевать так, словно были настоящей армией. Эти дикари даже камнеметные машины наострились делать, как с удивлением узнали жители Фессалоники. Сто пятьдесят орудий бросили они, отступая от города. И это варвары!

Варвары! Стефан задумался. А сам-то он кто? Безродный мальчишка из какого-то словенского племени. Он ведь даже и не знает, как это племя называлось. И начальник, протонотарий, тоже не знает, кто его родители. Он был привезен из земель абхазов, которые калечили мальчишек сотнями, продавая их константинопольским купцам. Из их страны и не вывозили больше ничего, кроме этого страшного товара. Нечего оттуда везти, это же просто дикие горы.

Стефан зашел в харчевню, где заказал любимое блюдо — сфунгато. Сложный омлет, пришедший сюда из старого Рима, пережил века. Нотарий любил вкусно покушать. Ведь у евнуха так мало радостей — еда, власть и золото. Они все жили ради этого. А поскольку ни власти, ни золота у Стефана пока не было, он баловал себя по воскресеньям чем-нибудь вкусненьким. Уютное пузико, которым начинал обзаводиться молодой, в принципе, парень лучше всего другого доказывало, что он на верном пути. Он не какой-нибудь рыбак или горшечник, что были тощие, словно прут, и черные от палящего солнца. Он уважаемый человек, который питается вкусно и обильно. Всю неделю он предвкушал этот поход в харчевню на рынке. Он мечтал о нем. Он тщательно взвешивал, чем именно вознаградит себя за очередную тяжелую неделю. Он долго колебался между запеченой свининой и рыбой под пряным соусом, но потом его ум занял сложный салат из мяса птицы и овощей со специями. После тщательных размышлений, он отринул и эту идею. Омлет! Ну, конечно же. Сфунгато! Это было именно то, что нужно. И он съест его именно там, в любимой харчевне на рынке, где блюдо приготовят на его глазах, пока он будет предвкушать прием пищи, смакуя охлажденное вино с острова Хиос. Да, вот оно, настоящее счастье!

Шум рынка остался немного в стороне, потому что Стефан сел в дальнем углу, недалеко от очага и стола, где хозяин лихо управлялся ножом, стуча им по разделочной доске. Стефан сел там, где на него не будут коситься мелкие купцы, солдаты и лавочники. Все-таки евнух, который сильно выделялся в обычной толпе, был несчастным гостем здесь. И кто знает, что у него на уме, и что он подумает, услышав слова подвыпившего завсегдатая. И куда он эти слова понесет...

Стефан любил слушать то, что говорят другие. Ему были забавны их житейские проблемы, семейные неурядицы и удачи в торговле. Он слушал и откладывал услышанное в емкой, тренированной памяти писца, привычного день за днем пропускать через себя потоки информации, нужной и ненужной. А пока он с наслаждением наблюдал, как хозяин мелко режет свинину, распуская мясо на невесомые лепестки. Ведь предвкушение — это половина удовольствия. Свежее мясо стоило недешево. Чернь и солдаты тоже ели мясо, но из-за обилия соли оно было похоже по вкусу на старое седло. И то, его для этого нужно было вымочить в воде, иначе оно напоминало очень соленое старое седло. Но Стефан был выше этого. Сегодня его день, и свинина будет отборной. Сковорода, куда плеснули оливкового масла, весело зашкворчала. Теперь нужно подождать, чтобы она раскалилась. На разогретый металл легло нежное мясо, породив обжигающие масляные брызги. Как будто маслу не нравилось, что к нему в гости пришел кто-то посторонний. Как будто масло сердилось...

Впрочем, вскоре в сковороде наступило перемирие, и розовая свинина стала покрываться коричневой корочкой, которая плотно запечатывала внутри ароматный мясной сок. А повар в это время уже всю крошил морковь, лук и зелень. У него были свои секреты, и в смесь летела щепотка то одной, то другой травки, названия которой никто не знал. Мастер тщательно хранил свои секреты. Вскоре и овощи полетели на сковороду, чтобы смешаться с полуготовым мясом и пропитаться его духом. Разогретое масло снова возмутилось было, громко заворчав и выбросив из сковороды обжигающие капли, но опять успокоилось, приняв неизбежное. А теперь самое главное! Умелый повар не может пропустить это. Ведь тогда он не повар, а гнусный обманщик. Этот повар был хорош. Он взял зубчик чеснока, и раздавил его ножом. Не порезал, как недалекая деревенщина, а именно раздавил. В этом незаметном действии весь смысл! Чеснок тоже полетел в сковороду, наполнив харчевню божественным ароматом, а рты посетителей слюной. В глиняной миске повар взбил яйца, добавив туда молока и специй. Легкая воздушная шапка словно дышала, ожидая своей очереди. Тут нужно было не пропустить момент! Да! Пора! Стефан наслаждался этим зрелищем больше, чем болельщик из Зеленой Партии в тот момент, когда колесница, на которую он поставил свою недельную получку, неслась к финишу первой. Еще не пришла, но уже не было ни малейшего сомнения в обратном. Повар снял сковородку с огня и залил ее взбитыми яйцами. Печь, разогретая с самого утра, приняла сковороду в свою утробу. Осталось всего ничего! Четверть часа, и на стол перед нотарием Стефаном поставят блюдо, которого он ждал всю неделю. Его награду от самого себя, истинный смысл его скучной жизни.

А пока нотариус томился в ожидании, он привычно сортировал слова, фразы и куски разговоров, которыми была наполнена харчевня. Чушь, снова чушь, нелепое вранье... Стоп! Это еще что? Два купца средней руки горячо обсуждали что-то такое, что чушью не было совершенно точно, но и чем-то необычным тоже не являлось. Война же идет. Хотя нет, разговор был крайне необычным...

— Сто двадцать номисм, уважаемый Евсевий! Сто двадцать номисм! Вы представляете? — Смуглый носатый грек, одетый в заштопанную тунику, махал руками в возбуждении.

— За всех троих? — лениво поинтересовался второй собеседник. — Он был более состоятелен, на что указывал цветной талар, надетый поверх туники. Не роскошный, и даже не слишком нарядный, но вполне достойный торговца средней руки.

— За каждого! — горячился первый. — За каждого!

— Однако, Тимофей! — крикнул Евсевий. — Кто-то очень хочет вернуть свою родню из рабства. Небедный человек, наверное. А откуда знаешь об этом?

— Иудеи шептались в Долине Плача, — ответил Тимофей. — Я их речь хорошо понимаю, в Иерусалиме бывал с караванами, пока не попал под персидский набег. Да ты и сам про это знаешь...

— А кого ищут-то? — спросил Евсевий.

— Да я и не понял толком. Так, какие-то обрывки слышал. Вроде баба и двое ее сыновей. Склавини.

— Да кто за этих варваров такие деньги готов платить? — раскрыл рот Евсевий. — Может, какого-то архонта семья? Так он бы уже набег устроил и потребовал семью вернуть. Чудеса какие-то, почтенный Тимофей!

— Сам удивляюсь! — развел руками Тимофей. — Мне бы эти триста шестьдесят номисм, я бы снова на ноги встал. Эх!

Стефан механически жевал принесенное блюдо, не чувствуя вкуса. Баба и двое сыновей. Прямо, как он с матерью и братом. И ведь ищет же кто-то своих родных, последнюю рубашку с себя снять готов. Везет же кому-то! Да за такие деньги весь мир перероют. Все купцы свои сети раскинут, обещая долю от великой награды. А ведь это уже доля, вспыхнула внезапная догадка в голове Стефана. Ведь так и бывает это. Не может разорившийся караванщик, подобравший сплетню на улице, узнать полную сумму обещанного. А это значит, что награда намного, намного больше. Господи помилуй, да у кого такие деньги есть, кроме высшей знати и богатейших купцов? Но тогда при чем здесь какие-то склавини? Воскресный обед был безнадежно испорчен. Стефан с таким же успехом мог съесть рукав собственной туники. Все равно он не чувствовал вкуса. Очарование дня, которого он ждал всю неделю, ушло безвозвратно. Он расплатился, бросив на стол серебряную монетку в полсиликвы, а потом встал и пошел на улицу. Триста шестьдесят золотых! Огромные деньги. Можно купить небольшое, но крепкое имение в Анатолии и жить там в старости. Такие деньги за трех рабов варваров? Это просто неслыханно! Надо осторожно поспрашивать знающих людей. Дело в том, что кроме еды, нотариий Стефан имел еще одну страсть, съедающую его, словно ржавчина съедала старый меч. Он был безумно любопытен.

Он неспешно пошел в сторону Рабского рынка, который носил романтическое название Долина Плача. Не было в этом месте ничего романтического, и не случайно Стефан много лет избегал заходить в этот район, словно не хотел будить старые, давно умершие воспоминания. А ведь тут его и купили, словно дойную корову. Только стоил он в десять раз дороже. Тридцать номисм, он хорошо запомнил эту цифру. Втрое дороже, чем здоровый сильный раб. В Империи уже сто лет, как запрещено было холостить мальчиков, и за это могли казнить. Да только никто не мешал их покупать, а спрос был огромен. Мальчишек калечили сотнями, из которых выживали считанные десятки. Целые фабрики работали по производству евнухов. Целое княжество на Кавказе жило этим промыслом. Не всем везло, как Стефану. У неумелого мастера и вовсе выживал один из тридцати, что вызвало в свое время гнев самого Юстиниана Великого, который запретил заниматься этим ремеслом в своих землях. Но он не запретил делать это врачам при лечении многих заболеваний. И он не запретил покупать евнухов для своего дворца, а многие важные должности занимали именно они, и никто больше. И он не запретил евнухам петь в церковных хорах, как и не запретил им становиться монахами и епископами. Так что указ великого императора остался таковым только на бумаге.

Долина Плача была одним из многочисленных римских форумов, которые практичные жители Константинополя превратили в рынки. Да, собственно, они все до одного стали рынками, даже форум Константина, самый величественный из них. Десятки людей были заперты в клетках, уныло глядя на идущих мимо горожан. Домородные рабы, не видевшие воли никогда, сидели с тупым равнодушием, покорно ожидая своей участи. Их интересовало только одно — попасть в услужение к доброму хозяину, в городское жилище. Работать в поле на немилосердном солнце — избавь господи!

Вот сидит ослепительно красивая, но уже немолодая женщина. Она много лет была любимой наложницей господина и родила ему двоих детей. Она была грамотна, умела играть на кифаре и петь, а потому стоила очень дорого. Интриги более молодой соперницы лишили ее милости хозяина, и он хочет продать ее, разлучив с детьми. Товар непростой, штучный, и торговец взял ее на комиссию, не желая вкладывать свои деньги. Баба вроде бы красивая, но для постели старовата. Ей уже лет тридцать, а то и все тридцать пять.

Интересно, кто ее купит, и для чего...

Вот сидят бабы из племени склавинов вместе с детьми, которых обняли и прижали к себе. Крепкие бабы, привычные к тяжелому труду, холоду и зною. Для работы на виллах подходят прекрасно, а их дети уже и не будут помышлять о воле, превратившись в покорных землепашцев. На селе рабов уже всюю освобождали, превращая в обычных колонов. Рабский труд невыгоден, собирать аренду со свободного крестьянина куда проще. А вот, отдельно сидят мужчины их склавинского племени. Сложный, непокорный товар. Они хороши лишь тогда, когда ворячают весло на императорском дромоне, прикованные цепью. Четыре-пять лет, и труп вчерашнего силача летит в воду. Редко, кто из гребцов жил дольше, чем тридцать пять лет. Сердце не выдерживало огромных нагрузок. Еще склавинов любили покупать для рудников и каменоломен. Срок жизни их там был примерно таким же. Пять лет, и все, нужен следующий раб. А потому этот рынок работал многие столетия и будет работать еще столько же. Ибо такова жизнь.

— Чем могу помочь уважаемому господину? — умильно посмотрел на Стефана купец. — Вам нужна служанка или мальчишка для услуг? Или искусный повар, чтобы усладить вкус господина?

— Нет, — качнул головой Стефан. — Меня интересует один слух. Вроде бы кто-то ищет семью из трех склавинов за вознаграждение.

— Это лучше у иудеев спросить, — потерял интерес к разговору купец. — Я в сказки не верю. Чушь какая-то.

Стефан пошел к группке иудеев, которые стояли в стороне и болтали на своем, ни на что не похожем, древнем наречии. Только они, пользуясь родственными связями, что были невероятно крепки, смогли наладить торговлю с персами. Иудеев ненавидели в Империи, особенно после того, как их отряды присоединились к врагу при взятии Иерусалима. Они выкупали пленных христиан, чтобы убивать их, и этого им простить не могли. Правда, в столице никто не задумывался над тем, как христиане довели до такого зверства мирных и работающих людей. Иудеев совсем недавно стали снова пускать в Константинополь, Август решил договориться с ними ради возвращения южных земель, а потому покровительствовал им.

— Скажите, почтенные, — вежливо обратился Стефан к купцам. — Я слышал, что за трех склавинов объявлена большая награда, по сто двадцать номисм за каждого. Кто может мне рассказать об этом?

— А у тебя самого есть рабы? — презрительно спросил иудей, одним взглядом оценив небогатый наряд евнуха. — Или ты вхож в дом к знатному господину, у которого тысячи рабов?

— Э-э, нет..., - растерялся Стефан.

— Тогда проваливай, — отвернулся купец. — Много вас таких ходит, желающих заработать солид-другой, передав слух дальше. Уходи, парень, тут тебе никто ничего не расскажет.

Униженный Стефан пошел к себе домой, обдумывая услышанное по дороге. Любопытство снесало его. Да и сумма была очень заманчивой. Ему точно не помешают такие деньги. А ведь у него были кое-какие возможности по службе. Узнать бы имена этих людей, а уж с управляющими императорскими виллами он переписывается постоянно. Там трудились тысячи рабов. А ведь еще есть Стратег императорского флота, на кораблях которого трудятся множество гребцов. Нет, тут есть чем позаниматься. А вдруг ему повезет?

— Княже! — заявил запыхавшийся мальчишка из Сиротской Сотни, который прибежал с выпученными глазами. — Там такое! Там такое! Купцы из Бургундии пришли! Тебе самому эту страсть увидеть нужно!

— Что за купцы? — удивился Самослав. — И что там такого необычного случилось?

— Это римляне из Санса, — пояснил мальчишка. — Они тебя ищут!

— Скажи им, пусть сюда идут, — бросил Само, который продолжил наблюдение за тренировками бойцов.

Мальчишка убежал, подняв облако пыли босыми пятками, и через четверть часа привел с собой почтенного купца Приска и огромного воина лет двадцати пяти, покрытого татуировками он шеи до кончиков пальцев, одетого в медвежью шкуру. Голова несчастного животного была надета сверху, словно капюшон, увеличивая и без того высокий рост. Невероятно толстые руки и ноги, напоминающие стволы дерева, не поражали рельефом мускулатуры. Но этот мужик был чудовищно силен, к гадалке не ходи. Сальные рыжеватые волосы были заплетены в две косы, лежащие на широких плечах, а небесно-голубые глаза смотрели на мир просто и прямо, как могут смотреть только пятилетние дети. Его левое ухо было разрублено и срослось неровно, а висок пересекал совсем свежий, еще розовый, шрам. Гигант был настолько колоритным, что даже занятия воинов остановились сами собой. Все разглядывали это чудо, раскрыв рты. Два ноль пять — два ноль семь, мысленно прикинул князь его рост. Он когда-то, бесконечно давно умудрился случайно запомнить, что стандартный кружок византийского солида был около 19 миллиметров, плюс-минус, и кое-как изготовил корявую линейку. Его собственный рост был около ста восьмидесяти сантиметров, как он потом выяснил. Горан был сантиметров на десять выше, примерно, как и покойный Велемир. Но это... Такого человека Самославу видеть живьем до сих пор не доводилось. Ни в этой жизни, ни в той.

— Герцог! — чинно склонился купец.

— Почтенный Приск, — приветствовал его Само на латыни. — Кого это ты привел ко мне? Он выглядит могучим воином.

— Это Сигурд, по кличке Рваное Ухо, из племени данов, — начал было купец, но тут воин, который латынь не понимал, услышал свое имя. Он заговорил на германском наречии, понятном тут многим:

— Я Сигурд Рваное Ухо, сын ярла Эйнара, сына Хьёрдиса, который был сыном Бьёрна, который был сыном Харальда, который был сыном Эги. Кто тот конунг, которому я должен служить?

— Что это сейчас было? — осторожно поинтересовался Само у Приска. Начало не сулило ничего хорошего, ведь князь не любил сюрпризы.

— Как вы знаете, герцог, саксы разбиты, а его величество Хлотарь велел казнить всех, кто ростом выше его меча. Я выкупил этого воина у палачей и привел к вам. Пятьдесят солидов отдал, ровно пятьдесят. И он будет верно служить вам!

— И ты хочешь получить назад свои пятьдесят солидов? — прищурился Само. — Я правильно понимаю? — Такой наивный развод немало позабавил его. За пятьдесят солидов Приск выкупил бы половину войска. Обычный воин-франк таких денег даже во сне не мог видеть.

— Хотел бы, — не стал скромничать купец. — Такого могучего бойца нет ни у кого. Он будет служить вам, пока не спасет вашу жизнь. Таков обычай у его племени.

— Слушай, забирай-ка ты его себе, — решительно сказал Само. — На кой ляд он мне тут сдался? Ты что не видишь по медвежьей шкуре, что это берсерк? Из тех, кто настойку мухомора пьет перед боем, чтобы впасть в боевое безумие.

— Ему не надо пить никаких настоек, — успокоил его купец. — Он и так дурак, каких мало! Забирайте его, ваша светлость, не прогадаете!

— Да не нужен он мне, — отверг Само щедрое предложение. — Тем более за пятьдесят солидов. — Себе возьми, пусть твою жизнь спасает.

— Герцог, вы не понимаете, что теряете! Это самый сильный воин в землях данов! — Приск выжидательно посмотрел на Само, но положительного ответа так и не дождался. — Сорок солидов! Всего сорок, герцог!

— Не нужен! — ледяным тоном отрезал Само.

— Двадцать пять, — опустил плечи Приск. — Возьмите его на службу, ради святого Мартина. Я не могу его забрать в Бургундию. Он же ненормальный, я его боюсь до икоты.

— А где такую шкуру взяли? — перевел разговор на другую тему Самослав. — Судя по запаху, она совсем свежая.

— Он медведя по дороге убил, — унылым голосом ответил купец. — Забрал у стражника копьё и ушел в чащу на полдня.

— Как это, забрал копьё? — выпучили глаза все. — А почему воин свое оружие отдал?

— Вы это потом поймете, — стушевался Приск. — Он просто на него пристально посмотрел и тот сам копьё отдал. В общем, этот дан ушел в лес, а через полдня вернулся со свежей шкурой медведя. Не пристало, говорит, к своему конунгу являться, словно оборванный трэлль.

— Конунг! — снова услышал знакомое слово Сигурд. — Где мой конунг?

— Возьмите его на службу, герцог, — умоляющим тоном попросил купец. — Пошлите его взять в одиночку Константинополь. Я вас уверяю, он его возьмет! Я вас очень прошу! Он же еще стихи на ходу сочиняет. Они называются висы. Это просто ужасно! Он прочитает вису, и они сами откроют ворота.

— Виса! — оживился Сигурд. — Я сложил о нашем походе вису! Хочешь ее услышать, купец?

— Да отпусти ты его, и все! — удивился Само, от души жалея торговца. Приск, услышав о возможности познакомиться с еще одним образчиком скандинавской поэзии, скривился, как от зубной боли. — Пусть домой идет.

— Я бы с радостью, но это невозможно, — совсем потух купец. — Он же клятву Тору дал, что отслужит свое спасение. Он никуда не пойдет! Десять солидов, герцог, всего десять.

— Где тут Медовый Чертог? — спросил вдруг Сигурд. — У конунга должен быть Медовый Чертог, где он пирует со своей дружиной!

Само молчал, раздумывая, куда бы это чудо в медвежьей шкуре пристроить. Приск превратно истолковал его молчание и продолжил торг.

— Возьму солью! — а когда князь снова промолчал, сдался окончательно. — По той цене, что в Бургундии смогу продать. Мне бы хоть свои деньги вернуть!

— Ладно, — кивнул Самослав, а на лице Приска появилось выражение истинного блаженства. — Уговорил. Беру!

Князь посмотрел на дана и перешел на язык кельнских франков.

— Я конунг Самослав. Ты хочешь служить мне?

— Я дал клятву именем Тора, — прогудел воин, — что верну долг. И если я нарушу ее, то буду навечно опозорен. Я буду служить тебе, пока не спасу твою жизнь. Или пока не погибну в бою, покрыв себя славой.

— М-да, — протянул Само. — Тяжелый случай. Во всех смыслах. А скажи мне, отважный Сигурд, к чему мне мертвый дан, покрывший себя бессмертной славой? Какая мне от этого польза? — Сигурд посмотрел на него с непониманием и обидой, а Само продолжил: — Посмотри на этих воинов. Мы тратим долгие месяцы, чтобы научить их воевать. Ты думаешь, мне нужна их героическая гибель? Так ты ошибаешься. Мне нужна победа.

— А что это они делают? — Сигурд удивленно смотрел на поле, где Деметрий муштровал одну из сотен лично.

— Они отрабатывают нападение конных лучников, — любезно пояснил Самослав. — Смотри внимательно!

На поле выбежал первый взвод Сиротской сотни, и построился напротив, натягивая слабые луки. Полусотник по-гречески назывался гемилохаг, или пентекостер. Выговорить такое словене не могли, а потому князь понемногу вводил в обиход привычные ему термины. Взводный, старый седой воин, построил воспитанников. Мальчишки были в восторге, это было их любимое упражнение. Они же будут стрелять по настоящим воинам. У каждого был колчан тупых стрел. Ну, почти тупых...

— Сотня! — орал Деметрий. — Атака аварских лучников! Каждая десятая стрела — с острым концом. Кто получит рану, будет месяц репу чистить! Взводный! Готов? Через десять счетов — стреляй! Сотня! Черепеха!

Воины сноровисто положили skutумы на головы, придерживая их руками, а передний ряд поднял свои щиты до уровня макушки, построив нечто, похожее на коробку из-под торта и черепичную крышу одновременно. Через несколько секунд по щитам начал барабанить ливень стрел. Каждый из мальчишек должен выпустить полный колчан, тридцать штук. Кривые стрелы, без наконечника и оперения, не стоили ничего. Мальчишки их делали сами. Их задачей было всего лишь приучить воинов держаться при обстреле. Вскоре все закончилось, и счастливые дети убежали рысцой, построившись в колонну по два.

— Сотня! Идет тяжелая конница! Фулкон! До упора!

Старое римское построение, было рассчитано на атаку тяжелой конницы того времени, не использовавшей таранного удара. Первые два ряда поставили щиты один над другим, держа эту преграду плечами. Копья тупым концом воткнули в землю, образовав колючую преграду. Третий ряд должен был бить своими копьями между щитов, а задние ряды начали метать дротики через их головы. В обычном бою через головы щитоносцев псылы пускали навесом стрелы, рая всадников и лошадей.

— У меня нет слов, герцог, — вымолвил, наконец, пораженный Приск. Не менее удивленный Сигурд задумчиво сопел рядом. — Я слышал сказки про легионы старых римских императоров. Но все считают, что повторить это невозможно, ведь те времена давно ушли. С кем вы собираетесь воевать?

— С аварским каганом, — пояснил Само. — В следующем году.

— Спаси вас святой Мартин! — выпучил глаза Приск и перекрестился. — Ведь авары — это звери из преисподней, присланные на землю за грехи наши! Даже великий король Сигиберт попал к ним в плен и заплатил огромный выкуп! И баварский герцог Гарибальд едва унес от них ноги. Ваша светлость, вы собираетесь умереть?

— Мы собираемся победить, — просто ответил Самослав. — У нас нет другого выбора. Иначе тут не останется ничего из того, что вы видите вокруг себя. И никого из тех, кого вы знаете. Нас всех просто убьют.

Две недели спустя.

Кузнечная слобода разрасталась. Лотар растерянно ходил по зданию кузни, где все еще пахло свежим деревом. Наковальня, молоты, клещи и другие инструменты выдал ему боярин Лют, и уже можно было начинать работать. Кузню ему давало княжество, а он должен был за три года выплатить ее цену. Железо тоже будет ему продавать казна, как и уголь. Расценки за работу, правда, невелики были, но подмастерий тоже давали от казны. Лотар не мог поверить своему счастью. Неужели он настоящим мастером станет, хозяином собственной кузни, и земли под ней. Ведь сколько лет он бесплатно горбатился, веря пустым обещаниям.

— Здравствуй, Лотар! — услышал он знакомый голос, который вывел его из раздумий.

— Ваша светлость! — кузнец склонился в глубоком поклоне. — Для меня большая честь видеть вас.

— Ты все получил, что нужно для работы? — спросил его князь.

— Да, господин, — кивнул кузнец. — Граф Лют мне выдал все, что нужно. Как я буду получать заказы на работу? Ведь я тут никого не знаю.

— На ближайшие полгода у тебя только один заказ, — ответил Самослав. — И твоим заказчиком буду только я. Сколько стоит меч?

— Меч стоит семь солидов, господин, — уверенно ответил кузнец.

— Почему так дорого? — нахмурился Самослав. — Я же даю тебе людей, кормлю их, и железо тоже мое.

— Семь солидов меч стоит в Париже и Орлеане, — пояснил мастер. — За работу я возьму не меньше трех тремиссов. Это очень тонкая работа, ваша светлость. Сначала берется прут из мягкого железа, на него навариваются листы из железа твердого. Потом заготовка вытягивается ковкой. Потом идет нагрев, закалка и отпуск. И все это может повторяться несколько раз. Потом меч нужно шлифовать. Это работа не на одну неделю, а потому не может быть дешевой. Иначе такой меч просто согнется при ударе, а воин погибнет.

— Да, мне это все уже говорили, — поморщился князь. — Думал, может ты, как хороший мастер, что-то предложишь. Значит не зря они тут копьями и топорами воюют. Ладно, не судьба... Слушай задачу, мастер. Мне нужно вооружить восемь сотен воинов. Мечей у них на всех десятка три, и те с убитых баварцев сняли. Есть ножи, но они все разные. Мне нужно что-то простое и дешевое. То, чем можно вооружить пехоту.

— Можно сделать большие саксы, — осторожно сказал кузнец. — Если их сделать длиннее обычных, в полтора локтя (67 см), то таким ножом можно не хуже меча работать. Я пару раз выполнял такие заказы. Это будет намного проще и быстрее. И стоит он совсем недорого, ваша светлость.

— Фальшон! — выдохнул в озарении князь, не обращая внимания на удивленного донельзя кузнеца. Это оружие и родилось из обычного германского ножа, и было куда дешевле, чем меч. — Ну, конечно же. Сделаешь мне к весне восемь сотен таких ножей, и твой долг закрыт. Бери людей, сколько нужно, но сделай! Понял!

— Понял, ваша светлость! — сглотнул слюну мастер. — Непременно сделаю! А что такое фальшон? Я и слова такого никогда не слышал.

— Это большой сакс с тяжелым и острым концом. Полтора локтя, или чуть длиннее, — пояснил Самослав. — Он должен быть пригоден и для укола, и для рубки.

— Я, кажется, понял, что вам нужно, ваша светлость, — задумался мастер. — Я сделаю образец через пару дней. Нужно будет опробовать. Если я правильно вас понял, то таким ножом можно будет отрубить руку. А обычным саксом этого сделать никак получится.

Два дня пролетели в трудах и заботах. Их и не заметили. Князь вместе с легатом Деметрием осматривали грубую заготовку здоровенного ножа, шириной на конце почти в ладонь. Этот конец сходился потом в хищное жало острия. Огромный тесак оказался довольно удобным, и Деметрий пробовал выполнить им тот или иной удар, шевеля в задумчивости губами.

— Ну что? — спросил Само.

— На удивление, вполне неплохо, ваша светлость, — ответил, наконец, Деметрий. — Если пытаться биться им как обычным ножом — полное дерьмо, скорость будет очень низкой. И для укола в плотном строю подходит не слишком хорошо. Хуже, чем меч, но рана от такого удара будет страшной. Точнее, раненых после этого ножа почти не будет, они быстро кровью истекут. А вот рубить им очень удобно, конец тяжелый. Думаю, я таким ножом даже смогу рассечь кольчугу. Надо будет попробовать.

— Так что? Нам это подходит? — нетерпеливо спросил Само, безумно гордый тем прогрессом, который он привнес в местное военное дело.

— Нет! — отрезал Деметрий. — Нашим парням умения не хватит ножом с таким балансом работать. Этот я себе возьму, а для воинов нужно сделать германский лангсакс с одним лезвием и толстым обухом. В тесном строю, где нужно колоть, а не рубить, это то, что нужно. А как разбогатеем, будем мечи ковать.

— Восемь сотен до лета, Лотар, — повернулся князь к кузнецу, который понятливо кивал головой. Собственно, именно это он и предлагал с самого начала. — Восемь сотен таких ножей, и эта кузница твоя. И земля под ней твоя. И вообще, тогда проси у меня все, что хочешь.

— Мне бы жениться, ваша светлость, — смущенно сказал Лотар. — Девушка одна мне люба, да только ее за меня не отдадут. Она самого мельника дочь, а у меня пока ни кола, ни двора.

— Это которая дочь? Кунигунда или Эльфрида? — со знанием дела спросил князь, который ехал с ними в обозе почти два месяца. — Советую взять Фриду, у нее характер не такой противный.

— Да! — радостно замотал башкой Лотар, и на его лице появилось дурацкое мечтательное выражение. Дочь мельника, обладательница необъятной задницы и арбузных сисек, считалась тут неопикуемой красавицей, и была объектом всеобщих вздыханий. Она знала себе цену, и абы кого в мужья себе не хотела. — Фрида!

— Ну, Фрида, так Фрида, — равнодушно пожал плечами князь, у которого были свои понятия о красоте. Его собственную жену многие местные по простоте душевной принимали за живое воплощение германской богини Фрейи, и обычной женщиной не считали. Особенно, когда следом за ней шел исполинских размеров охранник-дан в медвежьей шкуре и с огромной секирой на плече. Он тоже разделял мнение большинства и своей службой безумно гордился. Боги и богини перемешались в многоязычном городе самым причудливым образом, и даже святой Мартин постепенно становился для словен чем-то вроде германского Одина. Просто еще один чужеземный бог, которому можно на всякий случай принести

жертвы. И никакого противоречия никто из горожан в этом не видел. Ведь чем больше богов, тем лучше. Кто-нибудь, да поможет. Князь Самослав, как верховный жрец, и сам продвигал подобную идею, внедряя в массы культ христианского святого. У него были долгосрочные планы.

— Когда дом поставишь, я твоим сватом буду, — пообещал князь. — Эльфрида — твоя, обещаю. Думаю, почтенный мельник Халло не откажет мне в такой малости.

— Пять толковых парней, ваша светлость, — облизал пересохшие губы кузнец. — Мне нужно пять сильных толковых парней. И я сделаю до лета восемь сотен таких ножей, даже если мне вообще не придется спать.

— Есть одно условие, Лотар, — сказал князь. — Восемь сотен ножей должны сделать твои подмастерья. Ты же будешь делать доспехи для меня и лучших воинов. Для начала нужно приодеть в железо одного мальчика. Кольчуга с пластинами, как у меня, шлем с назатыльником и забралом, наручи, поножи. Он с ног до головы должен быть в железо закован.

— Мальчика? — выпучил глаза Лотар. — Что еще за мальчик?

— Сигурд, заходи! — крикнул Само.

Незаметно наступил год тридцать девятый царствования короля Хлотаря II, или шестьсот двадцать третий от Рождества Христова. Впрочем, последняя дата была пока известна немногим, и еще не вошла в широкий обиход. Последние мирные месяцы в словенских землях. Грозные всадники, собранные из разных племен под знаменами родов уар и хуни, уже обратили свой взгляд на запад.

Князь Самослав ломал голову над тем, как прожить до следующей зимы. Впереди была война, ведь авары не были слепыми и глухими. Их разъезды замечали довольно часто. Они подъезжали к засекам, что понаделал в пограничных землях Дражко, удивленно крутили головами, и скакали вдоль леса, где внезапно исчезли знакомые тропы, а под ноги могла прилететь стрела, что вежливо просила непрошенных гостей уйти подобру-поздорову. Проблема была только в том, что никакими гостями в этих землях авары себя не считали. Они были тут хозяевами. А потому пустеющие на глазах деревеньки, где они привыкли брать зерно, приводили их в немалое изумление. Ведь это они пригнали хорутан в эти земли четверть века назад. Конники пытались идти на запад, туда, куда уходили их рабы, но неизменно упирались в глухую чащу. Привычные лесные дороги оказывались заваленными упавшими деревьями или были заплетены кустарником и молодыми деревьями, которые срослись в самые причудливые фигуры, намертво перекрывая проход коннице. Впрочем, несколько юношей, пылавших гневом, прорубались через эти заросли только для того, чтобы упасть в волчью яму и умереть на колыях вместе со своим конем. Все это для благородных всадников было неслыханной дерзостью, и вести полетели к самому тудуну. Тудун Тоногой, наместник великого кагана в тех землях, тоже не был слепым и глухим. Он уже знал, что где-то на западе какой-то наглый мальчишка поставил город, устроил торг и неслыханно разбогател, найдя залежи соли. Его соглядатаи из мораван, что были на том торге, доложили все в мельчайших подробностях. Вот только место, где добывалась соль, так и осталось неизвестным, но это уже не имело ни малейшего значения. Поход на запад будет весной, по свежей траве. Тудун возьмет верные племена всадников и примерно накажет наглецов. Он обойдется своими силами. Великому кагану неинтересна мелкая возня в этих глухих лесах. Его цель — Константинополь. В его хринге день и ночь куют оружие, а вожди словенских племен из бывших имперских провинций Фракия, Македония и Иллирия ждут приказа выступить. «Семь племен», которым великий каган пожаловал для поселения Фракию, готовили в низовьях Дуная сотни кораблей-однодеревок, которые греки называли моноксилами. Они станут главной ударной силой в том походе. Они ворвутся в Константинополь с моря, пока другие вожди погонят своих людей на стены огромного города, который до сих пор не покорился никому. У великого кагана и планы были великие, он не станет вникать в такие мелочи, как очередной набег на земли обнаглевших хорутан. Ему на это наплевать.

Именно об этом размышлял князь Самослав, который тоже получал информацию от тех же самых мораван, которые не видели ничего зазорного в том, чтобы за десяток-другой фунтов соли рассказать все, что знают. Ведь отказ от сотрудничества подразумевал более близкое знакомство с могучим полуседым мужиком, сверкавшим суровым взглядом из-под кустистых бровей. Им, этим человеком, который оказался главой Тайного Приказа, в

словенских землях уже начинали пугать детей, а лазутчики — мораване не настолько сильно любили своих хозяев — авар. Соль они любили куда больше.

Ледяная поземка понесла снежную крупу над окаменевшей землей. Богиня Морана вступала в свои права, отделяя холодом и тьмой одно лето от другого. Еще не выпал снег, но лужи уже затянуло тончайшей паутиной льда, острого, словно лезвие ножа. Уже холодно было босым ногам даже для привычных словен, что обували кожаные поршни мехом внутрь.

Жизнь, что, казалось, должна была затихнуть до самого тепла, в городе была ключом. Грохот в Кузнечной слободе утихал только к ночи. Там неугомонный мастер Лотар, что пришел из земель франков, не давал жизни соседям. Бил и бил по своей наковальне вместе со своими помощниками, когда приличные люди уже спать ложатся. Только его молодая жена и выручает. Красавица Эльфрида, в которой кузнец души не чаял, уводит его домой, даря покой всей слободе.

Заработали ткачи из Лугдунума, что потом станет Лионом. Два десятка девок, отданных в обучение, работают у них. Сам князь осмотрел, как боярин Лют работу наладил, и весьма доволен остался. Они девки лен треплют, другие вычесывают, третьи — нитки сучат, а четвертые ткут. Князь мудреным словом обозвал длинный сарай, где пришлые римляне работали — мануфактура. И слово это понемногу приживаться стало.

А воины все продолжали свои бесконечные упражнения, превращаясь из толпы крепких и храбрых деревенских парней в группу, жестко спаянную дисциплиной и страхом. Страхом потерять место среди воинов, статус которых в местном обществе стал куда выше, чем у простых землепашцев. И вот, что удивительно. И пяти лет не прошло, как все завертелось, а никто уже старые времена и не вспоминает. Как будто и не было их вовсе. И никого уже не удивляет сотник из вчерашних воев, который ходит вдоль строя и орет:

— Работа со щитом! По команде щит поднять, на три точки упереть! Голень, левое плечо, правая рука с ножом! Подхожу к каждому и бью ногой! Кто ушами прохлопает, станется без зубов!

Воины напряженно молчали. Они и не думали, что щитом правильно укрыться — наука тоньше, чем у бабы с иглой. Вроде бы щит и щит! Да только skutum имперский тяжел неимоверно и держать его нужно опущенной вниз рукой, иначе через четверть часа без сил останешься. И если не удержишь, как сотник сказал, при сшибке с врагом передние зубы долой и нос превратится в кровавую кашу.

Лучники делают свою сотню выстрелов по мишеням из соломы. Пришлый кочевник-болгарин, который попал сюда какими-то неведомыми путями, учил их стрелять с самого начала. Как-то так получалось, что парни, которые с луком охотились с малых лет, ничего о нем и не знают толком. Он, этот болгарин, молча вдоль строя ходит. Кому плечо развернет, кому ноги по-другому поставит, а у кого и вовсе тугой лук отберет и слабый велит взять. Рано еще.

Своя жизнь шла и в Соляном городке. Малый острог разломали и пустили на постройку домов. То место было не узнать. Две тяжелые каменные башни возвышались над долиной, омываемой горной речушкой Солянкой. Квадратная крепость, которая должна была превратить высоченный холм в абсолютно неприступную твердыню, понемногу росла. Десятки людей рубили камень, таскали камень, укладывали камень на раствор... Целые семьи пережигали известняк, который везли в корзинах к стройке. Мастер Галл, который всю свою жизнь строил только церкви и монастыри, сложил башни высотой тридцать локтей, украшенные зубцами в рост человека. Да эти башни сами по себе были очень

серьезным сооружением, а их тут было уже две, и они споро соединялись крепостной стеной, которая скоро запрет вход на гору. А потом черед придет и для остальной части города. Когда он закончит, во всем мире не будет силы, которая сможет взять эту крепость. Только осада или предательство...

Соляная пещера стала домом для десятков новых пленников, которые попали сюда навсегда. Узкий выход, перегороженный деревянной решеткой, охраняла стража с псами-алаунтами, которых нагаскивали на кровь, выпуская на волю особо упрямых рабов. Изгоев из словен, шедших с востока, сразу селили в окрестностях городка, собирая из них деревеньки и верви. Так уж получилось, что соляную пещеру пополняли непонятные личности, которых приводили с обозом из самого Новгорода или ловили в округе. Странные мужики, молодые и старые, мелкие купцы и охотники, воины и крестьяне. Им всем было нужно только одно — они хотели знать, где добывают ту соль, что расползалась по Европе в десятках караванов. И все они хотели получить награду, в чем чистосердечно признавались, когда каленое железо дознавателя убеждало их в полной серьезности намерений. И все они княжеским судом в лице боярина Горана приговаривались к бессрочной каторге в том самом месте, которое так хотели найти.

Глава Тайного Приказа сбился с ног, допрашивая с пристрастием одного лазутчика за другим, но обострившаяся интуиция подсказывала, что он не успевает. С каждым разом они подбирались к Соляному городку все ближе, и уже десяток их поймали в окрестностях города секреты, которые выставял тамошний жупан. Свирепые псы, что служили там наряду с людьми, оказались просто бесценны. Большую часть соглядатаев поймали именно они, и теперь соль рубили почти исключительно те, кто слишком сильно хотел узнать о секретах молодого княжества.

Дороги, что решили пробить Лют и Збых, начали прокладывать именно туда, к Соляному городку, потому что сохранение секретности становилось все более и более эфемерным, а работы тут было не на один год. Окрестности Новгорода заселялись так плотно, что деревни уже уходили в сторону от рек, где начали бить незнакомые еще совсем недавно колодцы. Словенская деревня, и не на берегу реки — это было что-то совсем непривычное, но зато внезапно выяснилось, что земель то свободных еще — ого-го! И десятки семей, что приходили сюда из аварского пограничья, приписывались к вервям, а старосты обкладывали их податью. Земли вокруг столицы налоги платили зерном. Зверя тут почти не стало, а ненасытный город, в котором что ни день, строился новый дом, требовал хлеба все больше и больше. И тысяча ртов, что была войском князя, тоже требовала немало. Само, подумав заранее, прихватил немало земель в личное пользование, и заселил те земли арендаторами, которые и кормили воинов, поставляя пшеницу и ячмень. Кормить столько народа — нелегкое дело.

А еще повелел князь бить дороги не только на юг, но и на восток. От переправы до переправы через мелкие речушки, впадавшие в великий Дунай. Туда, куда пойдет вскоре его армия. Каждая вервь получила свой участок и срок, к которому на этом месте не должно было остаться ни одного пенька и ни одного торчащего корня. Зима длинная, будет, чем заняться до самой посевной. Ведь времени оставалось все меньше и меньше...

Поезд из трех саней и двух десятков всадников подкатил к воротам Ратисбоны, которые гостеприимно распахнулись перед дорогим соседом — герцогом вендов Самославом. Неудачный поход на восток многими тут вспоминался как дурной сон и немилость богов, а вот хлынувшая на рынок соль и бойкая торговля, приносившая горожанам весьма приличные

барыши, окончательно растопили лед между двумя народами. Кое-какая злость была, не без этого, но так ведь и жизнь не стоит на месте. Надо торговать и зарабатывать, а не вспоминать то, что давно прошло.

Длинный деревянный сарай, который служил резиденцией для герцога Гарибальда, стал больше и помпезнее. Ну, если так можно выразиться. Внутри появилась резная мебель и расшитые гобелены, что везли сюда окольными путями через Арль и Марсель ромейские купцы. Завешанные кричаще-яркими тряпками стены лучше всяких слов доказывали, что семья герцога может позволить себе жить не только в роскоши, но и в тепле. Дорогущие гобелены прекрасно справлялись со сквозняками, что мучили всех без исключения обитателей деревянных домов, герцог он там или не герцог.

Гарибальд раскинул в приветствии руки.

— Друг мой! Рад видеть! Твой гонец предупредил о приезде, я ждал тебя. Как дорога?

— Неплохо, дружище, неплохо, — кивнул Само, снимая теплый плащ, подбитый мехом. — Лед уже стал, и снег неглубокий. Мы ночевали в деревнях, так что добрались без происшествий.

— У меня есть для тебя новости, — сказал Гарибальд, серьезно глядя на соседа. — И они не слишком приятные.

— Хлотарь? — догадался Само.

— Да! — подтвердил герцог. — Он уже знает, где ты добываешь соль, и следующим летом наведается к тебе со своей армией.

— Как же не вовремя, — поморщился Само.

— Что такое? — удивился герцог. — Не вовремя? У тебя что, есть дела поважнее?

— Да, — признался Самослав, — есть. Война с аварами.

— Порази меня молния Донара! — едва выговорил Гарибальд. — А ты умеешь выбирать себе врагов. Не скучно с тобой, сосед.

— У меня для тебя тоже новости есть, друг мой, — сказал Само с невероятно скорбным лицом. — Я приносил жертвы Яровиту, это который ваш бог Циу, и было мне видение.

— Да ладно! — раскрыл рот Гарибальд. — Пойдем-ка за стол. У меня есть отличное вино из Бургундии. Там и обсудим. Видение! Подумать только!

— И о чем оно? — жадно спросил Гарибальд, когда первый кубок был влит в глотку герцога. Багряные капли висели на рыжей бороде, что была гордостью герцога. Густая поросль на лице доставала почти до пупа.

— О тебе друг мой, о тебе! — скорбно сказал Само. — Привиделось мне, что кто-то рядом с тобой, очень близкий, подбивает тебя цены на соль поднять. Этот кто-то очень глупый и жадный. И закончится это все очень плохо.

— А? — Гарибальд округлил в изумлении глаза, не обращая внимания на графа Гримберта, который сидел рядом с отсутствующим видом и изучал дно опустевшего кубка. Он-то как раз прекрасно понимал, что если вдвое поднять цену на соль, то денег в казне не станет ровно вдвое больше. А вот внезапно скончаться от переизбытка железа в организме можно запросто. И он уже отчаялся донести эту мысль до своего недалекого сюзерена. Хорошо, что соседний герцог не обижает его, засылая иногда десяток-другой отборных соболей. Просто так, в подарок. Небольшой, ни к чему не обязывающий знак внимания...

— И чем это закончится? — выдавил Гарибальд горячо волнуящий его вопрос.

— Сожгут тебя прямо в этом доме, — хладнокровно ответил Самослав, обгрызая куриную ногу. — Цыпленок удался, Гарибальд. Очень нежный. Вместе со всей семьей

сожгут. Двери запрут, хворостом обложат и сожгут. Ты, твоя жена, твой сын Теодон — вы все погибнете. Нет, правда, отменный цыпленок!

— Тебе это сам бог сказал? — жадно впился взглядом в сотрапезника Гарибальд.

— Нет, — покачал головой Само. — Просто на капище видение было. Просто видел все это так ясно, как тебя сейчас. А потом молния ударила. Я и подумал — знамение! Надо в Ратисбону ехать, предупредить дорогого друга.

— Молния? — раскрыл рот Гарибальд. — Зимой?

— Да я сам сначала не поверил! — убедительно ответил Само, который даже вспотел. Не завратся бы. Да и Гримберт, который слил ему эту информацию, начинает странно посматривать и морщиться. Граф был весьма неглуп.

— Подожди меня! — сказал вдруг Гарибальд. — Я быстро.

Он отошел в дальний конец дома, откуда вдруг раздались звуки глухих ударов и женские крики. Дом-то был деревянным, и слышимость в нем была отменной. Герцог вернулся к столу, задумчиво потирая руку.

— Герцогиня Гайла к нам не выйдет, — сообщил он. — Ей нездоровится. Гримберт вот тоже всю голову мне пробил. Говорит, что непременно бунт будет, если цены поднять. Ладно, с солью вопрос решен. Раз уж видение было... Но вот что с франками будем делать? Хлотарь — опасная сволочь. Он только что саксов разбил, поэтому войско соберет легко. Ему стоит лишь в ладоши хлопнуть, и тысячи воинов придут.

— А тебе-то что за забота? — притворно удивился Самослав. — Со мной же воевать пойдут, не с тобой.

— Ты не понимаешь, — наклонился к нему Гарибальд и впился ему в лицо злым взглядом. — Да если я их сюда пушу, они всю страну разорят. Франки свои собственные земли хуже саранчи объедают, когда армия в поход идет. Там крестьяне не знают, где своя армия, а где вражеская. Для франков все римляне — чужаки. А раз чужак, значит можно грабить. Ты что не слышал, как сестру короля Хлотаря к жениху везли?^[4]

— Что-то такое было..., — судорожно вспоминал Само прочитанное еще в прошлой жизни. Какая-то совершенно гадкая история... Да почти все, что было связано с покойным королем Хильпериком, отцом Хлотаря, было омерзительным. Покойный король был настолько выдающимся отморозком, что выделялся даже в то нелегкое время.

— А ты поинтересуйся на досуге, — ледяным тоном сказал герцог. — С ней четыре тысячи мужей шло, чтобы в Испанию ее к жениху доставить, а папаша Хлотаря повелел им все нужное самим по дороге взять. Ну, они и взяли... Пока эту потаскуху от Парижа до Тулузы довели, от Аквитании один пепел остался. Франки по дороге все монастыри и церкви разграбили. Что с монашками сделали, нужно рассказать или сам догадаешься?

— Забавно..., — протянул Самослав. — Ну и порядки там у них.

— Вот поэтому я и не хочу, чтобы они пришли сюда, — мрачно ответил Гарибальд. — Потому что тогда и торговле нашей конец. Хлотарь соляные копи себе заберет, будь уверен. Что делать-то будем?

— Что делать будем? — Само в задумчивости барабанил пальцами по столу. — Войну будем останавливать, вот что! Я слышал, тебя тут постоянно епископы из Бургундии и Австразии домогаются? Всё хотят Баварию крестить.

— Есть такое дело, — кивнул головой Гарибальд. — А ты что, тоже креститься вздумал?

— С ума сошел? — удивился князь. — У меня войско бога Яровита почитает, как и у

тебя. Как я креститься могу? Мы сделаем святым отцам предложение, от которого они не смогут отказаться.

— Вот можешь же ты красиво сказать! — завистливо произнес Гарибальд. — Надо будет запомнить. Мои графы просто от лопнут от зависти. А то ведь не поверишь, деревня деревней, иногда даже стыдно за них бывает.

Три недели спустя. Мец. Австрия.

Епископ Меца Арнульф прибыл со службы в богатом возке, украшенном резьбой и позолотой. Горожане, увидев кортеж самого могущественного человека Австрии, издали снимали шапки и кланялись. Епископ с тоской смотрел на выпавший молодой снежок и мечтал о том, чтобы сесть на коня и взбить этот снег копытами. Но нельзя, прихожане не поймут. Такую вольность он может себе позволить только тогда, когда уезжает в свои владения за Маас. Там всем на это плевать, в тех землях христиан немного, а те, что есть, не сильно от язычников отличаются. Эх! Выйти бы с тяжелым копьем на кабана так, чтобы по-молодому вскипела кровь... Нечасто он может себе это позволить. Да и грех для священнослужителя кровь проливать. Арнульф был человеком верующим. Он не был суеверным язычником под тончайшей оболочкой христианства, как остальные франки. Он и, правда, верил в Христа и его заветы. Ну, а то, что нарушал их почти всю свою сознательную жизнь, так он же не господь бог. Он всего лишь слабый человек, подверженный страстям мирским. Он за то на себя епитимью налагает и кается. Авторитет епископа Арнульфа был таков, что король Дагоберт его ближайшим советником сделал. Так они с лучшим другом Пипином, который стал майордомом, и руководили Австрией, пока мальчишка король табунам девок юбки задирали, не зная в этом ни стыда, ни меры.

Арнульф и Пипин уже и детей сговорили. Анзегизель и Бегга поженятся, как только в полный возраст войдут. Почтенный епископ и не знал, что его собственный внук от этого брака станет прародителем целой плеяды выдающихся личностей, таких, как Карл Мартелл, остановивший натиск арабов на Европу, Пипин Короткий, который отправит в небытие вконец выродившихся Меровингов, и Карл Великий, возродивший Империю на Западе. Он не знал об этом и просто смотрел на выпавший снег, подъезжая к дому, который был немногим меньше, чем королевский дворец.

— Ваше преосвященство, — склонился сенешалк, которого епископ завел себе, подражая королевскому двору. — Вас ждут.

— Кто? — удивился епископ. Немногие могли вот так вот запросто зайти в дом к одному из шести патриархов галльской церкви. Тогда на Западе еще было это звание.

— Герцог Баварии Гарибальд, — пояснил сенешалк.

— Что??? — изумился епископ. — Веди его в трапезную. И вели подать обед.

— Слушаюсь, господин, — склонился слуга.

Герцог удивил епископа Арнульфа лохматой рыжей шевелюрой и длинной густой бородой. Плечистый крепыш с красными от морозца щеками склонил голову. Арнульф хотел было благословить его, но осекся, поморщившись. Гарибальд был язычником, как и многие подданные его величества. Даже тюринги и алеманы, управляемые королевскими графами, еще верили в старых богов. Что уж говорить про баваров, которые жили наособицу, лишь на словах выражая покорность. Налогов в казну они не платили, на церковь не жертвовали. Дикари, да и только...

— Раздели со мной стол, — предложил Арнульф, и Гарибальд благодарно кивнул. Древний, как сама земля, обычай германцев не позволял вредить тому, с кем преломил хлеб. Даже христианство не могло победить то, что впиталось с молоком матери.

— Благослови, господи, эту трапезу, — епископ перекрестил стол, и они с герцогом

начали молча насыщаться. Что за разговоры на пустой желудок? Меды и наливки водопадом лились в глотки двух герцогов. Одного настоящего, а другого — сложившего с себя этот титул. Никто из них не был замечен в аскезе.

— Говори, — епископ сыто рыгнул и откинулся в кресле.

— Я, святой отец, пришел поговорить о том, как нам жить дальше, — осторожно начал Гарибальд, вспоминая все, что вколотил в его голову хитроумный сосед. Несколько вариантов разговора они отработали, и на каждый из них был готов свой сценарий.

— Что ты имеешь в виду? — поднял бровь епископ.

— Его величество поход в восточные земли затевает, — сказал Гарибальд.

— Ну, и что? — посмотрел на него из-под бровей Арнульф. — И ты, как верный его подданный, тоже войско готовь. Или опять, как в прошлый раз, отсидеться в своих лесах решил? В этот раз не выйдет. Его величество двадцать тысяч воинов может привести.

— Не нужна мне эта война, — хмуро сказал Гарибальд. — Франки прежде всего мои земли разорят. Венды свои дома сожгут и в леса уйдут. Вы там ни зернышка не найдете. Я уже воевал с ними, еле ноги унес. Пройдет месяц, и эта армия начнет от поноса и голода дохнуть, как в том походе на лангобардов. Двадцать герцогов из Австразии свои войска через Альпы повели. Много ли воинов назад вернулось?

Арнульф зло засопел. В том походе был его отец. Война тогда, и впрямь, не задалась. Тысячи воинов от болезней погибли, а еще больше — на обратном пути, когда их озверевшие горцы перебили, которых они до этого ограбили до нитки.

— В этот раз то же самое будет, — пообещал Гарибальд. — Мои люди не римляне. Они терпеть не станут, когда франки их грабить начнут. Меня зарежут, нового герцога выберут, и франкам в спину ударят. Не вернется эта армия домой, епископ.

— Ты смеешь угрожаешь, нечестивец? — налился кровью Арнульф, и начал приподниматься в кресле. — Смотри, я и забыть могу, что хлеб с тобой преломил!

— Не гневайся, святой отец! Ведь Бог есть любовь, помнишь? — торжественно сказал Гарибальд фразу, от которой ржал, как жеребец. Пришлось поверить на слово герцогу вендов. Он сказал, что она должна помочь, когда епископ выйдет из себя.

— Чего??? — Арнульф упал в кресло и захлопал глазами в изумлении. — Ты сам понял, что сказал сейчас, несчастный язычник?

— Бог есть любовь, святой отец, — почтительно ответил Гарибальд, удивляясь про себя чудодейственной силе дурацкой фразы.

— Ты святого апостола Иоанна поминаешь? — епископ не находил слов. — Да ты откуда эти слова знаешь?

— Проповедник ко мне заходил как-то, и заронил сомнения в душе моей, святой отец, — сказал герцог, внимательно разглядывая грязные ногти на руках. — Останови эту войну, епископ. Тысячи людей в живых останутся. И воздастся тебе за это и на этом свете, и на том.

— Да что ты такое несешь, герцог? — придушенным голосом спросил Арнульф. — Ты в Христа уверовал, что ли?

— Пока нет, — честно признался герцог. — Но уже подумываю об этом. Народ мой погряз в заблуждениях, дикий у меня народ, сам знаешь.

— Дикий, да..., — епископ был ошарашен. И тут герцог его добил.

— А скажи мне, святой отец, если король Хлотарь в той войне победит, каково в Галлии знатным людям будет? Не станет ли тут как при королеве Брунгильде? Хлотарь до

того силен будет, что на вас и внимания не обратит больше. Вы не герцогами станете, а его лейдами, что у него с руки едят. Получается, побьют его — плохо, и победит он — тоже плохо. А вот святая церковь выиграть может, и немало.

— Переходи к делу, — нетерпеливо отмахнулся Арнульф, который политиком был многоопытным, и мощный заход оценил. Не ожидал такого от неотесанной деревенщины. Епископ уже пришел в обычное состояние и был настроже. Ишь, ты! Священным писанием его умамливают, королем запугивают...

— Пуцу твоих проповедников в свои земли, и строго-настрого убивать их запрещу, — выложил козырь герцог.

— Епископа пришлю в Ратисбону, а ты на свои деньги церковь построишь! — начал торг Арнульф. — И идолов поганых из города удалишь в леса.

— Не выйдет, — покачал головой Гарибальд. — Меня на копья взденут, а твоего епископа прямо в церкви сожгут. Проповедников пуцу и пятьсот солидов дам. Новую базилику в Меце на эти деньги построишь.

— Две тысячи, — парировал епископ, — и монастырь в Баварии позволишь поставить.

— Тысяча солидов и монастырь в горах, в пустошах. По рукам?

— По рукам, — после некоторых раздумий сказал Арнульф.

— У меня столько золота нет, — признался Гарибальд. — Я с тобой солью расплачусь.

— Ах ты ж..., — Арнульф задохнулся от возмущения. Он понял все и сразу. — Так ты с вендами снюхался! Полторы тысячи солидов и ни солидом меньше! Возьму соль по новгородским ценам. И дружку своему, Самославу, передай, что за эти деньги он себе год купил. Больше я короля не удержу, я не всемогущ, знаешь ли.

* * *

Месяцем позже. Вилла Клиппиакум. Недалеко от Парижа. Нейстрия.

Старая римская вилла была одной из немногих, где сохранился и работал теплый пол, устроенный в незапамятные времена хитроумным римским мастером. Гипокауст, так он назывался. Большая печь, что стояла в подвале, подавала горячий воздух по многочисленным каналам, разогревая плиты пола и позволяя теплу проникать в жилые помещения через отверстия в нем. Даже в те благословенные времена никто не мог себе позволить отапливать так всю виллу, а потому в тех помещениях, где пол был холодным, стояли привычные очаги и печи. Там жила прислуга, там лежали припасы, там же лежала и казна короля. Обычный одноэтажный дом под черепичной крышей, с внутренним двором — атриумом (их могло быть несколько), и комнатами, которые в этот двор выходят. Только это был очень большой одноэтажный дом, и там даже проходили церковные соборы, вмещающая по четыре десятка епископов.

Вилла была окружена густым лесом, в котором было строжайше запрещено охотиться всем, кроме самого короля. За этим следили егеря и ловчие, и горе тому бедолаге, кто убьет зверя в запретной чаще. Могли и повесить. Хлотарь был страстным охотником, как и его отец Хильперик, и как его дед Хлотарь I, и прадед Хлодвиг Великий. Все они были воинами и выходили на зверя с копьем, как воинам и подобает. Расстреливать беззащитных оленей для них было унижительно. Ведь только та добыча почетна, что может убить тебя сама. Медведь, кабан, тур. Но не олень! Олень — это еда, как корова или коза. Это не добыча для

короля.

Огромное имение, которое кормило самого Хлотаря и его свиту, населяли сотни семей литов и рабов. Короли — Меровинги не сидели на месте. Весь их огромный двор кочевал по стране, объедая и опивая несчастных подданных. Целая сеть королевских вилл, разбросанных по всей Галлии и бывшей римской Германии, давали кров свите короля. Так их величества правили страной, так они правили суд, так они держали руку на пульсе той гигантской территории, что досталась им от воинственных предков. Они кочевали, словно незнакомые тут пока цыгане, не задерживаясь надолго на одном месте. И только вилла Клиппиакум была любимой королем Хлотарем, и только здесь он проводил долгие зимние месяцы, когда дороги заметало снегом.

Король, разгоряченный после охоты, пировал с герцогами Нейстрии. Огромный кабан, которого егеря загнали с собаками под его копыте, был уже зажарен. Дымящееся мясо лежало на огромных серебряных блюдах, которые достали по такому случаю из казны. Кубки, впрочем, были оловянными или резаными из дерева. Местный казначей, юркий мужичок из грамотных римлян, герцогам не доверял, и имел для этого все основания.

Неотесанные горластые мужланы, то есть благородные франки из знатных родов, были уже изрядно навеселе. Вина, меды и настойки поглощались ими в неопишуемых количествах, опустошая подвалы королевского дворца. Напоить полтора десятка франков было титанической задачей, и служанки метались между столом и подвалом, принося кувшин за кувшином. Его величество не отставал от своих герцогов, вливая в себя один кубок за другим.

Дворцовый граф, управляющий немалым хозяйством виллы, склонился к его уху. На лице короля появилась озабоченность, и он встал из-за стола, пройдя в соседние покои.

— Ваше преосвященство, — склонил голову король, получая благословение от того, кого сам и назначил когда-то епископом. — Что привело вас в такую даль?

— Дела государства, мой король, дела государства, — заявил Арнульф. — Молился я и было мне дано откровение, что начатая в этом году война будет пагубна для страны. Ибо в ней погибнет король. Глупая смерть, от случайной стрелы, пущенной рукой язычника. И воцарится смута в королевстве франков, и прольются реки крови! И вновь придет сюда голод, чума и смерть!

— Да что ж такое-то! — сказал расстроенный Хлотарь, который сел в кресло, утирая пот. Он уже был абсолютно трезв. — Третий епископ приезжает, и всех троих одно и то же видение посетило. Видно, надо отложить тот поход, не ко времени он. И церкви надо богато одарить, раз сам святой Мартин от меня беду отводит. Удивительные дела творятся, святой отец! Просто удивительные!

* * *

Зима в мораванском городище была злым временем. Со страхом и ненавистью ждали ее люди, ведь она приносила только горе. Мороз, голод и падёж скота еще можно было пережить. Это дело привычное. Но хуже бескормицы и ледяного холода были хозяева, что приходили сюда зимовать. Обры, чтоб им пусто было.

Арат спрятал жену в малой деревушке, а сам с детьми покорно отдал знатному тархану свой дом. Тот и не вспомнил уже, с кем спал в прошлом году, ткнув пальцем в первую

приглянувшуюся ему девчонку. Бедняжка, что только-только начала ронять женскую кровь, безропотно пошла в чужой дом. Там она будет служить самому тархану, пока не надоест ему. Ее отец, плотая бессильные слезы, с тоской смотрел, как его дочь, что вчера играла в куклы, пойдет наложницей к обрину. Такова судьба подданных великого кагана. Такова судьба слабых, кто не может защитить себя.

И только несмелые разговоры у очагов идут про земли хорутан и дулебов, над которыми нет власти авар. Станные вещи рассказывают торговцы, что ходили в те земли. Говорят они про то, как справедлив молодой князь, как богато живут под его рукой словене, и как красива княгиня, у которой серьги стоят больше, чем вся их деревня вместе с людьми. Не человек она, а германская богиня Фрейя в образе женщины. Это мнение от тамошних баварцев пошло, а теперь и сами хорутане так говорят. Да и как не поверить в это, когда за ней тенью следует великан Ётун, что несёт на плече огромную секиру. Дивятся родовичи, а то вранье идет из деревни в деревню, по дороге превращаясь во что-то и вовсе несусветное. А вот Арат верил. Он сам с торговцем из тех земель разговаривал, что не убоился, и переплыл полноводную Влтаву с грузом соли в странных слитках. Плечистый белозубый парень с ухватками хорошего бойца торговался вяло, сбывая соль по той цене, что давали, и это удивило Арата не на шутку. Но вот разговор с ним сын благородного всадника запомнил навсегда.

— А чего вы власть авар над собой терпите? — спросил его тот парень.

— Да так от роду повелось, — осторожно ответил Арат. — Я сам сын всадника и женщины из мораванского племени. Вроде как старший тут.

— И как? — подмигнул парень, доставая корчагу с медом, что только что сменял на соль у Арата. — Нравится старейшиной быть?

— Шутишь? — набычился Арат. — С чего бы мы тогда жен по заимкам прятали?

— Так вы вроде бы в конном бою аварам не уступаете? — удивился торговец. — Так давно бы поднялись всеми. Вы многие сотни воинов собрать можете. Или копыя затупились?

— У кагана сила великая, — поёжился арат. — Если он свое войско сюда двинет, тут один пепел останется.

— Да что он тут забыл? — захохотал торговец. — Войско сюда вести из-за мешка проса и трех битых горшков? Да у вас же нет ничего. А с такими гостями, как авары, скоро и вас самих не останется. С голоду передохнете.

— Тебе хорошо говорить, — насупился Арат. — У нас и оружия хорошего нет.

— Будет, — просто ответил торговец. — В конце весны, пока лед крепок, жди караван. Три тысячи копий привезу, пятьсот секир, сотню кожаных панцирей и шапок. Ну, и стрел полтысячи колчанов.

— А платить я тебе чем буду? — понуро ответил Арат.

— Ничем! — ответил белозубый парень. — Подарок это.

— Понял я, от кого подарок. Если оружие привезешь, — скрипнул зубами Арат, — я тебя с бочонком мёда и с отрезанной головой тархана Хайду встречу. И под руку твоего князя со своими людьми пойду. Нам бы только обров проклятых с шеи сбросить...

— Договорились! — протянул руку парень, сверкая белозубой улыбкой. — В конце месяца зимобора (март) жди. И не болтай об этом!

— А людей как собрать? — с недоумением спросил Арат. — Надо с другими старейшинами переговорить.

— Не надо! — отрезал торговец. — Продадут аварам. Людям вообще верить нельзя. Как

только оружие придет, режьте обров, что у вас на постое, — и он добавил с хищной улыбкой: — Остальным деваться некуда будет. Если сюда тудун с войском мстить придет, он виновного искать не станет. Вы тут все виновны будете.

Добрята снова натянул свой лук, прицелившись в соломенную мишень. Сердце бьется ровно, а не трепыхается, как пойманный воробей. Не так, как раньше... Выстрел должен уйти в цель между двумя ударами сердца. И только тогда, когда ты уже ясно увидел, куда попадет стрела, нужно спустить тетиву. Он отрабатывает стрельбу по мишени, и в этом Добрята стал лучшим из всей Сиротской сотни. Там, где все делали десять выстрелов, он делал полсотни. Там, где урок был сто выстрелов, он делал полтораста. Дядька Хотислав гневался поначалу, да пришлый болгарин Удан, что в войске наставником служил, к нему подошел, и что-то негромко сказал, в сторону Добряты поглядывая. С тех пор дядька Хотислав сквозь пальцы смотрит, что Добрята на полигоне днюет и ночует, даже тогда, когда мальчишкам отдохнуть дают. Не знает дядька Хотислав про уговор Добряты с князем. А ведь Добрята даже к капищу ходил, и воинскому богу клятву дал, что лучшим из всех лучников станет. И вот что странно, перестали Добряту на рыбалку посылать, и на огород трудиться. Он так и работал на полигоне, куда наставник приходил, и помогал ему. А еще болгарин их на занятиях зачем-то языку степняков учил, и сейчас по-словенски с ними и разговаривать не хочет. Не понял — твоя беда. Не исполнил приказ — идешь вместо полигона репу чистить под смешки товарищей. Поневоле тот язык выучишь.

Дядька Удан еще и мануфактуру организовал, где хорошие луки делают. Он из простого степняка за год богатым человеком сделался. Сам князь ему благоволит. В той мастерской наемные работники день деньской трудятся, чтобы в тагмах сильные луки были. Да только непростая это работа. И дерево доброе нужно, и сухожилия, и рог... Хороший лук три золотых стоит, с коровой в одну цену. Так вот, седмицу назад болгарин ему небольшой лук подарил. И не взрослый, потому что не хватит сил у Добряты, чтобы его натянуть, но и не палка простая, как у остальных мальчишек. И после этого он совсем с полигона не вылезает, чувствуя, как хрустят до боли мышцы спины, что за последний год и вовсе как камень стали. Добрята из слабосильного трусливого мальчишки за это время сухим и поджарым крепышом стал. Потому что кормят сытно, и гоняют от зари до зари. А вот на кулаках он до сих пор плох. До того плох, что наставник морщится, и рукой машет. Но вот в остальном...

Добрята не видел, как за его спиной стоял сам князь, болгарин Удан, дядька Хотислав да воин Зван, один из десяти, кого князь белым плащом удостоил. Добрята только на мишень смотрел, да на колчан стрел, что в эту мишень отправить должен. И разговор тот он тоже не слышал.

— А ведь он хорош! — произнес Самослав, наблюдая, как жилистый и резкий, словно волчонок, мальчишка дырявит мишень со скоростью швейной машинки.

— Он обычный парень, мой хан, — ответил ему Удан. — Только упорный очень. Хочет лучшим стать. Ему лук покорился, словно он человек степи. Лук ведь живой. Он чувствует того, кто его любит.

— Язык знает? — спросил князь.

— Понимает хорошо, — кивнул Удан. — Когда говорит, понятно, что язык не родной. Да только в степи столько племен, что этого и не заметит никто. У каждого свой говор.

— Трусоват он, — поморщился Хотислав. — Когда дерется, глаза зажмуривает, словно девка.

— Значит, на рожон лишний раз не полезет, — задумчиво ответил ему князь. — Это

тоже неплохо. Зван, забирай его к себе. Научишь ножом работать, лесному шагу и как часового скрадывать. Я тоже его учить буду, — и князь добавил что-то непонятное: — Очень, очень перспективный паренек.

* * *

Нотарий Стефан сидел в любимой харчевне, сжав голову. Он пил подогретое вино со специями, но не чувствовал его вкуса. После того злосчастливого разговора с иудеями он навсегда потерял то, что составляло смысл его прежнего существования. Вся его жизнь вновь дала крутой поворот, как тогда, в тот день... Слухи шли по столице, словно круги по воде, и он уже не раз слышал про странных склавинов, за которых была обещана неслыханная награда. Только суммы колебались от пятидесяти солидов до ста пятидесяти. Видимо, это зависело от жадности говорившего, и от того, через какие руки он сам эту информацию получил.

Стефан не стал мяться и ровно через неделю снова подошел к кучке иудейских купцов, которые смотрели на него с явной опаской. Мало ли что в голове у императорского евнуха. Скажешь чего-нибудь лишнего, а потом будешь месяцами лечить ожоги на ступнях, когда умелый палач возьмет тебя в оборот.

— Чего тебе? — неприветливо спросили купцы. — Тебе же все сказали на прошлой неделе. Не трать время!

— У меня есть доступ к управляющим императорскими виллами и рудниками, почтенные, — проглотил оскорбление Стефан. — А там трудится четырнадцать тысяч семьсот тринадцать человек.

Иудеи застыли, и в их глазах стал разгораться нешуточный интерес. Они загомонили на своем гортанном наречии и, наконец, старший из них, тот самый, что велел Стефану проваливать, сказал:

— А почему у тебя есть интерес к этим склавином, почтенный слуга Августа, да пребудет над ним благословение Яхве?

— У меня нет никакого интереса к этим склавином, — честно признался Стефан, — но у меня есть большой интерес к награде за них.

— Я так и думал, — ухмыльнулся купец. — Надеюсь, что с тобой можно вести дела. Ты не представляешь, сколько дураков и самозванцев приходит к нам и заявляет, что знают, где эти люди. А некоторые и вовсе заявляют, что это они и есть, и требуют отвезти их к богатой родне.

— Переходите к делу, уважаемый Ицхак! — поморщился Стефан, который уже узнал имя торговца. Он был тут довольно известен. — Имена?

— Никша, Ратко и Милица, — ответил иудей, и от его ответа в глазах нотариуса помутилось. Он побледнел и почувствовал, как закружилась голова.

— С тобой все хорошо? — участливо спросил купец.

— Да, со мной все хорошо, — задумчиво ответил Стефан. — Мне кажется, что я встречал когда-то человека с таким именем.

— И, конечно же, ты знаешь, где он, и хочешь получить награду, — презрительно посмотрел на него иудей.

— Нет, мне надо кое-что уточнить, — покачал головой Стефан и ушел в харчевню, где

впервые в жизни напился, словно наемник-гот.

Уже прошла целая неделя, и он долго не мог решить, что ему делать с этим новым знанием. Кто мог его искать? И, главное, зачем? Это хитрая многоходовая интрига, которая берет начало в соседней канцелярии? Но какой в ней смысл? И почему ищут только их троих? Ответ на поверхности. Их может искать только брат Само, ведь отец убит. Хотя, даже если бы он был жив, покойный Берислав никогда не держал в руках золота. Для него ценностью было зерно, железо и мех. Само? Но как? Откуда такие деньги у нищего мальчишки, которого схватил аварский всадник? А может быть, он все это время был рядом? Да, точно! Он тоже попал в один из бесчисленных этажей власти Империи и взлетел ввысь. И тогда, получается, он тоже евнух. Склавини могли сделать карьеру в войске императора, но такого военачальника Стефан не знал. Он бы обратил внимание на это имя. Значит, имя тоже изменено при крещении, как и у него самого.

Был, конечно, еще один вариант. Он мог стать рабом аварского кагана, и возвыситься там. Тогда он враг, и за такие связи изгнание — это самое малое, что грозит нотарию Стефану. Никто не станет слушать его оправданий. Вариант, в котором брат остался в словенских землях, нотариий даже не рассматривал. Он был реалистом.

Что же, он видел только один выход. Нужно хитрить и получить как можно больше информации. Раскрываться купцам он не станет. Стефан бросил на стол горсть медных нуммиев, и решительно пошел в Долину Плача. Он хорошо подготовился к тому разговору, что сейчас произойдет. Он думал над ним куда дольше и тщательнее, чем о блюде, которым побалуует себя на воскресном обеде.

— Почтенный Ицхак, приветствую! — поздоровался Стефан с иудеем. — Удели мне несколько минут, прошу тебя.

Они отошли в сторону, прогуливаясь вдоль клеток с людьми, которые смотрели на них с надеждой, страхом, ненавистью, равнодушием...

— Я нашел одного из этих людей, — начал было разговор Стефан.

— Ты же понимаешь, что мне нужны доказательства. И я должен сам встретиться с этим человеком, — ответил иудей, в глазах которого плескалось недоверие.

— Он не станет ни с кем встречаться, — покачал головой Стефан и добавил, видя, как разгорается гнев в глазах купца. — Деньги не нужны! Возьми вот это!

— Что это? — удивился торговец, на которого слова «деньги не нужны» оказали магическое воздействие, потушив гнев на корню. В руках он крутил письмо, запечатанное намертво перстнем с замысловатым оттиском.

— Тут написано то, что поможет узнать нанимателю правду. Кое-какие подробности из жизни, которые не может знать посторонний. Если тот человек, который мне это дал, тот самый, кого ты ищешь, то ты получишь свою награду.

— Что ж, — задумался купец. — Обманщики не поступают так, как ты. Они требуют деньги вперед и готовы показать любого проходимца, который выдает себя за Ратко или Никшу. А уж сколько Милиц я видел, тебе даже присниться не может, парень. И да, некоторые из них и вправду были Милицами, да только совсем не теми. Мне ведь тоже известны кое-какие подробности, которые помогут опознать тех людей. — И он испытующе посмотрел на Стефана, который с трудом сохранял самообладание.

— Мне эти подробности неизвестны, почтенный Ицхак, — пожал он равнодушно плечами. — Этот человек мне их не сообщил. Передай это письмо тому, кто тебя нанял, и если оно его удовлетворит, то ты знаешь, где меня найти.

— Твое письмо отправится в путь на следующей неделе, почтенный Стефан, — сказал ему иудей. — Оно будет в Марселе уже через месяц.

— Марсель, вот как? — удивился Стефан. Все его догадки разлетелись вдребезги. — Почему именно в Марсель?

— Мне пришел заказ от родственников, — пояснил Ицхак, — а они живут именно в Марселе. По слухам, один купец ищет свою родню. Обычное дело по нынешним временам. Только сумма слишком большая за трех склавинов. Впрочем, это не имеет никакого значения. Этот заказ сделал один богатый торговец-римлянин, а у него со склавинами какие-то очень серьезные дела. Это все, что мне известно.

— Ты знаешь, где меня найти, — бросил Стефан и пошел прочь. Сегодня он снова напьется, как наемник-гот. Или даже хуже.

* * *

— Ваше сиятельство, — склонились в поклоне книжники, которые несколько недель обдумывали задачу, которую поставил перед ними князь.

Самослав махнул рукой, разрешая садиться, и те расселись по лавкам, разворачивая листы папируса. Задача была непростой, князь велел им разработать алфавит, приспособленный для словенского языка. Первые варианты Самослав отверг в форме, максимально приближенной к матерной. Ученые мужи вначале принесли ему нечто, напоминающее глаголицу, созданную святыми Кириллом и Мефодием. То есть, что-то, запредельно сложное для запоминания, максимально тяжелое для письма и совершенно непригодное для скорописи. То есть, они принесли ему чужь собачью, о чем князь так прямо и сказал, приведя ученым мужам вышеописанные аргументы. Ученые мужи смутились и правоту его сиятельства признали. Их просто понесло куда-то не туда.

Самослав плюнул, и вкратце объяснил им, что такое гласные, согласные и знаки препинания, чем поверг ученых людей в шок. Они как-то до сих пор не задумывались над такими материями. В латыни того времени и вовсе никаких знаков препинания не было, и люди как-то жили. А когда их сиятельство, грозно глядя из-под бровей, попросил их объяснить значение фразы «казнить нельзя помиловать» без использования знаков препинания, то ученые мужи вышли от него на подгибающихся ногах. Новое знание их совершенно уничтожило и открыло недоступные ранее горизонты познания. Особенно, когда князь набросал им азбуку из тридцати трех букв, где было много шипящих звуков, свойственных словенскому говору. Это ученых мужей добило окончательно и они, по слухам, надрались в дрова. А протрезвев, засели за работу, результаты которой и решили показать князю.

— Ваше сиятельство, — начал Григорий. — Мы с коллегами обдумали ваш труд и испытываем смирение перед вашей мудростью. Мы не знаем, из каких свитков вы взяли такие буквы, мы даже не слышали ни о чем подобном. А эти ваши новые цифры — это и вовсе что-то необыкновенное...

— Так что, годятся эти буквы? — нетерпеливо спросил Самослав. У него было не так-то и много времени. Скоро подойдут ближние бояре, и начнут они планировать будущую войну. Он, собственно, считал, что этот вопрос уже решен.

— Не слишком, ваше сиятельство, — решился ответить почтенный Ницетий. Невысокий

лысоватый толстячок даже здесь напоминал колобка, хотя питание не было излишне обильным. По слухам, он очень близко задружил со стряпухой. — Я бы сказал, что они годятся частично.

— Почему? — удивился князь, которому в прошлой жизни этих букв хватало за глаза.

— Ну, вот возьмите букву «Ф». В словенском языке вообще нет слов, которые этот звук содержат. Он только в греческих и римских словах есть. Или мягкий знак и твердый знак. Мы и вовсе не смогли постичь их смысл, как ни старались. В словенском языке после каждой согласной буквы, как вы ее назвали, обязательно гласная идет. Мы с этими буквами вообще ни одного слова записать не смогли.

— Это все? — поморщился Самослав.

— Не все, ваше сиятельство, — включился в разговор Леонтий. — Нас многое удивило. Как будто кто-то взял готовую письменность для родственного языка. Но все же этот язык другой, не словенский. Есть множество звуков, которые в этом списке не указаны. У словен есть гласные, которые произносятся в нос. Есть очень короткие гласные «е» и «о», но они сильно отличаются от обычных. Если оба этих звука записать одной буквой, никто ничего не поймет. Или вот! Попробуйте произнести слово «хлеб».

Само послушно произнес то, что ему сказали, и глубоко задумался. Это слово совершенно точно нельзя было записать через букву «е». Это было вообще не «е». И не «и». Что-то среднее. Так вот почему его раньше через ять писали! И вот почему в старых азбуках столько лишних букв было. Не дураки были византийские монахи, с тоской думал Само. Вот тебе и прогрессорство.

— Ладно, работайте дальше, — махнул он рукой. — Учебный план для Сиротской сотни мне предоставьте на следующей неделе.

— Но, ваше сиятельство! — пискнул ритор Леонтий. — Обучение отроков — это занятие возвышенное. Это все равно, что ваять статую. Не всегда знаешь, что получится в конце.

— Отставить! — рявкнул князь, который прекрасно понял, что почтенный ритор имел в виду. Никаких результатов он обещать не собирался, и все провалы будет списывать на неудачи в творчестве. Ученые мужи робко втянули головы в плечи. Не прокатило. А Самослав продолжил. — Учебный план на этот год, расписанный по неделям! Чтобы отроки лопотали на латыни до первого снега. И счет знали с таблицей умножения до десяти. И четыре правила арифметики, как я вам рассказывал. Задача ясна?

— Ясна, ваше сиятельство, — понурились ученые мужи. — А когда мы их латыни научим, что дальше делать?

— Читать и писать учите, — отрубил князь.

— Так они же воины, — испуганно поинтересовался Григорий. — Зачем им это?

— А затем, что я из них буду новых графов делать. А неграмотные графы мне ни к чему. Так понятно?

* * *

Загородная усадьба боярина Звонимира никакой усадьбой не была. За крепким тыном жил десяток мужей, которые были настолько не похожи друг на друга, что Добрята поначалу только диву давался. Те мужи жили семьями, да только не община это оказалась, и все они

друг другу родней не были. Люди эти почти все из разных мест сюда пришли. Дядька Зван, что боярином Звонимиром оказался, был у этих людей старшим. И вечером у него с Добрятой состоялся непростой разговор.

— Ну что, воин, — серьезно посмотрел на мальчишку Зван, — готов князю послужить?

— Готов, — не рассуждая, кивнул Добрята. — Я за князя в огонь и в воду готов!

— А так, что о твоей доблести знать никто не будет? Так, что многие тебя и вовсе слабаком и трусом посчитают?

— Да... Как же! — на глаза мальчишки навернулись слезы. — Я же лучник из всей сотни лучший. За что меня так?

— За то, что служба такая, — серьезно пояснил Зван. — Ты про Тайный Приказ слышал?

— Это где боярин Горан голова? — сглотнул слюну Добрята, а по спине побежали непрошенные мурашки. Боярина Горана в этих землях боялись до икоты.

— Он самый, — кивнул Зван. — Я его правая рука, и эти люди тоже в Тайном Приказе служат.

— Это вы злодеев находите и пытаете? — поморщился Добрята.

— Нет, — покачал головой Зван. — Мы больше всякие нужные сведения узнаем. Ну, и воюем по-тихому. Так, чтобы никто не знал.

— Как это? — раскрыл рот Добрята.

— Ну, вот представь, идет вражеское войско на нас. Это хорошо?

— Да что же тут хорошего? — удивился мальчишка. — У меня отца германцы убили.

— А теперь представь, что если кто-то заранее про то войско узнал, и из лука вождя убил. А то войско подумало, что боги от них отвернулись, и домой пошло.

— Не будет так, не вернется оно домой, — помотал головой Добрята, но мысль понял и стал ее обдумывать. И впрямь, вражеское войско при гибели вождя вразброд пойдет.

— А еще князь каждого из моих мужей поименно знает и награждает из своих рук, — добил мальчишку Зван. — Тут не только у меня серебряная гривна есть.

— Согласный я, — кивнул Добрята. — Какого вождя надо из лука приложить? Я хоть сейчас готов!

— Не все сразу, отрок, не все сразу, — покачал головой Зван. И он добавил фразу, от которой лицо Добряты вытянулось. — Для начала ты научишься убедительно плакать.

Недалеко от баварской границы. Земли дулебов. Жуп Младана.

Зима! Время, когда реки превращаются в сухопутные дороги. Время, когда князь со свитой едет в полюдь. Время, когда он вершит суд и должен являть подданным мудрость и беспристрастность. Поезд из десятка телег и двух десятков всадников шел по льду реки Вотава, что текла в дулебских землях. До нашего времени дошло название Отава, и этого было достаточно, чтобы пробудить в голове Самослава кое-какие воспоминания. Он ехал в земли жупана Младана. Ведь именно там было то, что он искал все это время. Главное сокровище, без которого молодому княжеству было не выжить.

Николай Семенович, который в прошлой жизни любил горные лыжи, отдыхал как-то на курорте Шпичак, что уютно расположился в Шумавских горах, недалеко от границы с Баварией. Курорт, как курорт. Ничего в нем особенного не было. За исключением одного. Город, в котором он располагался, носил название Железна Руда. Почему? Догадаться несложно. Именно поиск железа в Шумавских горах и стал главной задачей, которую получил пограничный жупан. И совсем недавно он подал весть, что камень, похожий по описанию на тот самый, что искал князь, найден.

Кузнец Лотар, которого Самослав взял с собой, крутил в руках куски породы черного, серого и темно-ржавого оттенка. Он вертел их и так, и этак, только что не лизнул. Некоторые пренебрежительно отбросил в сторону, другие рассматривал долго, ковыряя ножом и пристально щурясь. Как будто своим глазам не верил. Сидящие в покоях жупана Младана князь и бояре смотрели на него с таким напряжением, что парень даже вспотел. Наконец, он выдал:

— Добрая руда, ваше сиятельство! И место тут доброе. Лес можно на уголь пережигать, руду тут же дробить и печи плавильные ладить. Место удобное, ложбина в горах.

— Крепость будем ставить, — решительно сказал князь. — Младан, выводи в эти земли новое городище. Лучше из своего рода, тех, кому доверяешь. Три года — без подати, соль — вполцены. Задача простая — к зиме у нас свое железо должно быть. Лотар, ты возьмешься тут выплавку железных криц наладить?

— Возьмусь, государь, — ответил кузнец, и сидящие в покоях поежились. «Господарь» по-словенски означало «хозяин», точно так же, как «dominus» на латыни. Так подданные к римским императорам обращались, да рабы к своим хозяевам.

— Значит, решено! — сказал князь. — Младан, мастер Лотар сюда с семьей переедет. Он тут ни в чем отказа знать не должен. Если до первого снега вы мне первую железную крицу не предъявите, тут совсем другой жупан сидеть будет. Я сейчас понятно выразился?

— Понятно... государь, — тихо ответил Младан, вытирая капли пота на лбу. — Будет тебе железо. Все исполним в срок.

— А как же те ножи, что я должен до лета сделать? — робко спросил кузнец. — Я и так уехал на две недели. Там подмастерья без меня работают.

— А ножи мне вынь да положи, — успокоил его князь. — Восемьсот штук германских лангсаксов, как договаривались. Учи людей, Лотар! Учи людей!

Через две недели. Новгород.

Григорий с гордым видом расстелил на столе лист папируса. Тонзура на его голове уже

заросла, и он был подстрижен, как и подобает римлянину. То есть, его волосы были обрезаны челкой над лбом. Прическа много значила в том обществе. Коротко стригли рабов, иногда сознательно уродуя их этим. Даже франк или сакс из самой захудалой деревни имел волосы до плеч. А уж авары и вовсе считали косы главной красотой воина, отращая их всю жизнь. Почтенные наставники Леонтий и Ницетий взгромоздились на лавки, и на их лицах тоже была написана гордость. Им было, чем похвалиться. Самослав с любопытством взял лист в руки, и погрузился в его изучение. Легкая морщина между бровей, что залегла вначале, разгладилась, и он откинулся в своем кресле, накрытом медвежьей шкурой.

— Годится, — сказал князь. — Значит, взяли латинские буквы, и добавили новые для отсутствующих звуков.

— Да, ваша светлость, — склонили головы риторы. — Мы посчитали, что это будет наиболее разумным решением. Так мы упрощаем обучение отроков. Ведь им будет доступно все великое наследие Рима.

— Сорок две буквы, — задумчиво произнес Самослав. — И ведь ни одной лишней. Ну, надо же! Никогда бы не подумал.

— Меньше никак, ваше сиятельство! — уверили его ученые мужи. — Мы множество слов записали. Ваши ц, ч, ш и щ подходят просто бесподобно. Но гласных звуков в словенском языке куда больше, чем в латыни, а в вашем алфавите их тоже не оказалось.

— Мы попробовали научить новой азбуке госпожу Любаву, — стесняясь, сказал Григорий. — И она уже читает и пишет.

— Ну, нашли, кого учить, — поморщился князь. — Она сама, кого хочешь научит.

— Так у нас же отроков почти две сотни, — несмело напомнили наставники. — Нам бы помощь не помешала, ваша светлость. Иначе мы никак не успеем ваше задание выполнить.

— Ладно, — поморщился Само. — Привезу еще грамотеев. Сразу после войны.

— А мы с кем-то воюем? — поинтересовались ученые мужи.

— Пока нет, — успокоил их князь. — Но весной у нас война с аварами намечается.

— Спаси нас святой Мартин! — побледнели риторы. — Конец нам! Это же порождения Преисподней! От них нет спасения!

— Отставить панику! — хлопнул по столу князь. — Идите, работайте!

Ученые мужи вышли, притворив за собой дверь, а Само ухватил за талию жену, которая пыталась пройти мимо. Она плюхнулась к нему на колени и подставила губы для поцелуя. Самослав не мог пропустить этот момент. Пару минут они самозабвенно целовались, а потом Людмила решительно высвободилась.

— Увидят же, — шепнула она, смутившись. — Стыдно. Слухи пойдут!

— Так пойдем в спальню, — куснул ее за ухо Само.

— Вечером, — уперлась ему в грудь жена. — Тут же слышно все. Полный терем народу.

— Да, надо новый дом строить, побольше, — погрустнел Самослав. — Ну, никакой личной жизни.

— Одеяло хочу из белки, — Людмила даже зажмурилась от своей смелости. — Я слышала, Збыслав своей жене такое подарил. А мы что, хуже?

— Да что б меня! — князь ошарашенно посмотрел на Людмилу, словно не узнавая, и добавил что-то непонятное. — Да в какое же время надо провалиться, чтобы от жены таких слов не услышать? В Мезозой, что ли? Уговорила! Будет тебе одеяло! — и он легонько ущипнул ее за тугой зад. — Но ты будешь должна!

— Вечером! — Людмила чмокнула мужа в губы, и с сожалением встала с его колен. Он

нечасто бывал дома. Владения большие, а муж ее и жрец, и судья. Она посмотрела на него своими глазами. — А может, ты что-нибудь придумаешь, чтобы с судами этими попроще было? Тебя же неделями дома не бывает. Знаешь, как мне одиноко!

— Ну, точно! — хлопнул себя по лбу Самослав. — Ведь целый день эта мысль в голове крутилась! Уложение надо записать! Эй, Григория снова ко мне позовите!

Двести миль на восток от Новгорода. Территория разрушенного римского лагеря Виндобона (совр. Вена).

Это аварское городище ничем не отличалось от тысяч точно таких же, раскинувшихся от Карпат до Альп. Мелкий род племени кочагир, что пас своих коней на северных землях каганата, приходил сюда на зиму. Кочевники научились у своих подданных строить полуземлянки с глиняным очагом вместо юрт. Но по степному обычаю даже такие дома они ставили в круг, обратив входы к центру. Кочагиры были небогаты, и лишь немногие из них носили железный доспех. Их оружием были луки, булавы и редкие тут мечи с односторонней заточкой. Они по зову своих тарханов выставляли полтысячи конных стрелков, по одному воину с юрты.

Новая жизнь в паннонских степях была совсем не такой, как раньше. А ведь еще живы были родовичи, которые пасли свои стада на травах Приаралья. Племя кочагир было выбито с родовых земель проклятыми захватчиками-тюркютами, которые и загнали их за Карпаты вместе с десятком других племен. Царственные рода уар и хуни взяли себе лучшие пастбища, а племена помельче ушли на север и в предгорья, где жило множество словен, гепидов, лангобардов и римлян. Словене жили тут издавна, потому и город на Лимесе, отделявшем римский мир от варваров, кто-то назвал Виндобона, «земля винидов». Только теперь не римляне правили этой землей... Те, кто не имел коня, человеком тут не считался, он был рабом. Кое-где таким рабам жилось вполне сносно, ведь кочевники еще не постигли всю тонкую науку античного рабовладения, когда из невольника нужно было выжать все силы примерно лет за пять. «Раб должен или работать, или спать» — так писал Катон. Тот самый, что все время порывался разрушить Карфаген. Кочевники были людьми простыми, и раб был тут вроде младшего родственника или домашнего животного. Это как повезет. Но степняки хотя бы не ставили на лбу клеймо каленым железом, как иногда это делали просвещенные римляне.

Земледельцы Паннонии сеяли зерно, которым приходилось делиться с новыми хозяевами. Сами же благородные всадники пасли скот, трахали местных баб, охотились и упражнялись в воинских искусствах, как и подобает настоящим батырам. Тут и жила теперь Чеслава с дочерьми, собирая кизяк для растопки, таская воду и готовя пищу своему господину.

Им не повезло. Чеслава хотела перебраться в земли хорватов. Только там они могли укрыться от неминуемой гибели. А в том, что их убьют, у Чеславы не было ни малейшего сомнения. Она была хитра и в людях разбиралась отменно. Молодой парень, бывший раб, который подмял под себя независимые до этого роды, не оставит за спиной недобитого врага. Он совершенно точно не был дурнем, как ее покойный муж. Лес стал редеть, когда они отошли на день пути от родного городища. Там, за ним раскинулась необъятная степь, которая называлась Пуста. Она и сейчас так называется. Для словен, не привыкших к таким просторам, эти земли казались пустыми. А еще они были страшными. Ведь именно из Пусты приходили обры, а потому идти дальше было смертельно опасно. В этих местах Дунай был

неширок, и они могли спокойно переправиться на левый берег. Беда только в том, что на другом берегу были земли мораван, управляемых полукровками, ублюдками обров. Чтобы попасть к хорватам, нужно было пройти их земли, что языком вытянулись вдоль берега Дуная, но риск того стоил. Ведь обострившаяся интуиция просто кричала Чеславе, что за ней уже идут. И она нещадно подгоняла зятя и дочерей, которые уже падали от усталости. Они заночевали в лесу, не разводя огня, а утром зять ушел немного назад, где в селении у реки украл лодку. Теперь дело за малым. Телегу пришлось бросить, и вскоре семейство владыки Буридея и его лошадка уже были на мораванском берегу, где принесли благодарность богам. Добро погрузили в седельные сумки, а то, что не влезло, понесли на спине зятя. Они пошли на север, где через три-четыре дня рассчитывали попасть в земли хорватов. Туда, куда еще не добрался хищный, как рысь зятек Самослав. Поначалу им везло. Местные селища они проходили спокойно. Лишь удивленные мораване, которых отличал на редкость затравленный вид, провожали их долгим взглядом. Височные кольца из серебряной проволоки выдавали в путниках хорутан. Да только серебро в этих землях давно никто не носил. Откуда оно тут? До земель хорватов оставалось два дня пути, так им говорили встречные, и Чеслава уже было приободрилась. Но нет...

Пробуждение в тот день оказалось крайне неприятным. Десяток всадников окружил их, подняв на ноги уколом копья в зад. Чеслава взвизгнула от боли, чем вызвала хохот воинов. Они несильно отличались от словен, разве что волосы были чуть темнее, да у некоторых глаза были непривычно узки. Впрочем, все обры на вид были совершенно разными. Это знали даже дети. Были раскосые брюнеты с вытянутыми черепами, а были и такие, кого от тех же хорутан и не отличишь. Только одежда другая, да кони у словен не так часты. Благородные роды блюли чистоту крови, и брали жен только из своих. А те, что попроще, всюю брюхатили баб из словен и германцев, что рожали детей, с каждым поколением все меньше и меньше похожих на степняков.

Эти воины были из полукровок. Говорили они на словенском языке, лошадки у них были низенькие, а оружие казалось довольно убогим. Мечей не было ни у кого. Копья, простые луки и булавы. Тем не менее, шансов у семейства Буридея не было никаких, и Чеслава поняла это в мгновение ока. Зять, что задал было стрекача, поймали арканом и избили. Он сидел на траве, зажимая разбитый нос.

— Развлечемся, Арат? — спросил один из них другого. Видимо, того, кто у них был старшим. Суровый кареглазый мужик с крепкими плечами, смотрел на Чеславу равнодушно, как бы сквозь нее.

— Без меня, — поморщился тот. — Уж больно страшны. Вещи обыскали?

— Да! — крикнул молодой парень, который вытряхнул сумки и мешки. — Да тут меха! Серебро! Камни! Вот так удача!

— Меха? Камни? — на лице старшего из воинов появилось удивление. — Да ты кто такая, баба? Откуда у тебя это?

— От мужа покойного, — выдавила из себя Чеслава. — К родне на север иду. Отпусти меня, воин! Почто разбой чинишь? Мы же гости в ваших землях.

— Ну что, трахать их будете? — воин по имени Арат показал на баб плетью, разом потеряв интерес к беседе. Воины оживленно загомонили, и Чеслава, получив легкий тычок в почку, больше о сопротивлении не помышляла. Хоть бы не покалечили! — билась в голове единственная мысль. Она стояла на карачках, чувствуя толчки сзади, и молила богов, чтобы это поскорее закончилось. Рядом скулили ее дочери, которые тоже получили свою порцию

ласки. Дочерям досталось сильнее, все-таки они были помоложе.

— Что с этими страхолюдинами теперь делать будем? Отпустим? — спросил один из воинов, завязывая веревку на портах.

— С ума сошел? — удивился Арат. — Нам скоро дань платить. За Дунай отведем, там продадим. Может, хоть в этом году ни у кого дочерей не уведут, выкупим их на это серебро.

Бабы завыли в голос. Ограбили, изнасиловали, а теперь аварам продадут. Не было доли горше! Но делать нечего, они встали и пошли, связанные, подгоняемые уколами копий и хохотом всадников.

Через семь дней, что семейство Буривая прошло пешком, глядя друг другу в затылок, всадники из мораван привели их в кочевье, где и продали каким-то вонючим степнякам за пару кусков рубленого серебра и небольшую отару овец. Авары торговались отчаянно, показывая на Чеславу и ее дочерей, демонстративно засовывая в рот грязные пальцы. Так они оценили бесподобную красоту дочерей владыки. Наконец, соглашение было достигнуто, и новые рабы были приставлены к работе. Нужно топить очаг, а с дровами в степи туго. Зато много было засохшего дерьма, которое отлично горит. Они надели штаны, как настоящие степнячки, и это оказалось неожиданно удобно. Тем более, когда осенние ветры потеряли все тепло, предвещая приход зимы. Босые ноги начало сводить от холода, и Чеслава выпросила у хозяина куски кожи, из которой смастерила немудреную обувь. Дочерей ее степняки даже на ложе не взяли, побрезговали. Так, иногда какой-нибудь оголодавший всадник задерет юбку и попользуется, не стесняясь никого. Словно по малой нужде сходил. И это безразличное пренебрежение раздавило молодых женщин, словно тяжелый камень. Их глаза погасли, в них поселились тоска и уныние. С каждым днем девушки все больше понимали, что они теперь не люди. Они скот, как те овцы, на которых их обменяли. Прежняя необременительная и сытая жизнь при отце казалась сейчас далеким сном. Каждый вечер они проклинали проклятую ведьму и ее муженька, не понимая, что все последние годы прожили как никогда сытно именно благодаря Самославу. Они так и не поняли, что не будь этого глупого предательства, то и Буривой был бы жив, а не сох на колу в назидание остальным владыкам. Жупаны часто молились богам вместе с князем, пугливо поглядывая на бывших коллег, которых так никто и не удосужился похоронить. Буривой казнен, а его семья в рабстве у авар. Это и стало новой судьбой жены владыки хорутанского рода и ее дочерей. И пока суровые боги не давали им надежды. Только ненависть к тому, кто отнял ее старую жизнь, заставляла Чеславу вставать каждое утро и брести на работу. Она поклялась богам, что не умрет, пока не отмстит. С этой мыслью она ложилась спать. С ней же она вставала. И только надежда придавала ей сил. Надежда, что когда-нибудь она утопит свою боль в крови врагов.

Месяц зимобор яркими лучами весеннего солнышка бил в глаза Арата, который становился все задумчивее с каждым днем. Шутка ли! То, что он затеял, многим тысячам будет жизни стоить. Он сидел на коновязи, ковыряя снежок носком сапога. Хорошо было на улице. До того хорошо, что даже авары, что были здесь на постое, казались чуть менее ненавистными, чем обычно. Млада была на заимке, он иногда виделся с ней. Туда же Арат отправил детей, стараясь не вызвать подозрений. Как выяснилось, старался он зря. Аварам на его детей было плевать. Они пировали, подъедая скудные запасы родовичей, портили девок и били морды мораванам, когда становилось совсем уже скучно. А другого веселья тут и не было. Все запасы медов и настоек были выпиты еще в первые два месяца, а больше авары ничего найти не смогли, как ни мучили они местных жителей. Те ни в какую не признавались и клялись, что отдали все. Одного бедолагу после такого ответа забили насмерть, но меда от этого больше не стало. Замордованные родовичи, казалось, уже и вовсе потеряли страх, и авары чувствовали их злость, на время умеряя свой разгул. Они презирали трусов, но не были глупцами. Ведь даже корова может забодать, если ее разозлить как следует. Что уж говорить о словенах, многие из которых вполне неплохо воевали в войске великого кагана.

Арат вспоминал разговор с тем необычным парнем. Звонимир, таково было его имя. Он слуга князя Самослава, и он обещал помощь. Скоро придет караван с оружием, совсем скоро. Ведь пройти сюда можно только тогда, когда лед еще крепок, а земля мерзлая. Иначе множество мелких речушек станут непреодолимым препятствием, как и раскисшие лесные тропы. По льду они придут, и никак иначе. И уйти должны по нему же. А раз так, то Арат должен поднять всех мораван и вырезать обрыв вчистую до того, как лед перестанет держать всадника. Нельзя дать им уйти в свои кочевья. А потом Дунай надежно защитит их. Ведь пока уйдет весть на аварский берег, что воины кагана мертвы, пока соберут воинов, чтобы покарать обнаглевших рабов, пока пройдет ледоход и вода нагреется так, чтобы конь мог переплыть реку и не заболеть... Выходит, у него не меньше двух месяцев будет. За это время он должен истребить степняков в мораванских землях и собрать войско, чтобы дать отпор карателям. А они придут! Они обязательно придут! Не потерпит тудун такого унижения. Тысячи четыре всадников придут сюда, а то и все пять. Хотя, может быть, боги будут благосклонны к ним, и тудун придет лишь с воинами своего рода. Их будет тысяча, не больше. Из них сотня в тяжелой броне. Даже эта тысяча — огромная сила, а если придет пять, то мораванская земля опустеет. Им нечего противопоставить такой орде.

Арат напряженно думал. Ведь он был для авар свой, он вырос в кочевье. Да, он полукровка, ублюдок, но он стоит выше, чем обычный словен. Они, полукровки, выращены хозяевами для того, чтобы держать в узде народ собственных матерей. А потому Арат хорошо знал земли за рекой. Понимал он и повадки своих господ. В чем же их слабость? — думал он день за днем. И ответ пришел неожиданно. Их слабость — в их гордыне. Они презирают словен, ставших рабами. Для них зазорно будет попросить помощи. Да! Он, Арат, сделает так, что тудун Тоногой придет сюда с малыми силами, чтобы разогнать плетями обнаглевших земляных червей. Только тогда у них появится шанс. Если он соберет все подвластные роды, то мораванам конец. Но только как это сделать? Каждый день Арат выходил на берег реки и вглядывался в лед, словно просил помощи богов. Научите!

Подскажите! Но боги молчали.

Иногда он все так же сидел на коновязи, гоня в голове мысли одна безумнее другой. Но вот однажды все переменилось...

— Звонимир привет шлет, — услышал Арат негромкий мальчишеский голос за своей спиной. — Не поворачивайся! Сиди, как сидел!

— Ты кто такой? — спросил Арат, который чуть было не подпрыгнул на месте.

— Неважно, — ответил мальчишка. — Я князю Самославу служу, чего и тебе, дядя, желаю. Встречай товар.

— Когда? Где? — спросил Арат, разглядывая мальчишку лет одиннадцати, который катал шары для снежной бабы из липкого весеннего снега. Обычный малец, каких тут много. Только крепкий и сытый не по-местному. Вон, какие щеки круглые. Весной в мораванских селениях до того голодно бывает, что малыши мрут, как мухи. Девочка, что его жена от обрина родила, тоже вот померла. Родовичи, словно щепки худые, ждут первую зелень да молят богов, чтобы облезлый заяц в силочку попал.

— Завтра приходи на заимку, где твоя жена живет, — бросил малец и поставил один снежный ком на другой.

— Да ты!.. Да откуда?..., — Арат раскрыл в изумлении рот.

— Тебя там ждать будут, — негромко сказал мальчишка. — И ни слова никому, рано еще. Так дядька Зван сказал. Ой! — поправился он. — Так боярин Звонимир сказал. Все дядя, бывай!

И малец неспешно ушел, не обращая внимания на редких родовичей, что удивленно смотрели ему вслед. Гости тут были нечасты, а своих все знали в лицо.

В ту ночь Арат так и не заснул. И, как только солнце бросило на землю первый луч, он быстрым шагом пошел в лес, где в трех часах пути была его семья. Звонимир встретил его улыбкой и широко раскрытыми объятиями. С ним было два десятка воев в доспехе, с добрым оружием и мордами шире плеч. И это весной! Вот это да! Арату даже стыдно стало за свой вид. Он, сын всадника, на их фоне смотрелся, как оборванец. У них одни ножи чего стоили и железные шлемы. Эх!

— Здоров, Арат! — широко улыбнулся Зван. Хорошо это у него получалось, улыбаться. Сразу верить ему хотелось.

— И ты не хворай, — ответил Арат.

— Пойдем, — поманил Зван. — Да не волнуйся ты так! Родичи в порядке. Мы им крупы и муки дали. Сыновья твои спят, обьелись с непривычки.

— Ну, пошли, — сказал Арат, смутившись от того, что у него все на лице написано.

А воины времени зря не теряли. На заимке стоял здоровенный шалаш, крытый лапником, где на сколоченных подмостях лежали копья, секиры, кожаные панцири и колчаны со стрелами. Это было такое богатство, что у Арата захватило дух. Не одну тысячу золотых потратил князь Самослав.

— Дорогие подарки у твоего князя! — только и мог сказать Арат. — Чем отдариваться будем? Мы тут люди небогатые, сам знаешь.

— Делай, что задумал, и будем в расчете, — жестко ответил Зван.

— Поможете нам? — испытующе спросил Арат.

— К чему нам кровь за вас проливать? — удивился Звонимир. — Это не наша война. Вы вроде не родичи нам. Это князь по доброте душевной помогает.

— Перед тем, как лед пойдет, я тархана зарезу, — сжал скулы Арат. — Потом своих

мужей обойду, и обров, кто в нашем роду зимует, тоже убьем. Всех до единого!

— Зря! — удивил Арата Зван.

— Как зря? — растерялся тот.

— Одному-двум дайте уйти, пока лед позволяет, — пояснил Зван. — Пусть думают, что ты один такой отважный.

— Да! — ударил кулаком в ладонь Арат. — Да! Да как же я сам не додумался. Мне же надо, чтобы тудун Тоногой только со своими воинами пришел. Иначе конец нам! Так и сделаю!

— А потом? — испытующе спросил его Зван.

— А потом я воинов соберу, и всех обров на левом берегу Дуная вырежу! — хищно оскалился Арат. — А потом лед на реках вскрыется. Они сюда еще долго не сунутся, побоятся коней в ледяную воду гнать.

— Соображаешь! — улыбнулся Зван. — А дальше что будешь делать?

— А дальше я буду обров на переправе ждать! — уверенно сказал Арат. — Тут-то я их и встречу! Один отряд я точно разобью.

— А дальше? — вновь спросил Зван.

— А дальше я не знаю, — опустил плечи Арат. — Так далеко я не загадывал. Для меня и это чудом будет.

— Думай! — жестко сказал Зван. — Разбил ты войско тудуна, а потом сюда орда придет. Что делать будешь?

— Умирать буду, — пожал плечами Арат. — Все равно не жизнь это.

— Вот и поговорили, — Зван даже всплеснул руками. — Я что, это богатство для покойников привез?

— А если я мораван под руку твоего князя приведу, он нам поможет? — жадно спросил Арат. — Ну, чего молчишь?

— Тогда поможет, — без тени улыбки ответил Зван. — Делай, как задумал. Режь своего тархана. Хайду его зовут, помнится. Голову его уродливую на копье наденешь и по родам провезешь. Весь народ подняться должен, до последнего человека. Мы тут за вас умирать не собираемся. Свободу, ее заслужить нужно. Как тудуна и его людей убьете, вам пути назад не будет. Тогда и князь с войском подойдет. Лучшие мужи от каждого рода клятву верности принесут, и мы с вами плечом к плечу станем. Одни вы аварскую орду не победите.

— Сделаю все по твоему слову, — склонил голову Арат.

— Если сделаешь, быть тебе жупаном в мораванских землях, — сказал Зван. — Это я тебе слово князя Самослава передаю. И, так и быть, я тебе одного бойца в помощь оставляю! Не благодари!

— Великие боги! — выпучил глаза Арат, когда к ним подошел один из воинов и склонил голову в знак того, что понял приказ.

* * *

Так прошло две седмицы. Под ярким весенним солнцем лед уже начал чернеть, а значит совсем скоро станет рыхлым и ненадежным. Вот-вот авары захотят уйти в свои степи. Пора! Арат решительно повернулся к реке спиной и пошел домой. Там, в сарае у него был закопан бочонок меда, который он готовил для этого дня. Вечера пришлось ждать долго. Долго до

того, что Арат подумал было, что солнце с неба не уйдет никогда. Не хотело оно уходить, и все тут. Когда долгожданная ночь все-таки спустилась на землю, Арат зашел в собственный дом, где тархан изволил ужинать. Девчушка, которую он взял в услужение, покорно стояла рядом, опустив глаза в пол. Веселая хохотушка, какой ее помнил Арат, изменилась до неузнаваемости. Словно подменили человека. Глаза ее стали пусты, а в них поселились тоска и тупое равнодушие.

— Великий, я нашел бочонок меда! — склонился в поклоне Арат. — Его прятали от меня, но я его нашел и принес вам. Примите мой дар!

— Неси сюда! — повелительно махнул рукой степняк, не прекращая жевать. Сальные руки он вытер о голенища сапог и протянул руку за кубком, который тут же поднесла ему служанка. Арат налил мед.

— Хорошо! — крикнул тархан, осушив кубок. — Еще наливай!

Арат налил еще, а потом еще. А вскоре кочевник окосел и начал тянуть какую-то заунывную песню. Арат подливал ему мед, понемногу оттирая девчушку от стола.

— Как напьется, беги домой, — одними губами шепнул Арат. Веселье длилось уже долго, и могучий воин захмелел не на шутку.

— Не-е-т! — едва слышно выдохнула та. — Он же меня прибьет! На мне и так места живого нет! Боязно мне, дядя Арат!

— Беги и передай отцу, чтобы своего тоже поил. И остальным пусть скажет, у кого обры стоят. Поняла, Беяна?

Девчонка закивала головой, а в ее глазах плеснулись понимание, ужас и робкая надежда. Впрочем, надежда появилась ненадолго, остался только ужас. Она смотрела, не отрываясь, как степняк закидывает в глотку один кубок за другим, хмелея на глазах.

— Не надо..., — прошептала Беяна трясущимися губами, глядя на тархана, который уже лыка не вязал. — Не надо, дядя Арат! Убьют же всех!

— Беги домой, я сказал, — жестко ответил Арат, который потянул из-за пояса нож. — Уходи, не след тебе видеть, что сейчас тут будет.

Девчонка всхлипнула и опрометью выбежала из дома, что на целые месяцы стал ее тюрьмой. Арат, смакуя момент, любовался тарханом, который лежал мордой на столе, бурбя что-то невнятное. Ему было очень хорошо. Ему было хорошо ровно до того момента, пока Арат не всадил ему нож между лопаток. Степняк захрипел, засучив ногами, и затих. Арат вытащил его на двор и деловито отделил вытянутую голову, стараясь не задеть косы.

— Красавец! — произнес он, любуясь на дело своих рук. — Отлично на копье смотреться будешь! Теперь зайдем на огонек к соседям. Хорошо-то как! — сказал он, подняв голову к небу, откуда луна равнодушно светила людям. — Никогда в жизни мне еще так хорошо не было!

Он обошел лужу крови, что натекла на рыхлый сероватый снег из обрубка шеи, и пошел к отцу Беяны. У того тоже гостил степняк.

* * *

Отряд всадников из полукровок вихрем несся по селениям, в которых зимовали обры. Впереди ехал воин на жеребце неопикуемой красоты, в аварском доспехе и с копьем, на которое была насажена голова самого тархана Хайду. Его хорошо знали в этих землях. Знали,

ненавидели и боялись. Длинные косы мотались из стороны в сторону, нагоняя ужас на мораван, которые внезапно поняли — это все, пути назад не будет. Даже если они в ноги повалятся своим господам, то те из мести все равно разорят их земли и уведут в рабство всех, кого смогут схватить. А остальные потом просто умрут с голоду, потому что посеять новый урожай им никто не позволит.

От городища к городищу отряд все увеличивался, ведь другие сыновья всадников тоже резали непрошенных гостей, обдирая с них одежду и доспех. В первый же день поскакали гонцы во все стороны, поднимая на бунт словенский народ. И люди слышали гонцов. Обров убивали на месте, где бы ни находили. И лишь иногда, уступая мольбам жителей, им сохраняли жизнь. Мораване жгли их потом на кострах, принося в жертву своим богам. Сотни аварских всадников были убиты, а их кони и оружие сменили хозяев. Сам же Арат раздавал родовичам копыя и секиры, обрядив в доспех свой отборный отряд.

Все получилось непросто. Авары были отважными бойцами, и многие уходили от убийц в соседние городища, поднимая на войну своих товарищей. Кровь полилась с обеих сторон. Резались отчаянно, до последнего человека. Ведь проигравшему пощады не будет, а вскрывшиеся реки надежно заперли кочевников в землях словен. На юге — Дунай, на востоке — полноводная Морава, по которой пошел ледоход. На севере — мелкие речушки и непролазная лесная грязь, а на западе — земли дулебов и хорватов, которые проглотили немногочисленных аварских беглецов, словно их и не было никогда.

Впервые за полсотни лет на этой земле не осталось ни одного обрина, а кое-где родовичи прирезали и слишком усердных их слуг, полукровок и мораван. Весь месяц цветень ушел, чтобы очистить родную землю от нечисти, и еще в травень добивали врага (апрель и май). Мораване ладили луки, резали из кости наконечники для дротиков и вязали из лозы щиты. Все понимали, с кем биться придется.

Арат весь берег Дуная объехал, примечая удобные места для битвы. Переправа будет там, где поуже река, и это место было известно давно. Авары пойдут привычным путем. Они пойдут прямо там, где когда-то стоял пограничный римский городок Виндобона. Ведь они не боятся своих рабов. Для них, могучих и гордых воинов, невыносимый позор бояться этих презренных червей, чьи согбенные спины они привыкли видеть. Да, тут-то и даст бой его войско. Переправа такого большого отряда — дело небыстрое. Ведь поначалу род Тоногоя собраться должен, а это не один день. Высокомерные авары таиться не станут, и сбор будет прямо у переправы. Ведь на тысячу всадников приходится две тысячи коней. А им нужно пить. Неделю, а то и две Тоногой со своими людьми будет стоять на правом берегу, ожидая, пока подойдут воины из дальних кочевий. У Арата будет время войско собрать. Он долго понять не мог, почему князь Самослав не захотел сразу на помощь прийти. Ведь так куда легче было бы авар бить. А потом понял, и ответ словно вспыхнул в голове ярким светом. Хочет хитроумный князь, чтобы весь народ на ту битву пришел, не ожидая помощи. Чтобы под страхом неминуемой гибели тысячи мужей из своих лесных нор вылезли и вражеской крови испили. Только тогда они настоящим войском станут. А то, что воевать князь за них не хочет — так то правда жизни. Кто они ему?

Арат развернул коня. Ему нужно объехать места, где вскоре будет битва. Под глухой стук кленовых чаш княжеский боярин Звонимир много интересного ему рассказал. Так много, что Арат даже не запянул, выпитывая простые вроде бы вещи, как сухой песок пролитую воду. Сразу и без остатка. Если сделает он так, как тот парень сказал, то разобьют они обров. Тут даже сомнения нет. Только много еще забот впереди, ой как много!

Кочевья племени забендер раскинулись от земель мораван до предгорий Альп. Север отдали самым слабым племенам, отодвинув их от лучших пастбищ к словенским лесам. Забендеры стояли по статусу куда ниже, чем племена, пришедшие из южной Сибири. Они стояли даже ниже, чем болгары, которые отхватили себе Причерноморье. Они были гораздо слабее. Пограничные земли каганата отдали мелким народцам, вроде племен кочагир, тарних и кансуяр. Из них всех забендер были самыми сильными, и именно поэтому великий каган назначил вождя Тоногоя своим наместником в этих землях, тудуном.

Поздняя весна теплыми лучами слизывала снег с жухлой степной травы, и Тоногой довольно шурился, глядя на нее. Снега в этом году выпало немало, а значит, земля напилась, как следует, и порадует своих детей сочной травой. Нагуляют жирок бараны, залоснятся сытостью конские бока, через кожу которых сейчас видны ребра. Зима — тяжелое время для скота. Это не касается боевых коней, что несли на себе сотню тяжелых всадников — воинскую знать племени забендер. Этим коней всю зиму кормили овсом, взятым у данников-словен, живших в этой земле.

Тоногой по-молодому взлетел в седло, и поскакал в степь, взбивая рыхлый сероватый снег конскими копытами. Он любил, когда воздух охлаждал непокрытую седоватую голову, когда солнце било в глаза, как бы говоря: тепло, скоро снова будет тепло. Бог Тенгри, которого каждый степняк видел, стоило лишь поднять голову, благоволил им в этом году. Скот перезимовал хорошо, и снега выпало ровно столько, чтобы у коней была возможность добраться до скудных остатков травы, что надеялась спрятаться от них под белым пушистым одеялом. И коварных оттепелей тоже не было, после которых землю сковывала ледяная корка, острая до того, что резала ноги лошадям. Да, Великое Небо благоволило им. Видно, по нраву ему были жертвы, что приносят своему богу шаманы народа забендер. Тоногой вернулся в кочевье в наилучшем расположении духа. Кровь разошлась по жилам, да так, что захотелось завалить на кошму новую наложницу, что привезли осенью из земель словаков. Белокурая девчушка, нежная, как молодой ягненок. И такая же беззащитная. Все плакала первое время, и даже кричала от боли, когда он ее брал. Ну, да ничего, пусть терпит. Такова ее доля. Не станет же сам тудун обращать внимание на вой какой-то ничтожной рабыни. Скоро он уйдет отсюда на летнее пастбище, где разобьет юрту. Душные словенские хижинки надоели ему за зиму до отвращения.

Тоногой по дуге обогнул городище, и подъехал к дому, где бросил поводья слуге. Странно, на лице того явный испуг. Случилось что? Тудун вошел в дом, рубленый из бревен рабами-германцами и замер в недоумении. Тут с озабоченными лицами сидели старейшины племени и о чем-то спорили.

— Приветствую, почтенные! — сказал Тоногой, отряхивая снег с сапог. — Что привело вас ко мне?

— Твой племянник Хайду убит, — услышал он в ответ.

— Кто посмел? — прохрипел тудун, рванув тугой ворот. — Я вырежу ему печень и заставлю сожрать!

— Арат, мораванский ублюдок, — хмуро сказал ему младший брат Турсун, голова которого тоже поседела в походах. — Мы даровали ему честь, назначили его старостой в северном жупе. А он отрезал нашему племяннику голову и надел на копье.

— Он сошел с ума? — тудун сел на лавку, будучи не в состоянии переварить чудовищную весть. — Он не понимает, что будет подыхать месяц, теряя по куску мяса? Он не понимает, что мы разорим землю его рода?

— Мы должны наказать его, — обронил Турсун. — Как только Дунай уйдет в свои берега, и вода согреется, мы пойдем в те земли. Будем звать остальных?

— Ты шутишь, брат? — удивился Тудун. — Они подумают, что мы ослабли, раз просим у них помощи. Мы сами покараем наглецов! Богом клянусь, я вырежу этот род до последнего человека.

Месяц, который словене называют травнем, покрыл паннонские степи яркой зеленью. Берега, что после разлива превратились в болото, уже просохли, и копыта коней больше не вязли в грязи. К развалинам римского лагеря, на месте которого гнездились несколько словенских деревушек, тянулись отряды всадников рода забендер. Никто из них и предположить не мог, что через сотни лет на этом месте раскинется один из красивейших городов мира. Глядя на старые развалины и убогие лачуги, такое и предположить было невозможно. Это было просто удобное место для переправы, где римский легион сдерживал поток варваров из-за Лимеса.

Благородные всадники сильнейшего в этих землях рода не брали шатры, ведь впереди летнее тепло. Вместо этого они взяли огромное количество веревок, чтобы вязать рабов, которых погонят вглубь своих земель. Пустошей много, и новая челядь будет пахать землю и платить дань. Кое-кого продадут ромеям за ткани, золото и вино. Воины должны получить добычу. А вот род предателей никуда не пойдет. Его велено истребить под корень, чтобы остальным неповадно было.

Дунай в этом месте был шириной в сотню шагов, не больше. Воины переправятся на надутых бурдюках, держась на конскую гриву. Припасы для войска перевезут на своих долбленых лодках словене, которых тоже нагнали немало на этот берег. Новые отряды приходили каждый день, а на том берегу всадники частенько видели мораван, которые бегали, как угорелые, и в панике тыкали пальцами в противоположный берег. Эти земляные черви боялись! Еще бы! Тысяча всадников опустошит их деревни на неделю пути, а потом уйдет в свои земли, отягощенная добычей. Последние отряды, что шли с дальних кочевий, еще тянулись, а войско уже начало переправу на левый берег Дуная. Сотни коней вошли в воду, поначалу понюхав ее недоверчиво, но всадник, что был рядом, успокоил боевого друга. Он рядом, они поплывут вместе. Переправа — дело небыстрое. Когда первые всадники уже вышли за берег, последние еще и не зашли в воду.

Гортанные крики степняков на мораванском берегу — словно вестник несчастья, что обрушится вскоре на эту землю. Через час уже половина всадников нежилась на берегу, ожидая остальных. Скоро племя забендер построится в боевые порядки и ураганом пронесется по этим землям. Но все пошло не так...

Густой подлесок в сотне шагов от берега укрыл в своих зарослях тысячи людей. Ужас, что охватил поначалу мораванский народ, вскоре отступил, оставив после себя лишь один вопрос: а что делать дальше? Старейшины родов качали головами, слушая пламенную речь полукровки Арата, и на их скорбных лицах читалась мысль: да что же ты натворил, парень. Молодежь же, напротив, рвалась в бой. Им, разорвавшим голыми руками ненавистных обров, было теперь море по колено. У кого-то увели за Дунай сестру, у кого-то всадник взял на ложе жену или дочь. И все без исключения тут голодали зимой, пока незваные гости обжирались в три горла. Их могли убить? Да плевать! Они хоронили своих детей этой зимой.

Им ли бояться смерти? И теперь вся эта масса людей ждала сигнала от своего вождя.

— Пора! — крикнул Арат, и людские волны посыпались на берег, охватывая дугой всадников, что высадились на берег.

Авары загомонили, спешно натягивая луки и вскакивая на коней. Им, прижатым к берегу, надо было продержаться, пока не придет тяжелая конница, которая растопчет толпы полуголых мужиков с кольями. Но мораване смогли их удивить. Впереди шел исполин в плаще из шкуры медведя, которому большая часть идущих рядом словен не доставала и до плеча. Всадники загомонили, изумленно тыча пальцами в этокое диво. И впрямь, не человек это был. Голова медведя, под которой вместо лица была железная маска в виде жуткой оскаленной морды, делала его рост еще выше. Но и на этом странности не заканчивались. К его кольчуге, сплетенной из мелких колец, были приделаны пластины, закрывающие грудь и живот воина. Подол панциря спускался до середины бедер. Защита была на плечах и предплечьях, а ноги гиганта и вовсе были покрыты железом до самых стоп. В руке он нес секиру странного вида, на конце которой было копье, а вместо обуха — острое жало. Древко топора было оковано длинными железными полосами, и перерубить его было просто невозможно. И даже кисти рук того воина закрывали перчатки, сплетенные из мелких колец. Он шел на два шага впереди, и первые стрелы, пущенные всадниками, ударили ему в грудь, бессильно отскочив от преграды. Воин захохотал и, подняв свой чудовищный топор, понесся на кочевников. Словене побежали за ним, на ходу засыпая авар тучей стрел и дротиков.

Сигурд Рваное Ухо вломился в строй всадников, а за ним пошли сотни, вооруженные копьями и секирами, что прислал князь Самослав. Те, у кого хорошего оружия не было, били через головы товарищей, рая и убивая тех, кто еще плыл к берегу.

— Это дэв! — раздался придушенный вопль, когда очередной всадник упал с коня, разрубленный топором берсерка. Стрелы ломались о его доспех, на который мастер Лотар потратил четыре месяца своего труда. Двойного плетения кольчуг во франкских землях еще не знали, как и не крепили пластины на них. Да и вообще, юшман появился столетиями позже. Не так-то много было воинов, что могли в пехотном строю нести на себе столько железа. А вот Сигурд мог, и князь Самослав не пожалел денег, сделав из него настоящий танк. Рев дана пугал не на шутку, ведь ни копье, ни удар мечом не могли пробить его защиту. А про стрелы, где каждый второй наконечник был костяным, и говорить не приходится. Они просто ломались или, скользнув по металлу, отлетали в сторону.

— Дэ-э-в! Это д-э-э-в! — раздался новый вопль, и сердца всадников сковало страхом. Они не боялись людей, и смерти они не боялись тоже. А вот странный звук в ночи или удар молнии мог превратить отчаянного храбреца в труса. Всего потустороннего степняки страшались с детских лет, и никто из них не хотел сражаться с демоном, который ударом плеча мог сбить с копыт коня вместе с всадником.

Сигурд рубил направо и налево, играя тяжеленным топором, словно прутиком. Всадники в броне, что кидались на него, получали острием под шлем и валялись под копыта коней, захлебываясь кровью. Те же, кто не имел доспеха, и вовсе падали от его ударов, словно спелые колосья под серпом жнеца. Авары не смогли применить любимую тактику — конную карусель с ливнем стрел. Их просто опрокинули в воду ударами длинных фремей, которыми убивали и лошадей, и их всадников. Воды великой реки окрасились кровью, и трупы людей и животных превратили их в ужасное зрелище, от которого с ума сходили кони, которые плыли с другого берега. Они, чуя густой тяжелый запах крови и вопли раненых,

бесились и отказывались идти вперед. Они натыкались на плывущие лошадиные туши, израненные дротиками, и только всадник мог за повод вытянуть своего друга на берег, в самую гущу схватки.

Арат в нарядном шлеме и доспехе, снятом с тархана Хайду, бился в первом ряду. Копье вырвал какой-то обрин, который унес его в своем теле, и теперь Арат рубился аварским мечом. Крепкий доспех уже не раз спас ему жизнь, приняв несколько стрел. Левая рука онемела и наливалась синевой после удара, но он, в горячке боя, не чувствовал этого. Подарок Звонимира был роскошен. Он и впрямь будет ему должен. Там, где проходил Сигурд, оставалась широкая просека, заваленная телами убитых и раненых.

Строй полуголых мораван, выставивших вперед обоженные колья и копья, теснил всадников к реке, не давая прорвать строй. Иначе перебьют издалека, как куропаток. Два колчана стрел у каждого обрина. А это значит, что шестьдесят мужей погибнут или будут ранены. Промахнуться по такой толпе было решительно невозможно.

По совету Звана, который, как оказалось, знал местные земли не хуже Арата, ставка была сделана на быструю атаку при переправе. Никаких щитов, только длинные копья, дротики и луки. Тугой ком, в который сбила авар атака словен, не позволил им воевать так, как они привыкли. Коннице негде было взять разбег, и лучники не могли уйти от ударов копий. Это было просто избиение, а воды Дуная были покрыты сотнями тел убитых, через которые пробирались новые и новые воины рода забендер. Арат не знал, что этот бой был спланирован еще полгода назад за триста верст отсюда, в далеком Новгороде, людьми, которых он никогда не видел. А сейчас он просто выполнял их волю, что донес ему обаятельный улыбчивый парень.

Тудун Тоногой с отрядом из родственников и ближних нукеров рубил полуголых словен на левом фланге. Кони, прикрытые кольчужными нагрудниками, лягали и кусали обнаглевших рабов. Выученный боевой конь злее волка. Для него все, кроме хозяина — враги. Не одну собаку затоптал копытами жеребец Тоногоя, когда те подходили слишком близко. Воины в тяжелой броне, которые по степной привычке не отказывались от лука, били из-за спин товарищей, и ни одна стрела не проходила мимо цели. Сюда-то и шел Сигурд Рваное Ухо, который, наконец, увидел свою цель. Всадник в роскошном пластинчатом доспехе, на высоком жеребце, и в шлеме, украшенном чеканкой и позолотой. Хан Тоногой, вождь племени забендер. Он то и нужен был Сигурду. Дан уже давно не обращал внимания на стрелы, которые рикошетили от непривычного шлема. Тот напоминал закругленный горшок, который плавно стекал на плечи железной волной. Лицо Сигурда было закрыто забралом, а голова медведя давным-давно слетела, срубленная скользящим ударом меча.

Сигурд добрался до хана, и с ревом бросился на него, подпираемый копьями словен, которые падали вокруг него, пронзенные стрелами. Тоногой взмахнул мечом и ударил чудовище, что бесновалось перед ним со своим странным топором. Меч бессильно звякнул о наруч, а дан нанес страшный удар, который смял ханский шлем, превратив лицо Тоногоя в кровавую рану.

— Хан убит! — раздался над полем протяжный вопль.

Всадники повернули коней в воду, гортанными криками разворачивая тех, кто еще плыл к берегу. Вождь погиб, а значит, в бегстве нет позора. Они прогневали великое небо, и теперь надо уносить ноги. Нет чести в том, чтобы глупо повиснуть на словенских кольях. Воины поплыли назад, получая в спину дротики и стрелы. Половина воинов племени

забендер осталась на том берегу. Половина!

Жалобное ржание раненых коней и стоны раненых вода разносила далеко, а степняки на другом берегу грозили кулаками и водили ладонью по горлу. Они скоро вернутся, и отомстят за свой позор, и это понимал каждый из племени мораван, как бы ни кипела в жилах кровь от первой за много десятилетий победы. На берегу остались сотни тел словен. Размен был тяжелым, и погребальные костры будут гореть долго.

Пока ловили коней, грабили мертвых кочевников и снимали лошадиные шкуры, Арат сидел на пеньке, унимая дрожь в налившихся тяжестью ногах. Опынение боя отпускало понемногу, и тело болело в десятке мест сразу. Там, куда били вражеские булавы и стрелы. Левая рука и вовсе висела плетью, и чувствительность возвращалась к ней постепенно. Видно, туда пришелся удар, и Арат не почувствовал этого в горячке боя.

— Ты где такой доспех взял? — спросил он у Сигурда, который сидел рядом, подставив ветерку мокрую от пота голову. — Никогда не видел, чтобы такое густое плетение было. И еще пластины эти...

— Князь Самослав даровал, — довольно жмурясь на солнце, ответил Сигурд. — Сказал что за этот дар я должен вождя в бою убить и ему доспех представить.

— Зачем? — удивился Арат. — Он думает, что ты соврешь ему?

— Нет! — расплылся в улыбке Сигурд. — Он его моему отцу пошлет. Чтобы тот своим сыном гордился. У меня с отцом...э-э-э... кое-какие разногласия были.

— Ясно, — с понимающей улыбкой посмотрел Арат на гиганта.

— Что думаешь? — спросил Сигурд. — Когда авары за своих мстить придут?

— Думаю, месяц у нас точно есть, — пожал плечами Арат. — Может быть, полтора. Надо бы князю сообщить.

— Не надо, — махнул Сигурд своей лапицей. — Он и так уже все знает.

— Зван? — догадался Арат, но ответа не дождался. Он жадно спросил: — А какой он, князь Самослав?

— Станный, — честно признался Сигурд. — С одной стороны, купец и скряга, каких поискать. Лишний бочонок меда жалеет для своих воинов. А с другой — нищему берсерку, которого из родных земель выгнали, велел на заказ доспех изготовить, ценой в сорок солидов.

— Сколько? — раскрыл глаза Арат. — Со... Сорок солидов?

— Сорок, — подтвердил Сигурд. — Я у мастера спрашивал. Он мне сам признался, что никогда такую работу не делал, и стоило бы это никак не меньше, чем сорок золотых. А еще он мне сказал, что если бы он такой доспех в Париже кому-нибудь продал, то стал бы знаменит, как его бывший хозяин. Он даже помыслить не мог, что так делать можно. Ему сам князь расписал, как и что должно быть. Вот он какой, князь Самослав! Держись его, Арат, не прогадаешь!

— Пошли людей собирать, — со стоном встал Арат. — Я им сейчас слово скажу, а ты поддержишь. Надо племя мораван под руку князя приводить, не то конец нам.

— Орда скоро придет, — улыбнулся Сигурд. — Ох, и добрый бой будет! Жаль только, братья мои в Валхалле. Все веселье пропустят!

Вороны кружили над берегом Дуная. Тут собралось много людей, а значит, будет много пищи. Так ведь всегда бывает. Глупые людишки не могут просто собраться без того, чтобы на земле не осталось потом много гниющего мяса. Вороны знали, что этот пир не станет последним. И они не ошиблись.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Куриалы — члены городского совета, которые отвечали за содержание городской инфраструктуры и сбор налогов. Причем, своим имуществом. Меровинги унаследовали римскую систему налогообложения, поэтому города продолжали управляться магистратами, выбранными из богатых горожан-куриалов.

Трэлль — раб в Скандинавии.

Медовый чертог — отдельное здание, в котором вождь пирует со своей дружиной. Снабжение алкоголем своих воинов было одной из главных обязанностей ярлов и конунгов.

Свадьба принцессы Ригунты описана в книге «История Брунгильды и Фредегонды...»